

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

А.И. Бастрыкин,
Председатель Следственного комитета Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор, генерал юстиции Российской Федерации

А.В. Федоров,
заместитель Председателя
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

А.А. Бессонов,
и. о. ректора Московской
академии Следственного
комитета Российской Федерации,
доктор юридических
наук, доцент

Д.В. Алехин,
проректор по научной
и учебной работе Московской
академии Следственного
комитета Российской Федерации,
кандидат
юридических наук, доцент

О.Ю. Антонов,
декан факультета подготовки
криминалистов Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент

Ю.М. Антонян,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник высшего
профессионального
образования Российской
Федерации

Л.В. Голосков,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского
отдела Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
доцент

И.В. Грошев,
заместитель директора
по научной работе НИИ
образования и науки, доктор
психологических наук, доктор
экономических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки РФ

Р.А. Каламкарян,
ведущий научный сотрудник
сектора международно-
правовых исследований
Института государства
и права РАН, профессор
кафедры международного
права Российского университета
дружбы народов (РУДН),
доктор юридических наук,
профессор, лауреат премии
имени Ф.Ф. Мартенса (2007)

В.Н. Карагодин,
заведующий кафедрой
криминалистики
Екатеринбургского филиала
Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации,
Почетный сотрудник
Следственного комитета
Российской Федерации

А.Н. Кузбагаров,
заведующий кафедрой
гражданского права
Северо-Западного филиала
Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
профессор

Р.А. Курбанов,
директор НИИ «Институт
правовых исследований
и региональной интеграции»
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

Е.Л. Логинов,
профессор департамента
мировой экономики
и международных финансов
Финансового университета
при Правительстве
Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор РАН

И.М. Мацкевич,
главный ученый секретарь
ВАК при Министерстве
образования и науки РФ,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
деятель науки Российской
Федерации, Почётный
работник прокуратуры
Российской Федерации

Г.Б. Мирзоев,
ректор Российской академии
адвокатуры и нотариата,
президент Гильдии российских
адвокатов, президент
Международной ассоциации
русскоязычных адвокатов,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской
Федерации

В.С. Осипов,
профессор кафедры
управления активами
Московского государственного
института международных
отношений (университета)
Министерства иностранных
дел Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор

И.М. Рассолов,
Московский городской
педагогический университет,
профессор кафедры
информационного права
и цифровых технологий
Московского государственного
юридического университета
им. О.Е. Кутафина, доктор
юридических наук, профессор

С.Г. Симагина,
и. о. заведующего кафедрой
прикладной информатики
Поволжского государственного
университета телекоммуникаций
и информатики, доктор
экономических наук,
профессор

А.Б. Скаков,
профессор кафедры
уголовного права,
уголовно-процессуального
права и криминалистики
Казахского национального
университета им. аль-Фараби,
профессор кафедры
криминологии Академии
ФСИН России, доктор
юридических наук, профессор,
Почетный работник образования
Казахстана

А.Е. Суглобов,
Российский университет
кооперации, доктор
экономических наук, профессор

В.Н. Ткачев,
начальник Служебно-
правового управления
Договорно-правового
департамента МВД России,
доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный
юрист Российской Федерации

Ю.А. Цыпкин,
профессор кафедры
маркетинга Государственного
университета по землеустройству,
доктор экономических наук,
профессор

В.Б. Шабанов,
заведующий кафедрой
криминалистики
юридического факультета
Белорусского государственного
университета, доктор
юридических наук,
профессор

Н.Д. Эриашвили,
профессор кафедры
гражданского права
и процесса Московского
университета МВД РФ
им. В.Я. Кикотя, главный
редактор издательства
«ЮНИТИ-ДАНА», доктор
экономических наук, кандидат
юридических наук, кандидат
исторических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства Российской
Федерации в области науки
и техники

EDITORIAL BOARD

CHAIRMAN

A.I. Bastrykin,

Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, General
of Justice of the Russian Federation

MEMBERS OF THE BOARD

A.V. Fedorov,

Deputy Chairman
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of Law, Professor,
Honored Lawyer
of the Russian Federation

A.A. Bessonov,

Acting Rector of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Associate Professor

D.V. Alyokhin,

Vice-Rector for Scientific
and Educational Work
of the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate
Professor

O.Yu. Antonov,

Dean of the Faculty
of Criminology Training
of the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate
Professor

Yu. M. Antonyan,

Chief Researcher of the All-
Russian Research Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher
Professional Education
of the Russian Federation

L.V. Goloskokov,

Leading Researcher
of the Research Department
of the Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Associate
Professor

I.V. Groshev,

Deputy Director for Scientific
Work of the Research Institute
of Education and Science,
Doctor of Psychology,
Doctor of Economics,
Professor, Honored Scientist
of the Russian Federation

R.A. Kalamkarian,

Leading Researcher
of the International Legal
Research Sector
of the Institute of State
and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Professor of the Department
of International Law
of the Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN),
Doctor of Law, Professor,
laureate of the F.F. Martens
Prize (2007)

V.N. Karagodin,

Head of the Criminalistics
Department of the Yekaterinburg
Branch of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Investigative Committee
of the Russian Federation

A.N. Kuzbagarov,

Head of the Department
of Civil Law of the North-
Western Branch of the Russian
State University of Justice,
Doctor of Law, Professor

R.A. Kurbanov,

Director of the Research
Institute "Institute of Legal
Studies and Regional
Integration" of Plekhanov
Russian University of
Economics, Doctor of Law,
Professor, Honored Lawyer
of the Russian Federation

E.L. Loginov,

Professor of the Department
of World Economy
and International Finance
of the Financial University
under the Government
of the Russian Federation,
Doctor of Economics,
Professor of the Russian
Academy of Sciences

I.M. Matskevich,

Chief Scientific Secretary
of the Higher Attestation
Commission Ministry
of Education and Science
of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist
of the Russian Federation,
Honorary Employee
of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation

G.B. Mirzoev, Rector of the Russian Academy of Advocacy and Notary, President of the Guild of Russian Lawyers, President of the International Association of Russian-speaking Lawyers, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation	V.S. Osipov, Professor of the Asset Management Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor	I.M. Rassolov, Moscow City Pedagogical University, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of the O.E. Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor

S.G. Simagina, Acting Head of the Department of Applied Informatics of the Volga State University of Telecommunications and Informatics, Doctor of Economics, Professor	A.B. Skakov, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Al-Farabi Kazakh National University, Professor of the Department of Criminology of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of Kazakhstan	A.E. Suglobov, Russian University of Cooperation, Doctor of Economics, Professor
	V.N. Tkachev, Head of the Service and Legal Department of the Contract and Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation	

Yu.A. Tsypkin, Professor of the Marketing Department of the State University of Land Management, Doctor of Economics, Professor	V.B. Shabanov, Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor	N.D. Eriashvili, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Editor-in-Chief of the publishing house "UNITY-DANA", Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology

УЧРЕДИТЕЛЬ

*Федеральное государственное
казенное образовательное
учреждение высшего
образования «Московская
академия Следственного
комитета Российской
Федерации»*

*Исполняющий обязанности
ректора Московской
академии Следственного
комитета Российской
Федерации, доктор
юридических наук, доцент,
полковник юстиции*

А.А. Бессонов

РЕДАКЦИЯ

*Главный редактор
Объединенной редакции
Н.Д. Эриашвили,
лауреат премии
Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических
и исторических наук,
профессор
E-mail: professor60@mail.ru*

*Научный редактор,
ответственный за издание*

*А.Ж. Саркисян,
руководитель редакционно-
издательского и информа-
ционно-библиотечного
отдела Московской академии
Следственного комитета
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент*

**В подготовке номера
участвовали:**

*Редакторы
О.В. Берберова,
И.Д. Нестерова*

*Художник
А.П. Яковлев*

*Верстка номера
М.А. Бакаян*

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций*

*Свидетельство
о регистрации
ПИ № ФС77-69345*

*Адрес редакции:
125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12
Тел.: 8-499-740-60-14,
8-499-740-60-15,
E-mail: 7700153@gmail.com*

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ АКАДЕМИИ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

СОДЕРЖАНИЕ № 3/2022

Всероссийская научно-практическая конференция «Педагог. Ученый. Следователь. К 100-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина»	11
А.И. БАСТРЫКИН. Вопросы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности	15
А.В. ФЕДОРОВ. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Китая	19
Юридические науки	
Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	
Л.В. ГОЛОСКОКОВ. Триада безопасности: экономика, экология и энергетика	41
Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	
А.В. ФИОШИН. О некоторых оценочных понятиях обязательственного права и искусственном интеллекте (постановка проблемы)	50
Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право	
Г.В. АНТОНОВ-РОМАНОВСКИЙ, Д.К. ЧИРКОВ, В.С. КАШИН. К вопросу об особенностях номенклатурной коррупции	61
П.Б. АФАНАСЬЕВ, Г.Ф. КОИМШИДИ. Криминальная виктимизация несовершеннолетних: состояние и тенденции развития	69

Оригинал-макет
подготовлен издательством
«ЮНИТИ-ДАНА»

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. За сведения, содержащиеся в рекламных объявлениях, редакция ответственности не несет.
- Редакция не вступает в переписку с авторами писем, рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации» ссылка на журнал обязательна.
- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажается смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересыпать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не вправе обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письма, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60x84 1/8. Печ. л. 23
Печать офсетная

Подписано в печать: 25.08.2022
Отпечатано типографии ООО «Буки Веди»,
г. Москва, вн. тер. г. Муниципальный
округ Обручевский, ул. Профсоюзная,
д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.

Заказ №

Цена договорная. Тираж 3000 экз.
Первый завод — 1000 экз.

A.В. БОРИСОВ. Криминологические меры обеспечения транспортной безопасности	76
В.В. БЫЧКОВ. Молодёжь России в системе противодействия киберэкстремизму	87
А.С. КЛИМОВ, С.Н. ХОРЬЯКОВ. Проблемные аспекты совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за половые преступления	95
К.Н. РАДЧЕНКО. Причины и условия совершения краж в России на современном этапе	101
В.Б. ХАЗИЗУЛИН. Понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи	106
В.А. ЧУКРЕЕВ. Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве	122
Уголовный процесс	
А.А. ИЛЮХОВ. Процессуальный контроль руководителя следственного органа в обеспечении качества и результативности предварительного следствия по уголовным делам, по которым предусматривается возможность их рассмотрения судом присяжных заседателей	128
Экономические науки	
А.В. МИНАКОВ, Н.Д. ЭРИАШВИЛИ. Развитие финансовых технологий в сфере кредитования	134
В.А. ПЕРОВ, А.А. ШИБАНОВА. Совершенствование критериев оценки эффективности государственных закупок, осуществленных путем проведения конкурса	143

Исследования молодых ученых

И.А. ИВАНИН. Современные аспекты криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий	149
М. МАДЖУМАЕВ. Уголовная ответственность за массовые беспорядки по законодательству отдельных штатов США	155
М.А. ПОПОВА. Понятие и уголовно-правовое значение корыстного мотива преступления	164
С.А. СААКОВА. Некоторые вопросы тактики использования специальных знаний специалиста-почерковеда при получении образцов для сравнительного исследования	171
А.К. ЯКУБЕНКО. Основные средства дифференциации ответственности за экономические преступления	181

FOUNDER

**The Moscow Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation**

*Acting rector of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, doctor of juridical
sciences, associate professor,
colonel of justice
A.A. Bessonov*

EDITORIAL STAFF

*Editor-in-Chief of the Joined
Editorship*

N.D. Eriashvili,
*the winner of an award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of science and
equipment, doctor of economy,
candidate of law and history,
professor*
E-mail: professor60@mail.ru

**Scientific editor,
responsible for publishing**

A.Zh. Sarkisyan,
*Head of Editorial and Publishing
and Informational and Library
Department of the Moscow
Academy of the Investigative
Committee of the Russian
Federation, candidate of law,
associate professor*

The issue was prepared by:
Editors

**O.V. Berberova,
I.D. Nesterova**

Painter

A.P. Yakovlev

Imposition

M.A. Bakayan

*The journal is registered
by the Federal Service
for supervision in the sphere
of telecom, information
technologies and mass
communications.*

**The certificate of registration PI
№ FS 77-69345**

Editorial staff address:
125080, Moscow, st. Vrubelya, d. 12
Tel.: 8 (499) 740-60-14,
8 (499) 740-60-15
E-mail: ask_rf@mail.ru

**BULLETIN
OF THE MOSCOW ACADEMY
OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

CONTENT № 3/2022

All-Russian scientific and practical conference “Teacher. Scientist. Investigator. To the 100th anniversary of the birth of Rafail Samuilovich Belkin”	11
A.I. BASTRYKIN. Issues of investigation of crimes in the sphere of entrepreneurial activity ...	15
A.V. FEDOROV. Criminal liability of legal entities under Chinese law	19
<u>Legal sciences</u>	
L.V. GOLOSKOKOV. Safety triad: economics, ecology and energy	41
Civil law; Business law; Family law; Private international law	
A.V. FIOSHIN. On some evaluative concepts of the law of obligations and artificial intelligence (problem statement)	50
Criminal law and criminology; penal enforcement law	
G.V. ANTONOV-ROMANOVSKY, D.K. CHIRKOV, V.S. KashIn. On the features of nomenclature corruption	61
P.B. AFANASEV, G.F. KOIMSHIDI. Criminal victimization of minors: state and development trends	69
A.V. BORISOV. Criminological measures to ensure transport security	76

The original-model is created
by publishing house
UNITY-DANA

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.
- Editorial staff does not enter into a correspondence to authors of letters, manuscripts does not return.
- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials «Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation» the reference to the journal is obligatory.
- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.
Format 60x84 1/8
Print. sh. 23. Offset printing
It is sent for the press 25.08.2022
Printed by the printing house
of LLC "Buki Vedi", Moscow,
ext. ter. Obruchevsky Municipal
District, 56 Profsoyuznaya Street,
floor 3, room XIX, room 321
Order No.
Contractual price
The circulation is 3000 copies
The first plant — 1000 copies

V.V. BYCHKOV. Russian youth in the system of countering cyber extremism 87

A.S. KLIMOV, S.N. KHORYAKOV. Problematic aspects of improving criminal legislation providing for liability for sexual crimes 95

K.N. RADCHENKO. Causes and conditions of thefts in Russia at the present stage 101

V.B. KHAZIZULIN. The concept of crimes committed in the provision of health care 106

V.A. CHUKREEV. Illegal organ transplantation in international criminal law 122

Criminal trial

A.A. ILYUKHOV. Procedural control of the head of the investigative body in ensuring the quality and effectiveness of the preliminary investigation in criminal cases, which provide for the possibility of their consideration by a jury 128

Economic Sciences

A.V. MINAKOV, N.D. ERIASHVILI. Development of financial technologies in the field of lending 134

V.A. PEROV, A.A. SHIBANOVA. Improvement of criteria for evaluating the effectiveness of public procurement carried out through a tender 143

Research by young scientists

I.A. IVANIN. Modern aspects of the criminological characteristics of the personality of employees of internal affairs bodies who have committed abuse of power 149

M. MADZHUMAYEV. The criminal liability for civil disorders under the state laws of the U.S.	155
M.A. POPOVA. The concept and criminal legal meaning of self-serving motive of a crime	164
S.A. SAAKOVA. Some questions of tactics of using the special knowledge of a handwriting specialist when obtaining samples for comparative research	171
A.K. YAKUBENKO. The main means of differentiating responsibility for economic crimes	181

В Московской академии Следственного комитета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Педагог. Ученый. Следователь. К 100-летию со дня рождения Рафаила Самуиловича Белкина»

В Московской академии Следственного комитета 3 июня 2022 года состоялась Всероссийская научно-практическая конференция, приуроченная к 100-летию со дня рождения Р.С. Белкина — основоположника отечественной криминалистики.

Рафаил Самуилович Белкин (1922—2001) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР (1976), генерал-майор милиции, участник Великой Отечественной войны.

Профессор Р.С. Белкин — один из самых известных и ярких отечественных ученых-криминалистов XX века. Он впервые разработал концепцию общей теории криминалистики, по-новому определил предмет криминалистической науки и решил вопрос о ее природе, сформулировал ряд важнейших положений теории уголовно-процессуального доказывания, криминалистической тактики, методики, судебной экспертологии и оперативно-разыскной деятельности. Вся научно-педагогическая деятельность Рафаила Самуиловича была неразрывно связана с Высшей школой МВД СССР, впоследствии Академией МВД СССР и Академией управления МВД России, где долгие годы он руководил кафедрой криминалистики, которая являлась крупнейшей и, по оценкам современников, лучшей кафедрой Союза ССР.

Работа конференции была организована в формате очного заседания с дистанционным участием, которое обеспечивалось подключением к платформе системы видео-конференц-связи Московской академии Следственного комитета — BigBlueButton.

Почетным гостем конференции стала дочь ученого — Е.Р. Россинская, заведующая кафедрой судебных экспертиз, научный руководитель Института судебных экспертиз МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, академик РАЕН.

В форуме приняли участие ведущие ученые МГУ им. М.В. Ломоносова, Института государства и права РАН, МГЮА им. О.Е. Кутафина, МГИМО МИД России, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Академии управления МВД России, региональных институтов МВД России, Московской и Санкт-Петербургской академий Следственного комитета и других вузов и научных учреждений.

Председатель СК России, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации А.И. Баstrykin в своем приветственном слове подчеркнул, что Рафаил Самуилович Белкин был, прежде всего, великим человеком, напомнил о фронтовых страницах его биографии, поделился воспоминаниями о ярких и глубоких по содержанию научных выступлениях ученого, рассказал об их последней встрече. Уникальная черта Р.С. Белкина, по мысли А.И. Баstrykina, — это сочетание практичности, конкретности с высокой теоретичностью. Ему удалось применить положения философии к прикладной науке и в результате создать теорию криминалистики. Рафаил Самуилович — крупнейший ученый, его труды

Р.С. Белкин

навсегда вошли в историю науки. Идеи Р.С. Белкина получают развитие в трудах его учеников и будут развиваться новыми поколениями ученых.

Затем **А.И. Бастрыкин** торжественно вручил **Е.Р. Россинской** медаль Следственного комитета Российской Федерации «За высокую гражданственность».

Далее с приветственным словом выступил директор Института государства и права Российской академии наук, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России **А.Н. Савенков**, который сделал акцент на уникальности судьбы Белкина, уникальности его докторской диссертации. Он рано проявил свои способности. Будучи студентом четвертого курса, Рафаил Самуилович уже выступил с докладом на Всесоюзной конференции криминалистов (съезды криминалистов со всего мира проводились в России с 1903 г.).

Елена Рафаиловна Россинская рассказала о детстве и юности Рафаила Самуиловича Белкина, его семье, стремлении к науке, увлечении поэзией. Она прочитала стихотворение Р.С. Белкина «То был июньский душный вечер» (1943 г.). В свете непрекращающихся попыток по-новому сформулировать предмет науки криминастики Елена Рафаиловна обратилась к присутствующим с призывом придерживаться фундаментальных научных категорий, прошедших проверку временем и объективно не нуждающихся в изменениях.

Далее выступил начальник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя **И.А. Калиниченко**. Не так давно возглавляемый им университет и Московская академия Следственного комитета заключили соглашение о сотрудничестве, и взаимодействие наших вузов вышло на новый качественный уровень. Игорь Александрович предложил совместную работу над цифровой платформой с целью популяризации научной школы Р.С. Белкина.

И. о. ректора Московской академии Следственного комитета доктор юридических наук, доцент **А.А. Бессонов** отметил непреходящую значимость трудов Р.С. Белкина для отечественной и мировой криминастики.

После просмотра фильма о Р.С. Белкине, предоставленного его семьей, Председатель СК России **А.И. Бастрыкин** в торжественной обстановке наградил обучающихся Московской академии Следственного комитета, ставших стипендиатами стипендии им. В.В. Найденова: Э.Г. Мартынюка, С.А. Дмитриева, А.А. Казакова, А.В. Куликову, А.А. Можную, Д.В. Шалапутина.

После награждения Александр Иванович обратился к обучающимся с напутствием, подчеркнув, что на следствии не бывает легкой жизни, и призвал их ответственно относиться к будущей профессии, особенно в современных условиях. Создание будущего — за новым поколением. Послевоенное поколение не могло предположить, что в течение его жизни вновь начнутся военные действия. Но сейчас пришла пора создавать новые методики расследования преступлений против гражданского, мирного населения. Следователи Следственного комитета, подчеркнул глава ведомства, активно проводят следственные действия на Донбассе, с тем чтобы виновные были привлечены к уголовной ответственности и возместили причиненный ими ущерб. К этой работе предстоит присоединиться и будущим следователям.

Главный ученый секретарь ВАК при Минобрнауки России, Президент Союза криминалистов и криминологов **И.М. Мацкевич** в своем выступлении подчеркнул особый характер науки криминастики, созданной в нашей стране именно трудами Р.С. Белкина, систематизировавшего и объединившего имеющиеся знания. Кроме того, Игорь Михайлович рассказал о планируемой реформе высшей школы и всей системы подготовки научных и научно-педагогических кадров.

Заведующий кафедрой криминастики МГУ имени М.В. Ломоносова **И.М. Комаров** отметил, что Р.С. Белкин выступил провидцем в некоторых вопросах уголовного судопроизводства. В частности, еще на этапе разработки УПК РФ он говорил о предоставлении следователю возможности назначать судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела, что и было сделано спустя несколько лет после принятия кодекса. Также Игорь Михайлович напомнил участникам конференции о научном завещании Р.С. Белкина и призвал бережно относиться к языку криминастики.

Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России **С.Б. Россинский**, внук основоположника российской криминастики, подчеркнул, что Р.С. Белкин никогда не боялся признавать существующие проблемы, ошибки и называл вещи своими именами. Именно такого прагматизма не хватает современной науке.

В пленарном заседании с содержательными, проблемными научными докладами, вызвавшими конструктивную научную дискуссию, также выступили ведущие ученые — заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по научной работе **В.Ю. Федорович**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России **В.Ю. Владимиров**, профессор кафедры криминастики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **А.Ф. Волынский**, профессор кафедры предварительного расследования факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета **М.В. Кардашевская**, профессор кафедры частного права Государственного университета управления **Е.И. Майорова**, профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета **В.А. Прорвич**, профессор кафедры уголовного процесса и криминастики Бурятского государственного университета **Ю.П. Гармаев**, профессор кафедры уголовного процесса факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета **А.С. Шаталов**.

На конференции прозвучали воспоминания о Р.С. Белкине, обсуждалось его научное наследие и его научно-педагогическая школа, рассматривалось значение его идей и их влияние на перспективы криминастики в условиях современных вызовов, а также роль этого крупнейшего ученого XX века в развитии отдельных уголовно-процессуальных институтов. Участники конференции обсудили научное наследие профессора Р.С. Белкина, вспоминая основоположника теоретических основ советской криминастики, высказали свои размышления и отметили роль его семьи и его времени в формировании ученого и гражданина.

Признавая огромное значение научного наследия Р.С. Белкина, участники конференции полагают, что оно:

- до настоящего времени влияет на состояние и дальнейшее развитие отечественной криминалистики, в том числе по следующим направлениям — общая теория криминалистики, включая теории судебно-экспертного и криминалистического прогнозирования, теорию организации расследования преступлений, криминалистическое учение о тактических комплексных средствах расследования, криминалистическая методика расследования преступлений, судебная экспертология;
- требует своего развития в условиях современных вызовов, в том числе в части взаимодействия следователя и эксперта (специалиста) в контексте использования инновационных технологий;
- позволяет осуществлять взаимодействие уголовно-процессуальной и криминалистической наук;
- влияет на развитие отдельных уголовно-процессуальных институтов (однако современной науке уголовного процесса не хватает прагматизма Р.С. Белкина);
- является поводом для воспоминаний и размышлений современных ученых;
- влияет на формирование оперативно-разыскной методики;
- необходимо для изучения, развития и применения в современной научной и практической деятельности.

Участники конференции отмечают, что подобные мероприятия, проводимые в Московской академии Следственного комитета и других юридических вузах, позволяют актуализировать криминалистические, уголовно-процессуальные и оперативно-разыскные исследования, способствуя тем самым развитию наук уголовно-правового цикла, особенно в свете укрупнения научных специальностей.

Участники конференции предлагают Московской академии Следственного комитета и Академии управления МВД России продолжить практику проведения научно-практических форумов в честь юбилеев со дня рождения профессора Р.С. Белкина, а также обращаются к учебным и научным заведениям стран СНГ с предложением о проведении аналогичных мероприятий.

По итогам конференции принято решение об оборудовании в Московской академии Следственного комитета учебной аудитории, посвященной жизни и творчеству профессора Р.С. Белкина.

Вопросы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. В статье в контексте вопросов защиты прав и законных интересов предпринимателей, уголовной политики Российской Федерации в области обеспечения экономической безопасности рассмотрены некоторые особенности расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Поднимается тема гуманизации уголовной ответственности за такие преступления, что связано, в частности, с избранием меры пресечения.

На основе анализа статистических данных о расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности за 2021 год и первый квартал 2022 года предлагаются изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления в сфере предпринимательской деятельности, гуманизация уголовной ответственности за преступления, меры пресечения, заключение под стражу, защита прав предпринимателей, налоговые преступления

Для цитирования: Бастрыкин А.И. Вопросы расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 15–18.
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.001.

Issues of investigation of crimes in the sphere of entrepreneurial activity

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia

Abstract. The article considers some of the special aspects of investigations in the field of economic security in the context of entrepreneur's rights and interests protection and the criminal policy of Russian Federation. The author discusses the topic of humanization of criminal responsibility for such crimes, which affects the selection of restrictive measures.

Based on analysis of statistical data on the investigation of crimes in the sphere of entrepreneurial activity from 2021 and to the first quarter of 2022, the author proposes amendments to the criminal and criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: crimes in the field of entrepreneurial activity, humanization of criminal liability for crimes, preventive measures, detention, protection of the rights of entrepreneurs, tax crimes

For citation: Bastrykin, A.I. (2022) Issues of investigation of crimes in the sphere of entrepreneurial activity. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 15–18. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.001.

В соответствии со статьями 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности¹.

При этом одним из условий, способствующих формированию благоприятного делового

климата, выступает гуманизация уголовной ответственности за преступления в сфере пред-

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

принимательской деятельности². К ним относятся преступления, предусмотренные частями первой — четвертой статьи 159, статьями 159.1—159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, а также частями пятой — седьмой статьи 159, статьями 171, 171.1, 171.3—172.3, 173.1—174.1, 176—178, 180, 181, 183, 185—185.4 и 190—199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации.

С учётом отмеченного, с 9 апреля 2010 года предусмотрен исключительный порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении этой категории преступлений, в соответствии с которым их заключение под стражу допускается только в случае, если подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации, его личность не установлена, им нарушена ранее избранная мера пресечения либо он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

При этом в уголовном судопроизводстве акцент делается на формировании особого процессуального режима, регламентирующего порядок и особенности возбуждения уголовного дела в отношении представителей бизнеса, специфику применения к ним мер уголовно-процессуального принуждения, работы с доказательствами, освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования.

С 2011 года предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление экономической направленности, при условии полного возмещения ущерба и перечисления в федеральный бюджет денежного возмещения в установленном законом размере (ст. 76.1. УК РФ)³.

² Перечислены в ч. 1.1 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

³ Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 декабря (№ 278).

Безусловно, на формирование уголовной политики Российской Федерации в области обеспечения экономической безопасности существенное влияние оказывает судебная практика. В связи с этим СК России осуществляет постоянный мониторинг обеспечения следственными органами гарантий обвиняемым и подозреваемым от необоснованного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу с учетом разъяснений в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»⁴ и от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий»⁵.

С учётом этого руководители следственных органов ориентированы на необходимость повышения требовательности к следователям по неукоснительному исполнению положений уголовно-процессуального законодательства в части избрания меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности.

Касаясь вопроса об избрании меры пресечения, следует отметить, что Службой специальной связи и информации ФСО России в марте 2022 года проведен опрос экспертов в 38 субъектах Российской Федерации с целью изучения мнения о защите прав предпринимателей. Опрос проводился среди трех категорий экспертов, в числе которых были сотрудники органов прокуратуры, адвокаты и учёные-юристы, а также предприниматели, подвергшиеся уголовному преследованию (далее — предприниматели). Результаты опроса показали, что мнения сотрудников прокуратуры существен-

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

но отличаются от мнений других категорий юристов⁶.

Например, предприниматели пока не видят ощутимого прогресса в деле защиты их прав в ходе ведения бизнеса. Так, 76,1 % российских предпринимателей, подвергшихся уголовному преследованию (и опрошенных, как отмечалось, в 38 субъектах Российской Федерации), не считают ведение бизнеса безопасным. При этом большая часть сотрудников органов прокуратуры, а также адвокатов и учёных-юристов заявили об обратном (более 70 % и 55 % соответственно).

Большинство адвокатов и учёных-юристов (82 %) считают, что в отношении большей части предпринимателей, находящихся под стражей в СИЗО (в случае если они не совершали тяжкие преступления и не пытались скрываться), можно было бы избрать иные меры пресечения. В то же время данную точку зрения поддерживают лишь 29,2 % сотрудников органов прокуратуры.

Вместе с тем 20 % предпринимателей готовы продолжить заниматься предпринимательской деятельностью после завершения уголовного преследования, а 46,7 % продолжают ей заниматься⁷.

В связи с приведенными данными опроса следует привести статистические данные о практике расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности следователями СК России в 2021 году, а также в первом квартале 2022 года.

Так, в 2021 году в производстве следователей ведомства находилось почти 13 тысяч (12 998) уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности (-4,5 %, в 2020 г. — 13 615).

В суд направлено 3685 уголовных дел (+16,6 %, в 2020 г. — 3161), из них с обвинительным заключением — 3191 дело (+38,6 %, в 2020 г. — 2302) и 494 дела с ходатайством о назначении судебного штрафа (-42,5 %, в 2020 г. — 859), в отношении 4337 лиц (в 2020 г. — 3715), из которых лишь 119 содержалось под стражей (+24 %, в 2020 г. — 96). С целью обеспечения возмещения причиненного преступлениями ущерба по ходатайству следователей наложен арест на имущество подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений на сумму 38 707 350 тыс. руб., что позволяет обеспечить возмещение ущерба по уголовным делам, направленным в суд, в полном объеме.

В первом квартале 2022 года следственными органами СК России в суд направлено 851 уголовное дело (+2,4 %), из них с обвинительным заключением — 766 дел (+13,8 %) и 85 дел с ходатайством о назначении судебного штрафа (3 мес. 2021 г. — 158), в отношении 1003 лиц (3 мес. 2021 г. — 962), из которых лишь 36 содержалось под стражей.

С целью обеспечения возмещения причиненного преступлениями ущерба по ходатайству следователей наложен арест на имущество подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений на сумму 42 790 510 тыс. руб., что позволяет обеспечить возмещение ущерба по уголовным делам, направленным в суд, на 99,8 %.

При этом руководители следственных подразделений СК России ориентированы на необходимость более широко использовать право, предусмотренное пунктом 4 части первой статьи 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)⁸, на проведение лично допроса подозреваемого (обвиняемого) перед решением вопросов об избрании меры пресечения, продлении срока предварительного расследования, отмене или изменении меры пресечения.

В завершение следует отметить, что в 2022 году принят Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁹. Этим законом статья 140 УПК РФ дополнена положением, устанавливающим, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 198—199.2 УК РФ, служат только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Тем самым с помощью возвращения практики возбуждения дел только после налоговой проверки будет снижена

⁶ Мнение экспертов о защите прав предпринимателей в Российской Федерации / Федеральная служба охраны Российской Федерации. 2022.

⁷ Мнение экспертов о защите прав предпринимателей в Российской Федерации / ФСО России. 2022.

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

⁹ Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.

нагрузка на предпринимателей в условиях санкций США и ЕС. Вместе с тем это может привлечь существенное снижение числа уголовных дел о налоговых преступлениях. Кроме того, внесенные изменения повлияют и на налоговые расследования с коррупционной составляющей.

Помимо этого, остаются вопросы, без урегулирования которых эффективное противодействие незаконным финансовым операциям с использованием цифровых финансовых активов и цифровой валюты уголовно-правовыми средствами затруднено. К примеру, до настоящего времени не приняты дополнения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, закрепляющие принадлежность цифровых валют к имуществу.

Назрела также насущная необходимость ввести в Уголовный кодекс Российской Федерации полноценную конфискацию имущества в качестве меры наказания для лиц, совершивших коррупционные преступления. Представляется, что такой подход будет самым действенным и справедливым средством, отвечающим ожиданиям наших граждан и интересам добровольственных предпринимателей.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

3. Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 9 декабря (№ 278).

4. Федеральный закон от 09.03.2022 № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 11. Ст. 1601.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

7. Мнение экспертов о защите прав предпринимателей в Российской Федерации / Федеральная служба охраны Российской Федерации. 2022.

Информация об авторе

А.И. Баstryкин — Председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, генерал юстиции Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.I. Bastrykin – Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Китая

Александр Вячеславович Федоров

Следственный комитет Российской Федерации,
Москва, Россия, 1956af@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена законодательству Китая об уголовной ответственности юридических лиц (организаций, как являющихся юридическими лицами, так и не имеющих статуса юридического лица, но зарегистрированных в установленном законом порядке). Рассматриваются вопросы формирования и развития китайского законодательства об уголовной ответственности организаций, установленной первоначально путем принятия специальных уголовных законов, а в дальнейшем — путем включения норм об ответственности организаций в Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (УК КНР). Указывается социальная и экономическая обусловленность включения в китайское законодательство норм об уголовной ответственности организаций. Отмечается, что уголовная ответственность организаций изначально вводилась как составляющая государственного механизма регулирования рыночных отношений, а в последующем была распространена и на другие, не только на экономические, преступления. Рассматриваются доктринальные основы закрепления института уголовной ответственности организаций в китайском законодательстве. Особо выделяется вклад профессора Хэ Бинсона в разработку теории такой ответственности.

Особенностью китайского уголовного законодательства является то, что им предусматривается уголовная ответственность организаций за совершение корпоративных преступлений. Рассматриваются положения УК КНР, касающиеся определения корпоративного преступления и его состава. Отмечается, что субъектом корпоративного преступления являются легальные организации, имеющие статус юридического лица и не обладающие таким; выделяются специальные субъекты корпоративных преступлений; определяются объективные и субъективные признаки состава корпоративного преступления.

Рассматриваются варианты закрепления в Особенной части УК КНР норм об ответственности организаций, распределение статей, предусматривающих корпоративные преступления, по главам УК КНР; санкции (наказания), предусмотренные за совершение корпоративных преступлений; сроки давности, применяемые к корпоративным преступлениям; уголовно-процессуальный порядок привлечения к уголовной ответственности организаций; перспективы развития китайского законодательства об уголовной ответственности организаций. Обращается внимание, что наряду с уголовной в Китае имеет место и административная ответственность организаций.

Ключевые слова: китайское уголовное законодательство; Уголовный кодекс Китайской Народной Республики; теоретические концепции уголовной ответственности юридических лиц (организаций); Хэ Бинсун; корпоративное преступление; субъекты корпоративных преступлений; организации; юридические лица; объективные и субъективные признаки состава корпоративного преступления; уголовные наказания (санкции)

Для цитирования: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Китая // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 19—40. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.002.

Criminal liability of legal entities under Chinese law

Aleksandr V. Fedorov

Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, 1956af@mail.ru

Abstract. The article is devoted to legislation of China on the criminal liability of legal entities (organizations both registered as entity and the ones without the same legal status, but registered by the law). The article describes issues of Chinese legislation development on the criminal liability of legal entities, which was at first established by adoption of special criminal laws, and later by including the laws of legal entity responsibility in the Criminal Code of People's

Republic of China. Social and economic conditionality of the inclusion of the laws on criminal liability of legal entities into the Chinese legal system are noted. Initially, liability of legal entities had been introduced as a part of the state mechanism for market regulation, and then later was extended to crimes other than economic. The doctrinal foundations of settlement of criminal liability of legal entities are discussed, and the contribution of Professor He Bingsong to the development of the theory of such responsibility is highlighted.

The unique feature of Chinese criminal law is that it prescribes for the criminal penalty to the organizations for committing corporate crimes. The provisions of the Criminal Code of the People's Republic of China concerning the definition of a corporate crime and its composition are considered. It is noted that the subjects of corporate crimes are both legal organizations that have the status of a legal entity and do not have it; special subjects of corporate crimes are singled out; and the objective and subjective signs of the corpus delicti of a corporate crime are determined.

Several options of enshrining are considered in the Special Part of the Criminal Code of the People's Republic of China, such as the laws on the responsibility of organizations, the distribution of articles providing for corporate crimes in accordance to the chapters of the Criminal Code of the People's Republic of China; sanctions (punishments) provided for committing corporate crimes; the statute of limitations applicable to corporate crimes; criminal procedural procedure for bringing organizations to criminal liability; prospects for the development of Chinese legislation on the criminal liability of organizations. Attention is also drawn to the fact that along with criminal liability there is also administrative liability for organizations in China.

Keywords: Chinese criminal law; Criminal Code of the People's Republic of China; theoretical concepts of criminal liability of legal entities (organizations); He Bingsong; corporate crime; subjects of corporate crimes; organizations; legal entities; objective and subjective signs of corpus delicti; criminal penalties (sanctions)

For citation: Fedorov, A.V. (2022) Criminal liability of legal entities under Chinese law. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 19–40. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.002.

В настоящее время общепризнано появление в мире нового направления развития уголовного законодательства, связанного с установлением уголовной ответственности юридических лиц¹. Законодательства уже более чем 80 государств предусматривают такую ответственность². В том числе она имеет место и во многих государствах — бывших союзных республиках Советского Союза³.

Уголовная ответственность юридических лиц появилась в середине прошлого века как составляющая государственного механизма регулиро-

вания рыночных отношений в капиталистических странах. Так, в европейских государствах уголовная ответственность юридических лиц в её современном понимании впервые была введена в Нидерландах законом «Об экономических преступлениях» 1950 года. Статьей 15 этого акта допускались уголовное преследование и наказание предприятий (юридических лиц), «если ими или с их стороны» было совершено преступление экономического характера⁴.

Принятие указанной нормы стало возможным в силу того, что в теории права уголовная ответственность начала рассматриваться как система социального регулирования экономических отношений, субъектом которых являются юридические лица. По мнению нидерландских ученых, если обязанность соблюдать закон лежит на юридических лицах, то «становится трудно не признать их уголовную ответственность, когда норма нарушена»⁵.

¹ См., напр.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 240—307; 393—417; Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013.

² Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1: Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 93—237; Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс: в 10 т. Т. 1: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2: Цели, система, и эффективность уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2021. С. 370—454.

³ См.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. М., 2022.

⁴ Об этом см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах // Российский следователь. 2019. № 10. С. 73—80.

⁵ Hazewinkel-Suringa D., Remmeling J. Inleiding tot de studie van het Nederlandse strafrecht. 13 ed. Arnhem: Gouda Quint, 1994. Р. 136 (на голландском языке). [Хазевинкель-Суринга Д., Реммелинг Я. Введение в изучение голландского уголовного права. 13-е издание. Арнем: Гауда Квант, 1994. С. 136.] Цитируется по публикации: Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. С. 49.

С учетом положительного опыта применения уголовной ответственности юридических лиц она в дальнейшем была распространена и на другие, а не только на экономические преступления. С 1976 г. уголовная ответственность юридических лиц регулируется Уголовным кодексом Нидерландов⁶, которым признается существование двух категорий «уголовных преступников»: физических и юридических лиц.

Нидерланды стали первой страной, включившей в свой уголовный кодекс положения об ответственности юридических лиц и положившей тем самым начало процессу включения соответствующих норм в национальные уголовные кодексы других государств.

В социалистических странах, где предприятия не могли находиться в частной собственности, введение уголовной ответственности юридических лиц стало возможным с появлением и развитием рыночных отношений⁷.

Первой из некапиталистических стран ввела уголовную ответственность юридических лиц Китайская Народная Республика (далее по тексту — КНР, Китай).

1. Становление и развитие китайского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц

История развития современного уголовного права Китая насчитывает немногим более 70 лет. С образованием в 1949 г. КНР⁸ началось формирование нового уголовного права — уголовного права социалистического государства.

Российскими специалистами выделяются три этапа формирования уголовного права КНР:

- первый — с 1949 г. по 1979 г., период перехода от отдельных законов к первому Уголовному кодексу КНР (далее — УК КНР);
- второй — с 1979 г. по 1997 г., период совершенствования уголовного законодательства, завершившийся принятием в 1997 г. новой редакции УК КНР;

⁶ См.: Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. СПб, 2001. Актуальную редакцию УК Нидерландов см. на официальном сайте Overheid.nl: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001854/2019-04-01>.

⁷ Об этом см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 11–18.

⁸ КНР образована в результате длительного революционного процесса 1 октября 1949 г.

■ третий — период с 1997 г. по настоящее время, период изменений уголовного законодательства в соответствии с происходящими в стране реформами, прежде всего в сфере экономики⁹.

Изначально на формирование нового — социалистического уголовного права КНР оказывало существенное влияние советское уголовное право, исключавшее признание юридических лиц субъектами уголовной ответственности. Принятый Всекитайским собранием народных представителей (далее по тексту — ВСНП) УК КНР 1979 г.¹⁰ признавал, что субъектом преступления может быть исключительно физическое лицо.

В социалистических странах, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, так как не соответствовала характеру господствующих экономических отношений. Однако начавшийся процесс «вкрапления» в социалистическую экономику элементов рыночных отношений обусловил постановку вопроса о необходимости применения уголовно-правовых санкций к юридическим лицам.

Как отмечается китайскими специалистами в области уголовного права, впервые эта проблема была обозначена в статье Ли Цзилинь «Нужно обратить внимание на решение вопроса о нарушениях и преступлениях юридических лиц», опубликованной в 1981 г. в журнале «Шанхайская юстиция»¹¹. Для сравнения, в Советском Союзе лишь спустя 10 лет вопрос о необходимости уголовной ответственности юридических лиц был поставлен профессором А.В. Наумовым¹², сделавшим прогноз, что «рыночные отношения и у нас способны превратить в субъект ряда экономических преступлений юридических

⁹ Об указанной периодизации см.: Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 3. С. 156—180.

¹⁰ Принят на 2-й сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г. и вступил в силу с 1 января 1980 г.

¹¹ См.: Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. 2009. № 2. С. 30.

¹² Об этом см.: Федоров А.В. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц в трудах профессора Анатолия Валентиновича Наумова // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1. С. 23—30.

лиц с возможным применением к ним штрафных уголовно-правовых санкций»¹³.

Вскоре после принятия УК КНР 1979 г. китайскими юристами были разработаны нормы об уголовной ответственности юридических лиц, получившие закрепление в проектах 1982 г. дополнительных постановлений Постоянного комитета ВСНП (далее по тексту — ПК ВСНП) о наказании за контрабанду и о наказании за коррупцию и взяточничество. Эти проекты остались нереализованными, но вызвали развернутую научную дискуссию по вопросу возможности признания юридического лица субъектом преступления¹⁴.

В частности, обсуждался вопрос о признании субъектами конкретных преступлений не только юридических лиц, но и организаций, не имеющих статуса юридического лица. В результате возобладала точка зрения, что оптимально именовать преступления организаций корпоративными преступлениями. Таким образом, в устоявшееся во многих странах понятие «уголовная ответственность юридических лиц» было заложено более широкое его понимание, предусматривающее ответственность и других лиц — субъектов права, не являющихся юридическими лицами.

В последующем китайскими специалистами разъяснялось, что термин «корпорация» не является чисто юридическим и его содержание будет раскрываться путем законодательного и судебного толкования. Он может включать в себя юридические лица, не являющиеся таковыми организации, филиалы юридических лиц и их внутреннюю структуру, которые не обладают свойствами юридического лица¹⁵.

Прошедшая дискуссия способствовала законодательному закреплению в ст. 47 Таможенного кодекса КНР 1987 г.¹⁶ уголовной ответственности корпораций (предприятий и ведомств [учреждений], государственных органов и общественных организаций) за уголовно наказуе-

¹³ Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 35; Он же. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17/18. С. 3.

¹⁴ Об этом см.: Юридическая жизнь в Китае: пер. с кит. М., 1990. С. 163—164.

¹⁵ Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике: монография / под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева. М., 2022. С. 189.

¹⁶ Принят 22 января 1987 г. на 19 заседании ПК ВСНП шестого созыва.

мую контрабанду¹⁷. Корпорация за контрабанду наказывалась штрафом, а предметы контрабанды, средства их перемещения и полученные от совершения контрабанды доходы подлежали конфискации.

В дальнейшем уголовная ответственность корпораций была предусмотрена и другими законодательными актами, предусматривавшими свыше 50 составов преступлений, субъектами которых признавались организации¹⁸. В число этих актов, в частности, входили:

- Дополнительные установления о наказании за контрабанду и Дополнительные установления о наказании за коррупцию и взяточничество, обнародованные 21 января 1988 г.;
- Постановление по борьбе с наркотиками¹⁹ и Постановление о наказании преступников, занимающихся контрабандой, изготавлением, продажей, распространением порнографической продукции, обнародованные 28 декабря 1988 г.;
- Дополнительные положения о наказании за уклонение от уплаты налогов или отказ от уплаты налогов и насильственный отказ от уплаты налогов от 4 сентября 1992 г.;
- Дополнительные установления о наказании за подделку зарегистрированных товарных знаков от 22 февраля 1993 г.²⁰;
- Постановление о наказании за преступления, связанные с производством и сбытом поддельных или некачественных товаров, от 2 июля 1993 г.;
- Дополнительные установления об усилении наказания за организацию или перевозку других лиц через государственную границу (пограничную зону) от 5 марта 1994 г.;
- Постановление о наказании преступников, нарушающих авторское право, от 5 июля 1994 г.;
- Постановление о наказании за нарушение Закона о компаниях от 28 февраля 1995 г.;
- Постановление о наказании за преступления, связанные с нарушением финансово-

¹⁷ Об этом см.: Трошинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. М., 2011. С. 109—110.

¹⁸ Гао Минсюань. Указ. соч. С. 188.

¹⁹ Também переводится как «Постановление о запрещении наркотиков».

²⁰ Também переводится как «Дополнительные установления о наказании за подделку товарной марки».

вого порядка (правил финансовых операций), от 30 июня 1995 г.;

- Постановление о наказании за ложное оформление, подделку или незаконный сбыт специальных счетов-фактур (специальных квитанций) по налогу на добавленную стоимость от 30 октября 1995 г.²¹

Следует также учитывать, что корпоративные преступления в рассматриваемый период, помимо специальных уголовных законов, предусматривались еще и рядом не уголовных законов, в число которых входили Закон о железных дорогах²² и Закон о внешней торговле²³.

Таким образом, в период с 1979 по 1997 г. были сформированы доктринальные и законодательные предпосылки для включения корпоративных преступлений в новую редакцию УК КНР, принятую 17 марта 1997 г. на 5-й сессии ВСНП восьмого созыва и вступившую в силу с 1 октября 1997 г.

При принятии новой редакции УК КНР положения вышеуказанных актов об уголовной ответственности за соответствующие корпоративные преступления были включены в Уголовный кодекс, а сами акты либо признаны утратившими силу, либо продолжили свое действие за исключением положений, касающихся корпоративных преступлений. В статьях Особенной части новой редакции УК КНР не только воспроизвелись нормы о корпоративных преступлениях, ранее предусмотренные в уголовных и не уголовных законах, но и устанавливалась ответственность за ряд новых преступлений корпораций (организаций). При этом в УК КНР не применяется понятие «юридическое лицо», вместо него используется понятие «организация».

Почти сразу после принятия новой редакции УК КНР 1997 г. появилась его публикация на русском языке²⁴. В дальнейшем, по мере вне-

сения изменений в УК КНР, публиковались в переводе на русский язык его актуальные редакции с предисловиями²⁵, в которых обращалось особое внимание на новеллу китайского уголовного законодательства — корпоративные преступления (преступления организаций), комментировались соответствующие нормы УК КНР, анализировалась социальная обусловленность появления института уголовной ответственности организаций.

2. Социальная и экономическая обусловленность включения в китайское законодательство норм об уголовной ответственности организаций

Обычно указывается, что в основе института уголовной ответственности организаций по законодательству КНР лежат два фактора: исторический и экономический.

Исторический фактор отражает традиционное представление китайцев о так называемой коллективной ответственности, суть которой заключается в законодательной фиксации как можно большего круга лиц, подлежащих привлечению к ответственности за совершенное противоправное деяние.

Экономический фактор заключается в том, что по мере успешного экономического развития китайского государства на первый план стали выходить различного рода экономические преступления, и в новых условиях наибольшую опасность стали представлять не преступления отдельной личности или группы, а преступления предприятий и организаций²⁶.

Как отмечается в китайских исследованиях, в конце XX века под руководством архитектора китайских реформ Дэн Сяопина был осуществлен переход от плановой к рыночной социалистической экономике. Однако в процессе её создания Китай столкнулся с большими трудностями. Люди не понимали, что такое рыночная экономика, ошибочно считали, что главная суть такой экономики — получение прибы-

²¹ Пан Дунмэй. Преступления юридических лиц и уголовная ответственность за них в китайском уголовном праве // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2021. С. 526.

²² Принят на 15-м заседании ПК ВСНП седьмого созыва 7 сентября 1990 г.

²³ Принят на 7-м заседании ПК ВСНП седьмого созыва 12 мая 1994 г.

²⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Владивосток, 1999; Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. Уголовный кодекс КНР. М., 2000. С. 253—411.

²⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. СПб, 2001; Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. СПб, 2014; Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М., 2017; Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. М., 2021.

²⁶ Трощинский П.В. Указ. соч. С. 111.

ли любой ценой. В результате массовой и повсеместной погони за прибылью волна экономической преступности захлестнула всю страну. В период преобразований (с учетом несовершенного законодательства) появились экономические преступления, совершаемые юридическими лицами, которые наносили государству и народу вред больший, чем преступления, совершаемые физическими лицами. Ответной реакцией на это и стало признание в Китае юридического лица (организации) субъектом преступления²⁷.

3. Доктринальные основы уголовной ответственности юридических лиц (организаций)

Установлению уголовной ответственности организаций за корпоративные преступления предшествовала разработка профессором Хэ Бинсуном²⁸ теории ответственности социальной системы олицетворения (теории «об ответственности юридического лица, которое представлено в качестве персонифицированной общественной системы»²⁹), позволяющей в рамках уголовного права интегрировать уголовную ответственность физических и юридических лиц, что стало концептуальной основой для закрепления института уголовной ответственности юридических лиц в УК КНР. Указанная теория была подробно рассмотрена Хэ Бинсуном в вышедшей в 1991 г. книге «Корпоративные преступления и уголовная ответственность» и получила развитие в его последующих трудах. Суть указанной теории сводится к следующему:

- корпорация (организация) как система совершает преступление и поэтому в качестве целого должна нести уголовную ответственность;
- корпорация (организация) обладает своими целостными волей и действием, способна совершать преступления и нести ответственность за них;

²⁷ Об этом см.: Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 114.

²⁸ Об этом ученом и его вкладе в развитие теории корпоративной уголовной ответственности см.: Федоров А.В. Романтик уголовного права: памяти профессора Хэ Бинсона // Российский следователь. 2019. № 4. С. 74—80.

²⁹ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хэ Бинсона. СПб, 2009. С. 308.

- корпорация (организация) — это органическое целое, составленное из физических лиц и осуществляющее свою деятельность через сознательную деятельность человека, в связи с чем к уголовной ответственности наряду с организацией должны привлекаться и её члены;
- основаниями для привлечения к уголовной ответственности членов организации являются совершенное ими объективное деяние (действие или бездействие) и их субъективная вина (умысел или неосторожность);
- корпоративное преступление — это одно преступление (преступление организации), совершенное двумя субъектами — организацией и её составными элементами — физическими лицами;
- при совершении преступления целостной организацией привлечение к уголовной ответственности членов организации не является обязательным условием привлечения самой организации к уголовной ответственности; наоборот, признание совершения преступления организацией является основанием и необходимой предпосылкой для привлечения её внутренних членов (физических лиц) к уголовной ответственности³⁰.

В последующем Хэ Бинсун сформулировал понятие корпоративного преступления как вредного для общества и наказуемого уголовным законом деяния (действия или бездействия), совершенного умышленно или по неосторожности ответственным лицом или ответственными лицами, непосредственно ответственными или иными сотрудниками организации по воле организации, от её имени и в её интересах³¹.

Отсутствие легального определения корпоративного преступления обусловило появление еще ряда теоретических концепций такого преступления. К ним относятся следующие теории.

1. Теория принятия (или утверждения) решения корпорацией (организацией). Эта теория исходит из того, что корпоративное преступление — это деяние, совершенное физическим лицом, являющимся корпоративным предста-

³⁰ О разработанной Хэ Бинсуном теории см.: Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. СПб, 2011. С. 201—202.

³¹ Об этом см.: Пан Дунмэй. Преступления юридических лиц и уголовная ответственность за них в китайском уголовном праве. С. 526.

вителем или агентом организации, при наличии от организации разрешения (одобрения) на совершение преступления.

2. Теория совершения преступления под именем корпорации (организации). Эта теория исходит из того, что корпорация (организация) несет ответственность за любые преступления, совершенные от её имени любым лицом.

3. Теория присущей корпоративной ответственности. Согласно этой теории, корпоративным является преступление, совершенное корпоративным представителем. Указанная теория предполагает, что корпоративным преступлением является поведение в рамках обязанностей членов корпорации.

4. Теория интересов корпорации (организации). Эта теория исходит из того, что корпоративное преступление совершается в интересах корпорации.

5. Теории комплексного подхода, представляющие собой различные варианты синтеза вышеуказанных теорий³².

В результате трудами национальных ученых был создан научный фундамент (доктринальные основы) для включения норм об уголовной ответственности организаций в китайское уголовное законодательство.

Если в мире ряд государств пошел по пути разделения понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности», исходя из теоретической концепции, что субъектом преступления могут быть только физические лица, тогда как субъектом уголовной ответственности могут быть как физические, так и юридические лица (организации), то Китай выбрал теоретическую концепцию, при которой юридическое лицо (организация) признается субъектом преступления (или, как указывается в ряде исследований, наделяется качествами субъекта преступления)³³.

Особенностью китайского уголовного законодательства является то, что им предусматривается уголовная ответственность организаций. Хотя во многих исследованиях, посвященных уголовной ответственности организаций в Китае, говорится об уголовной ответственности юридических лиц, следует иметь в виду, что в таких исследованиях понятие «уголовная ответственность юридических лиц» используется в широком его понимании, охватывающем ответствен-

³² Подробно об этих теориях см. там же. С. 522—525.

³³ Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 113.

ность организаций, как являющихся юридическими лицами, так и не являющихся таковыми.

В настоящее время уголовная ответственность юридических лиц (организаций) предусмотрена Уголовным кодексом КНР 1997 г. с последующими изменениями.

Нормы об уголовной ответственности организаций закреплены в статьях Общей и Особенной частей УК КНР.

4. Понятие корпоративного преступления (преступления организации)

Глава 2 «О преступлении» Общей части УК КНР включает параграф 4, состоящий из двух статей (30 и 31), предусматривающих ответственность за корпоративные преступления.

Обращает внимание различие в переводах названий этого параграфа: «Преступления, совершаемые организациями или учреждениями»³⁴, «Корпоративное преступление»³⁵, «Преступление, совершенное организацией»³⁶, причем два последних перевода сделаны одним и тем же переводчиком.

Объяснение тому — сложность с терминологическим определением на русском языке субъекта корпоративных преступлений в УК КНР. В последние годы применительно к китайскому уголовному праву в российских исследованиях наиболее распространенным является наименование субъекта корпоративных преступлений организацией. Этот подход к определению субъекта корпоративного преступления применен в настоящей работе — понятия «преступления, совершенные организацией» и «корпоративные преступления» используются как тождественные.

УК КНР не содержит определения корпоративного преступления. В проекте новой редакции УК КНР 1997 г. такое определение имелось. В нем указывалось, что «корпоративным преступлением признается общественно опасное деяние компании, предприятия, учреждения, органа, общественной организации, совершающееся решением коллектива организации либо её руководителей для незаконного удовлетворения

³⁴ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Владивосток, 1999. С. 16.

³⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. СПб, 2014. С. 71.

³⁶ Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. М., 2021. С. 45.

некоторых интересов». Однако в процессе рассмотрения проекта на сессии ВСНП было высказано мнение, что это определение не может охватить все корпоративные преступления, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса, в связи с чем оно не получило закрепления в Общей части УК КНР³⁷.

Общее для физических лиц и организаций понятие преступления закреплено в ст. 13 УК КНР: «Все действия, наносящие вред государственному суверенитету, территориальной целостности и безопасности государства, направленные на раскол государства, подрывающие власть народно-демократической диктатуры, свергающие социалистический строй, нарушающие общественный и экономический порядок, посягающие на государственную или коллективную собственность трудящихся масс, на личную собственность граждан, их личные, демократические и прочие права, а также другие, наносящие вред обществу действия, за которые в законе предусмотрено уголовное наказание, являются преступлениями. Однако явно малозначительные действия небольшой опасности не признаются преступлением».

В китайской уголовно-правовой теории профессором Хэ Бинсуном с учетом указанного общего определения преступления сформулировано понятие корпоративного преступления как вредного для общества и наказуемого уголовным законом действия (действия или бездействия), совершенного умышленно или по неосторожности ответственным лицом или ответственными лицами, непосредственно ответственными или иными сотрудниками организации по воле организации, от её имени и в её интересах³⁸.

Другие ученые, основываясь на нормах Особенной части УК КНР, предусматривающих ответственность за конкретные корпоративные преступления, выработали более широкое понятие корпоративного преступления как общественно опасного действия, предусмотренного в уголовном законе, совершенного решением руководства в сфере деятельности организации либо совершающего работниками организации в процессе исполнения ими своих должностных обязанностей из-за недостаточного контроля со стороны руководства или из-за несовершенства

³⁷ Об этом см.: Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве // Lex Russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 64—65.

³⁸ Об этом см.: Пан Дунмэй. Преступления юридических лиц и уголовная ответственность за них в китайском уголовном праве. С. 526.

механизма управления организацией³⁹. Фактически это хорошо известная за рубежом расширенная идентификационная модель ответственности юридических лиц.

Исходя из этого определения, выделяются две формы корпоративных преступлений: 1) преступления, совершаемые по решению коллектива организации или её руководства, и 2) преступления, совершаемые работниками организации в процессе исполнения своих должностных обязанностей из-за недостаточного контроля со стороны организации.

5. Состав корпоративного преступления

В современном Китае, как и в России, наиболее распространенной в теории уголовного права является четырехэлементная структура состава преступления, включающая субъект преступления, объект преступления, субъективную сторону преступления и объективную сторону преступления (в такой последовательности приводят элементы состава профессор Хэ Бинсун). Из них, пожалуй, только объект преступления раскрывается одинаково как для корпоративных преступлений, так и для преступлений, которые не относятся к корпоративным.

5.1. Организация — субъект корпоративного преступления

Согласно ст. 30 УК КНР за действие, совершенное компанией, предприятием, учреждением, органом, общественной организацией (коллективом) и рассматриваемое законом как совершенное организацией преступление (корпоративное преступление), должна наступать уголовная ответственность.

Как отмечается китайскими специалистами, согласно положениям УК КНР под субъектом преступления понимается лицо, которое совершило общественно опасное действие и подлежит уголовной ответственности в соответствии с уголовным законом. Субъект преступления характеризуется следующими признаками:

1) субъектом преступления является лицо, как физическое лицо (человек), так и организация (корпорация);

2) субъектом преступления является лицо, совершившее преступление;

3) субъектом преступления является лицо, которое в соответствии с уголовным законом

³⁹ Об этом см.: Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве. С. 65.

несет уголовную ответственность за свои виновно совершенные деяния⁴⁰.

В ст. 30 УК КНР перечисляются виды организаций, которые могут быть субъектами корпоративных преступлений: компания, предприятие, учреждение, орган, общественная организация.

Если с определением физического лица субъектом преступлений в законе и теории китайского уголовного права особых проблем нет, то до последнего времени определенные сложности возникали с признанием конкретной организации субъектом корпоративного преступления в силу того, что указанные в ст. 30 УК КНР виды организаций могли пониматься по-разному.

С принятием 28 мая 2020 г. на 3-й сессии ВСНП тринадцатого созыва первого в истории современного Китая Гражданского кодекса⁴¹ (далее по тексту — ГК КНР), вступившего в силу с 1 января 2021 г.⁴², указанные сложности, как представляется, должны остаться в прошлом.

ГК КНР предусматривает существование организаций двух видов: 1) организаций — юридических лиц и 2) организаций без образования юридического лица.

5.1.1. Организации — юридические лица

Статья 57 ГК КНР устанавливает, что юридическим лицом признается организация, которая обладает гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью и в соответствии с законодательством самостоятельно обладает гражданскими правами и несет гражданскую ответственность. Согласно ст. 58 ГК КНР, юридическое лицо должно быть создано в соответствии с законодательством, иметь собственное наименование, организационную структуру, местонахождение, имущество или денежные средства. Условия и порядок создания юридического лица устанавливаются законодательством и подзаконными актами. ГК КНР предусмотрено три вида юридических лиц:

⁴⁰ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование. С. 309.

⁴¹ Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П.В. Трощинский. М., 2020.

⁴² До вступления в силу ГК КНР гражданское законодательство состояло из более чем 30 законов и значительного количества подзаконных нормативных правовых актов. См.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М., 2013. С. 159.

1. Коммерческие юридические лица. Статья 76 ГК КНР определяет, что коммерческим юридическим лицом является юридическое лицо, учрежденное с целью извлечения прибыли и её распределения между акционерами и иными участвующими в нем своими капиталами лицами. К коммерческим юридическим лицам относятся компании с ограниченной ответственностью, акционерные общества с ограниченной ответственностью и иные предприятия — юридические лица.

2. Некоммерческие юридические лица. Согласно ст. 87 ГК КНР некоммерческим юридическим лицом признается юридическое лицо, созданное в общественно полезных или иных некоммерческих целях, не распределяющее полученную прибыль между своими инвесторами, учредителями или участниками. К некоммерческим юридическим лицам относятся бюджетные учреждения, общественные объединения, фонды, организации социального обслуживания.

3. Особые виды юридических лиц. К особым (специальным) видам юридических лиц статья 96 ГК КНР относит государственные органы — юридические лица, сельские коллективные хозяйственные кооперативные организации — юридические лица, а также первичные (низовые) массовые организации самоуправления — юридические лица.

5.1.2. Организации без образования юридического лица

Статья 102 ГК КНР определяет, что организации без образования юридического лица не обладают статусом юридического лица, однако могут в соответствии с законом осуществлять сделки от своего имени. К организациям без образования юридического лица относятся индивидуальные частные предприятия, товарищества, организации без образования юридического лица поставщиков профессиональных услуг и ряд других организаций. Организации без образования юридического лица в соответствии с законом подлежат государственной регистрации.

Принятие ГК КНР сделало более определенным понимание круга субъектов корпоративных преступлений (преступлений организаций). В частности, из толкования норм УК КНР и ГК КНР в их взаимосвязи следует, что корпоративное преступление может быть совершено исключительно легальной организацией (как уже было отмечено, организации со статусом юридического лица и организации без образования юридического лица в соответствии с законом подлежат государственной регистрации).

Если организация создана в нарушение закона, она не может являться субъектом корпоративного преступления⁴³.

5.1.3. Организация как специальный субъект корпоративного преступления

Физические лица и организации как субъекты преступлений подразделяются на общие и специальные. Такая классификация применительно к физическому лицу является традиционной в уголовном праве, когда специальным субъектом признается физическое лицо, которое помимо общих признаков субъекта обладает еще и специальными признаками, предусмотренными в статьях уголовного закона, устанавливающего ответственность за конкретные виды преступлений.

Такой же подход реализуется и при определении юридического лица специальным субъектом преступлений, предусмотренных УК КНР, когда субъектом преступления может быть не любая, а лишь особо определенная в статьях Особенной части УК КНР организация, например:

- организация, имеющая в соответствии с законом право на производство и реализацию стрелкового оружия (ст. 126 «Незаконные изготовление и сбыт стрелкового оружия»⁴⁴);
- компания, действующая в соответствии с Законом о компаниях (ст. 159 «Ложное декларирование или изъятие капиталовых ложений»);
- акционерные компании открытого типа (ст. 169-1 «Причинение значительного вреда акционерам компании»);
- компании и предприятия, выпускающие акции или облигации (ст. 179 «Самовольный выпуск акций или облигаций»);
- коммерческие банки, фондовые биржи, фьючерсные биржи, фондовые компании, дилеры фьючерсных компаний, страховых компаний или других финансовых струк-

⁴³ Об этом, напр., см.: Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 118.

⁴⁴ При рассмотрении статей УК КНР следует учитывать, что они не имеют заголовков. Исходя из содержания статей, состава и описания предусмотренных ими преступлений, при переводе на русский язык выдающийся китайский лингвист-правовед Хуан Даосю обозначил их традиционными для российского уголовного права наименованиями, раскрывающими содержание конкретных статей УК КНР. Эти названия и используются в настоящей публикации.

тур (часть 1 ст. 185-1 «Самовольное использование доверенных (трастовых) имуществ; использование средств в нарушение закона»);

- фонд общественного обеспечения, общественный денежный фонд жилья и другие общественные фонды, а также страховыми средствами компаний, и компании, управляющие фондовыми инвестициями (часть 2 ст. 185-1 «Самовольное использование доверенных (трастовых) имуществ; использование средств в нарушение закона»);
- банки и иные финансовые органы (ст. 186 «Незаконная выдача кредитов», ст. 187 «Привлечение денежных средств клиентов и незачисление их на счет», ст. 188 «Незаконная выдача финансовых документов», ст. 189 «Акцепт незаконных векселей, выплата или выдача гарантий по ним»);
- организации, имеющие разрешение компетентных государственных органов на сбор и поставку крови или на изготовление и поставку продукции из крови (часть 2 ст. 334 «Инцидент при сборе, снабжении кровью или при изготовлении и снабжении изделиями из крови»);
- государственные органы, государственные компании, предприятия, учреждения, народные объединения (ст. 387 «Получение взятки организацией»).

Учитывая, что вопросы уголовной ответственности организаций урегулированы в Общей части УК КНР только двумя краткими статьями, возникало много вопросов, связанных с их пониманием и применением.

Так, авторы ряда исследований указывают, что понятие организации как субъекта преступления неверно распространяется на государственные органы. Например, имело место осуждение местного суда как организации за получение взятки судьей. Кроме того, как уже отмечалось, не все организации — субъекты преступления обладают статусом юридического лица, что, как показала практика, порождало сложности при признании субъектами преступлений таких организаций, как аграрные коллективы и их советы⁴⁵. В связи с этим потребо-

⁴⁵ Об этом см.: Цзян Хуэйлинь. Уголовное законодательство Китая об ответственности юридических лиц за коррупцию и терроризм // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / ред. Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров. М., 2009. С. 254.

вались разъяснения по ряду вопросов применения статей 30 и 31 УК КНР. Имеются два вида таких разъяснений — документальные и доктринальные.

К первым относятся разъясняющие документы, в частности Разъяснения Верховного народного суда о некоторых вопросах конкретного применения закона при рассмотрении дел о преступлениях, совершенных организацией, от 3 июля 1999 г.; ответ Исследовательского бюро по юридической политике Верховного народного суда по вопросам применения закона о преступлениях, совершенных иностранными компаниями, предприятиями, производственными единицами, от 15 октября 2003 г.⁴⁶

Ко вторым, не менее важным относятся доктринальные разъяснения, которые не только раскрывают содержание соответствующих статей УК КНР, но и теоретически обосновывают их.

Анализ статей Общей и Особенной частей УК КНР во взаимосвязи с другими китайскими законами (в первую очередь — ГК КНР) и имеющимися разъяснениями позволяет в каждом случае определить субъект конкретного корпоративного преступления.

При этом признание организации субъектом корпоративного преступления возможно лишь при наличии всех признаков корпоративного преступления.

Определение состава преступления, совершенного физическим лицом, достаточно традиционно и является устоявшимся как в науке уголовного права, так и в правоприменении. Чтобы преступление, совершенное физическим лицом, было признано корпоративным — то есть преступлением, субъектом которого является организация, оно должно иметь дополнительные объективные и субъективные признаки.

5.2. Объективные признаки состава корпоративного преступления

Исходя из анализа положений статьей Общей части УК КНР, объективная сторона корпоративного преступления включает два признака, позволяющие признать организацию субъектом корпоративного преступления. В имеющихся научных исследованиях эти признаки определены следующим образом.

Во-первых, преступное деяние, образующее такое преступление, может быть совершено исключительно по решению коллективного органа соответствующей организации либо его непосредственного руководителя.

⁴⁶ Трощинский П.В. Указ. соч. С. 112—113.

Коллективное решение подразумевает, что после обсуждения оно принято от имени организации в виде директивы.

Решение непосредственного руководителя означает, что наделенный законом или уставом полномочиями руководитель может принять личное решение от имени организации. Решение такого руководителя рассматривается как решение организации (корпорации) постольку, поскольку оно принято не только от имени организации, но и в интересах организации.

Во-вторых, это преступление, совершенное членами организации, т. е. конкретными её представителями. Если бы не существовало конкретных представителей организации, то она ничего не могла бы совершить⁴⁷.

Кроме того, с учетом положений статей Особенной части УК КНР, как уже отмечалось, корпоративным может быть признано преступление, совершенное работником организации в процессе исполнения им своих должностных обязанностей из-за недостаточного контроля со стороны руководства или из-за несовершенства механизма управления организацией.

В этом случае объективные признаки состава корпоративного преступления будут выражаться в отсутствии контроля со стороны руководства и в несовершенстве механизма управления организацией.

5.3. Субъективные признаки состава корпоративного преступления

Понятие преступления, закрепленное в ст. 13 УК КНР, не содержит указания на то, что преступление является виновным деянием. На это указывается в ст. 16 УК КНР, предусматривающей, что деяния, которые объективно хотя и привели к вредным последствиям, но не являются следствием умышленной или неосторожной вины, а вызваны непреодолимой силой или невозможностью их предвидеть, не признаются преступлением.

Согласно УК КНР, преступление признается совершенным умышленно, если лицо сознавало общественно опасный характер своих действий или бездействия и их последствия, желало или сознательно допускало их наступление (ст. 14 УК КНР). Преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, со-

⁴⁷ Об объективных признаках состава корпоративного преступления см.: Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 116—117.

вершившее деяние, должно было предвидеть его общественно опасные последствия, однако по небрежности их не предвидело либо предвидело, но легкомысленно надеялось их предотвратить, но последствия наступили (ст. 15 УК КНР).

Вопрос определения вины организации решен в теории уголовного права. Согласно китайской уголовно-правовой доктрине вина организации, совершившей преступление, определяется через вину физического лица.

Каждая организация состоит из физических лиц. Таким образом, если член организации, в частности её непосредственный руководитель, осознает общественную опасность деяния, то данное деяние, выраженное через орган организации или её руководителя, становится «сознанием» организации. При этом члены организации выражают волю организации как коллективного образования через соответствующие органы организации. Фактически организации — субъекту корпоративного преступления приписывается вина физического лица — субъекта преступления⁴⁸.

Из всех имеющихся теорий и из содержания диспозиций статей Особенной части УК КНР следует, что корпоративные преступления (преступления организаций) могут быть умышленными и неосторожными.

Большая часть корпоративных преступлений (преступлений организаций) — это преступления умышленные, например, контрабанда (ст. 151 УК КНР), незаконное привлечение вкладов населения (ст. 176 УК КНР), дача взятки организацией (ст. 393 УК КНР).

Возможность совершения корпоративных преступлений по неосторожности предусмотрена в редких случаях. Например, корпорация (организация) может быть привлечена к уголовной ответственности за нарушения эпидемиологических установлений или карантинного надзора животных и растений (ст. 337 УК КНР), которые могут быть совершены как умышленно, так и по неосторожности.

Корпоративное преступление, как отмечается в имеющихся исследованиях китайского законодательства, всегда совершается в интересах организации. Если преступление (преступное деяние) совершено не в интересах организации — это лишь преступление физического

⁴⁸ О субъективной стороне состава корпоративного преступления см.: Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 115—116.

лица, но не корпоративное преступление, и за него может быть привлечено к уголовной ответственности только физическое лицо⁴⁹.

Но как быть с преступлениями, совершенными по неосторожности, ведь в интересах организации могут быть совершены только умышленные преступления?

Ответ на этот вопрос дает ст. 31 УК КНР, которой предусмотрено, что если преступление подпадает под положения Особенной части УК КНР или иных законов, то Особенная часть и эти законы должны иметь преимущественную силу. В статьях Особенной части УК КНР указано, какие неосторожные преступления признаются корпоративными. При этом в теоретических работах указывается, что если неосторожное преступление совершено в рамках деятельности организации, то такое преступление может рассматриваться как совершенное в интересах организации.

Объективная и субъективная стороны корпоративного преступления имеют двойственный характер. С одной стороны, они представляют собой вину и деяние корпорации как элементы состава корпоративного преступления, с другой стороны, они есть воплощение вины и деяния конкретных физических лиц, которые занимают руководящее положение в данной корпорации (организации). Это обстоятельство служит для выделения в одном (корпоративном) преступлении двух субъектов — корпорации (организации) и физических лиц⁵⁰.

6. Положения Особенной части УК КНР о корпоративных преступлениях (преступлениях организаций)

Уголовная ответственность организаций за корпоративные преступления наступает лишь в случаях, когда об этом прямо указано в статьях Особенной части УК КНР.

При этом в Особенной части УК КНР использованы два варианта конструкции норм об ответственности организаций за корпоративные преступления.

Первый вариант состоит в том, что в статьях, предусматривающих ответственность за кон-

⁴⁹ Голованова Н.А., Лафитский В.И., Циррина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013. С. 190.

⁵⁰ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование. С. 315.

крайние преступления, не указывается, что за их совершение могут быть привлечены к уголовной ответственности организации. При этом в отдельные параграфы глав Особенной части УК КНР включены специальные статьи, включающие перечень статей соответствующих параграфов, за предусмотренные которыми преступления установлена уголовная ответственность организаций. Всего в Особенной части имеется 7 статей (ст. 150, 200, 211, 220, 231, 346, 366 УК КНР), содержащих перечни таких преступлений. Например, в ст. 150 параграфа 1 главы «Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка» Особенной части УК КНР указано: «Если преступления, предусмотренные в статьях 140—148 настоящего параграфа, совершены организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководитель организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются в соответствии с указанными статьями».

Второй вариант — указание в статье, предусматривающей ответственность за определен-

ное преступление, что за это преступление к организации применяется уголовное наказание (постатейный вариант установления ответственности организаций). Например, в части третьей ст. 152 «Контрабанда порнографических предметов; контрабанда отходов» указано: «Если преступление, предусмотренное частями первой или второй настоящей статьи, совершено организацией, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются в соответствии с частями первой и второй настоящей статьи».

На момент принятия новой редакции УК КНР в 1997 г. в Особенной части УК имелись 92 статьи, предусматривающие преступления, за которые устанавливалась уголовная ответственность организаций⁵¹.

В настоящее время уже 118 статьями Особенной части УК Китая предусмотрены преступления, за которые установлена ответственность организаций⁵². Как эти статьи распределены по главам УК Китая, видно из таблицы 1.

Таблица 1

Статьи Особенной части УК Китая, предусматривающие преступления, за которые установлена ответственность организаций

<i>Глава Особенной части УК Китая</i>	<i>Количество статей, предусматривающих преступления, за совершение которых установлена ответственность организаций</i>	<i>Статьи УК Китая, предусматривающие преступления, за совершение которых установлена ответственность организаций</i>
Глава 1. Преступления против государственной безопасности (ст. 102—113)	нет таких статей	
Глава 2. Преступления против общественной безопасности (ст. 114—139-1)	4 статьи	статьи 120-1, 125, 126 и 128
Глава 3. Преступления, связанные с нарушением экономического порядка социалистического рынка (ст. 140—231)	67 статей	статьи 140, 141, 142, 142-1, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 151, 152, 153, 158, 159, 160, 161, 162-1, 164, 169-1, 174, 175, 175-1, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 185-1, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 194, 195, 201, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210-1, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 222, 223, 224, 224-1, 225, 226, 227, 228, 229 и 230

⁵¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Владивосток, 1999.

⁵² Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. М., 2021.

<i>Глава Особенной части УК Китая</i>	<i>Количество статей, предусматривающих преступления, за совершение которых установлена ответственность организаций</i>	<i>Статьи УК Китая, предусматривающие преступления, за совершение которых установлена ответственность организаций</i>
Глава 4. Преступления против личности и демократических прав граждан (ст. 232—262-2)	3 статьи	статьи 244, 253-1 и 260-1
Глава 5. Преступления против собственности (ст. 263—276-1)	1 статья	статья 276-1
Глава 6. Преступления против порядка управления и общественного порядка (ст. 277—367)	36 статей	статьи 281, 283, 285, 286, 286-1, 287-1, 287-2, 288, 307-1, 308-1, 312, 313, 319, 325, 326, 327, 330, 332, 334, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 342-1, 343, 344, 344-1, 345, 347, 350, 355, 363, 364 и 365
Глава 7. Преступления против интересов обороны страны (ст. 368—381)	3 статьи	статьи 370, 375 и 380
Глава 8. Коррупция и взяточничество (ст. 382—396)	4 статьи	статьи 387, 390-1, 391 и 393
Глава 9. Должностные преступления (ст. 397—419)	нет таких статей	
Глава 10. Преступления военнослужащих против воинского долга (ст. 420—451)	нет таких статей	
ИТОГО:	118 статей УК Китая	

Если на момент принятия новой редакции УК КНР 1997 г. постатейный вариант установления уголовной ответственности встречался реже (43 из 92 статей), то в настоящий момент он превалирует (68 из 118 статей).

Как видно из приведенной таблицы, большинство корпоративных преступлений относятся к преступлениям, связанным с нарушением экономического порядка социалистического рынка (67 статей гл. 3 УК КНР), и преступлениям против порядка управления и общественного порядка (36 статей гл. 6 УК КНР), итого 103 статьи из 118, что составляет 87 %.

В ряде исследований обосновывается, что все преступления, предусмотренные Особенной частью УК КНР, можно разделить на две группы: 1) преступления, субъектами которых могут

быть только физические лица (односубъектные преступления), и 2) преступления, субъектами которых являются физические лица и, при определенных условиях, организации (корпоративные, или двухсубъектные, преступления).

Какие из преступлений являются корпоративными (двухсубъектными) — указано в статьях Особенной части УК КНР.

При этом в китайском законодательстве различаются понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности». Следует учитывать, что не всегда субъект преступления становится субъектом уголовной ответственности. В связи с этим при совершении корпоративного преступления (в составе которого два субъекта преступления), как отмечалось профессором Хэ Бинсуном, может быть два наказуе-

мых субъекта (физическое лицо и организация) или один наказуемый субъект (физическое лицо)⁵³.

В то же время, по мнению Цзян Хуэйлинь, во всех случаях уголовная ответственность организаций предполагает ответственность физических лиц, виновных в совершении соответствующих преступлений⁵⁴.

Однако китайской судебной практике известны случаи, не соответствующие двум вышеизложенным точкам зрения, когда организации несут уголовную ответственность без привлечения к уголовной ответственности физического лица. Например, в 2003 г. первый народный суд средней инстанции г. Пекина признал, что пекинская медицинская компания «Куанда» совершила уклонение от уплаты налогов, а юридический представитель компании Ван Лулин был оправдан, так как не было доказано, что именно он совершил фальсификацию, подделку, сокрытие, самовольное уничтожение бухгалтерских книг, расчетных документов либо иные действия, составляющие объективную сторону уклонения от уплаты налогов⁵⁵.

Ряд китайских ученых используют другую классификацию корпоративных преступлений, основанную на положениях статей Особенной части УК КНР.

Так, профессор Пан Дунмэй выделяет следующие группы (формы) корпоративных преступлений⁵⁶:

1. Чистое корпоративное преступление, субъектом которого признается лишь организация, но не физическое лицо. Это, например, по её мнению, преступления, предусмотренные ст. 387 «Получение взятки организацией» и ст. 393 «Дача взятки организацией» УК КНР. Физические лица являются субъектами самостоятельных преступлений, предусмотренных ст. 385 «Получение взятки» и ст. 389 «Дача взятки» УК КНР.

⁵³ Об этом см.: Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование. С. 274.

⁵⁴ Цзян Хуэйлинь. Уголовное законодательство Китая об ответственности юридических лиц за коррупцию и терроризм // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / ред. Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров. М., 2009. С. 253.

⁵⁵ Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. 2009. № 2. С. 34.

⁵⁶ Об этой классификации см.: Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве. С. 65—66.

Как указывает Пан Дунмэй, субъектами преступлений, предусмотренных ст. 387 и 393 УК КНР являются юридические лица, а субъектами ответственности при их совершении — юридические лица и физические лица (несущие непосредственную ответственность руководители организаций и другие непосредственно ответственные лица).

В качестве примера чистого корпоративного преступления она приводит ст. 327 УК КНР «Нелегальная продажа или самовольное дарение коллекционных памятников культуры», согласно которой «если в нарушение законоположений об охране культурных ценностей государственные музеи, библиотеки или иные организации осуществили продажу или самовольное дарение негосударственным организациям или частным лицам коллекционных памятников культуры, находящихся под охраной государства, то по отношению к организации применяется штраф, а несущие непосредственную ответственность руководители организации и другие непосредственно ответственные лица — наказываются лишением свободы на срок до трех лет или арестом».

2. Смешанное корпоративное преступление, субъектами которого признаются как организация, так и физическое лицо. Большая часть корпоративных преступлений относится к этой группе. Смешанные корпоративные преступления Пан Дунмэй делит на два вида, исходя из используемой законодательной техники отнесения преступления к корпоративному: 1) когда в одной статье после диспозиции указаны санкции для физических лиц, а затем — для организации и 2) когда в отдельной статье параграфа главы предусмотрена ответственность организаций за совершение преступлений, установленных перечисленными в ней статьями этого параграфа.

В КНР успешно формируется практика привлечения к уголовной ответственности организаций.

Так, например, в 2007 г. во всех народных судах Китая были рассмотрены 757 дел о преступлениях организаций:

- 290 дел, связанных с фиктивной выпиской специальных квитанций об уплате налога на добавленную стоимость, на основании которых производились возврат экспортной пошлины или уменьшение налогов;
- 100 дел, связанных с уклонением от уплаты налоговых сборов;

- 110 дел, связанных с контрабандой обычных товаров;
- 30 дел, связанных с осуществлением мошеннической деятельности с договорами;
- 54 дела, связанные с дачей взятки организацией;
- 173 дела о других преступлениях⁵⁷.

7. Уголовные наказания за корпоративные преступления (санкции для организаций)

УК КНР предусматривает, что юридическим лицам за совершение корпоративных преступлений назначается наказание в виде штрафа.

Статьей 31 УК КНР «Принцип назначения наказания за преступление, совершенное организацией» предусмотрено, что для организации, совершающей преступление, назначается наказание в виде штрафа, а непосредственные руководители и другие непосредственно ответственные лица несут уголовную ответственность на общих основаниях (как субъекты преступления — физические лица).

Как отмечается в имеющейся литературе, в ст. 31 УК КНР закреплена так называемая *шунчунсин*, то есть двойственная природа уголовной ответственности организаций, заключающаяся в том, что, с одной стороны, ответственности подлежит организация, непосредственно виновная в совершении уголовно наказуемого действия, а с другой — её руководство⁵⁸.

В КНР максимальный размер штрафа для организаций законом не ограничен. Отдельными китайскими учеными это объясняется тем, что применение штрафа без законодательного ограничения его размера в отношении организации обеспечивает соотношение размера штрафа ущербу, причиненному преступлением⁵⁹. Только в ст. 190 УК КНР (незаконный перевод валюты за границу) предусмотрено, что компания, предприятие или организация, в нарушение китайского законодательства самовольно хранящие валюты на счетах за границей или осуществлявшие незаконный перевод валюты за границу, при отягчающих обстоятельствах наказываются штрафом в размере до пяти процентов от суммы незаконно хранящихся за гра-

⁵⁷ Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование. С. 518.

⁵⁸ Троцинский П.В. Указ. соч. С. 111—112.

⁵⁹ Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. М., 2013. С. 120.

ницей или переведенных за границу денежных средств.

Согласно ст. 32 УК КНР «Назначение размера штрафа» наказание в виде штрафа назначается в определенной сумме денег в соответствии с обстоятельствами совершения преступления.

В ряде исследований высказывается критика в связи с тем, что китайским законодательством допускается применение к организациям только одного вида наказания — штрафа. Во многих странах, в отличие от КНР, для юридических лиц предусмотрен более широкий перечень видов наказаний, включающий, помимо штрафов, такие наказания, как ликвидация юридического лица; приостановление деятельности юридического лица на определенный срок; закрытие подразделений, представительств и учреждений юридического лица на определенный срок; запрет на ведение в будущем деятельности, при проведении которой было совершено преступление или созданы благоприятные условия для его совершения либо скрытия (данный запрет может быть окончательным или носить временный характер); лишение права на получение субсидий и помощи от государства, а также права вступать в подрядные отношения с государственным сектором (право на заключение сделок в государственном секторе) и пользоваться налоговыми льготами и стимулами или льготами и стимулами со стороны системы социального страхования на определенный срок и другие виды наказаний.

Например, китайский исследователь Синь Ма, отмечая неэффективность штрафов за экологические преступления, обосновывает целесообразность установления для организаций такого наказания, как лишение права заниматься определенной деятельностью. В частности, она указывает, что для юридических лиц и иных организаций лишение права заниматься конкретной деятельностью на определенный срок обычно сопряжено с тяжелыми, нередко необратимыми последствиями и действенность такого наказания гораздо сильнее штрафной санкции. Включение в УК КНР такого наказания может стать эффективной мерой в борьбе с преступлениями, обеспечив, в частности, предупреждение экологического вреда⁶⁰.

⁶⁰ Ма Синь. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 212.

8. Специальная конфискация

Специальная конфискация определена в статье 64 УК КНР, предусматривающей, что все имущество, противоправно приобретенное преступником, подлежит изъятию либо оно должно быть направлено на возмещение ущерба; законная собственность потерпевшего должна быть своевременно ему возвращена; запрещенные товары и имущество, принадлежащие лицу, совершившему преступление, должны быть конфискованы. Все конфискованное имущество и денежные штрафы направляются в казну государства; запрещается использовать их по другому назначению и самовольно ими распоряжаться.

Эта статья включена в параграф «Назначение наказания» главы 4 «Применение наказания» УК КНР. В теории уголовного права Китая сложились две основные точки зрения на природу специальной конфискации. Одни специалисты относят её к видам дополнительного наказания, другие — к принудительным мерам некарательного характера, не относящимся к уголовным наказаниям⁶¹.

Как отмечается в имеющихся исследованиях, конфискация имущества организаций (юридических лиц) довольно часто встречается в судебной практике. Например, компания «Цичжоу», предоставлявшая зарегистрированным на её сайте пользователям фильмы порнографического содержания, была приговорена на основании п. 1 ст. 363, ст. 366 и ст. 367 УК КНР к штрафу в размере 1 млн юаней, а все противоправно приобретенное имущество, а также орудия преступления были конфискованы⁶².

9. Сроки давности привлечения организаций к уголовной ответственности за корпоративные преступления

УК КНР устанавливает, что сроки давности привлечения к уголовной ответственности за любые, в том числе корпоративные, преступления исчисляются со дня совершения преступления⁶³. При этом установлены единые сроки давности для физических лиц и организаций.

⁶¹ Об этом см.: Коробеев А.И., Аверьянова Ю.В. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17, № 4. С. 93—94.

⁶² Там же. С. 97.

⁶³ Статьей 89 УК КНР предусмотрено, что при совершении продолжаемых или дляящихся преступлений срок давности уголовного преследования исчисляется

Согласно ст. 87 «Сроки давности уголовного преследования» УК КНР лицо (физическое лицо или организация) не может быть привлечено к уголовной ответственности, если со дня совершения им преступления истекли следующие сроки:

1) пять лет со дня совершения преступления, за которое по закону предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок менее пяти лет;

2) десять лет со дня совершения преступления, за которое по закону предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок пять и более лет, но менее десяти лет;

3) пятнадцать лет со дня совершения преступления, за которое по закону предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок десять и более лет;

4) двадцать лет со дня совершения преступления, за которое по закону предусмотрено максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни. Если через двадцать лет будет признана необходимость уголовного преследования, то это допускается с санкции Верховной народной прокуратуры.

10. Уголовная и административная ответственность организаций

В российских исследованиях часто указывают, что в тех странах, где есть административная ответственность юридических лиц за правонарушения, уголовная ответственность для них не устанавливается. Это часто не так, и одним из примеров тому является Китай.

Действующее китайское законодательство предусматривает не только уголовную, но также гражданскую и административную ответственность физических лиц и организаций. Последняя нашла отражение в уголовном законодательстве.

Так, статьей 37 «Меры воздействия вне уголовного наказания» УК КНР предусмотрено, что «лица, совершившие малозначительные преступления, за которые нет необходимости применять наказание, могут быть освобождены от уголовного наказания, но с учетом конкретных обстоятельств дела таким лицам может быть вынесено общественное порицание или их мож-

со дня окончания преступных деяний. Если в течение срока давности уголовного преследования лицо совершило новое преступление, то срок давности уголовного преследования за предыдущее преступление исчисляется со дня совершения нового преступления.

но обязать раскаяться письменно, принести извинения, возместить ущерб либо компетентным административным органом на них может быть наложено административное взыскание или наказание».

Современное административное право Китая образуют около 90 законов (включая Закон КНР об административных наказаниях 1996 г., Закон КНР о наказаниях за нарушение общественного порядка 2005 г., Закон КНР об административном принуждении и ряд других актов)⁶⁴. При этом, как отмечается в имеющихся исследованиях, административная ответственность организаций получила в Китае широкое распространение⁶⁵.

11. Уголовно-процессуальный порядок привлечения к уголовной ответственности организаций

Привлечение организаций к ответственности осуществляется в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Китайской Народной Республики (далее — УПК КНР), принятым на 2-й сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г. и действующим с поправками, внесенными в 1996 г.⁶⁶ и 2012 г.⁶⁷ УПК КНР не содержит каких-либо особых положений, посвященных расследованию и судебному разбирательству дел о корпоративных преступлениях, совершенных организацией.

12. Перспективы развития китайского законодательства об уголовной ответственности юридических лиц

Завершая краткий анализ уголовной ответственности организаций как нового направления развития уголовного законодательства КНР,

⁶⁴ Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафтского. М., 2013. С. 142—144.

⁶⁵ Об административной ответственности организаций в Китае см.: Трощинский П.В. Указ. соч. С. 168—181.

⁶⁶ Текст УПК Китая (с поправками, внесенными на 4-й сессии ВСНП восьмого созыва 17 марта 1996 г.) в переводе на русский язык см.: Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. М., 2004. С. 314—365.

⁶⁷ Поправки, внесенные 5-й сессией ВСНП одиннадцатого созыва 14 мая 2012 г., см.: Лянь Минъянь. Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2-1. С. 173—176.

следует отметить, что сформированный институт уголовной ответственности организаций, включающий нормы уголовного и уголовно-процессуального права, отражает политические, социальные и экономические реалии современного Китая, является адекватной реакцией государства на ситуацию, когда «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности»⁶⁸. Но то, что сегодня соответствует потребностям общества, завтра может уже и не в полной мере отвечать им. Мир меняется, меняется преступность.

Как представляется, для более эффективного противодействия преступлениям, совершаемым в КНР организациями, требуется увеличение числа видов применяемых к ним наказаний; решение вопроса о преемстве уголовной ответственности при реорганизации организаций; расширение перечня преступлений, за совершение которых организации может быть назначено уголовное наказание; фиксация обстоятельств, смягчающих и отягчающих ответственность организаций. Необходимо также включение в УПК КНР норм, регламентирующих уголовно-процессуальный порядок привлечения организаций к уголовной ответственности.

Кроме того, в государстве, являющемся народным, что отражено в его наименовании, законы должны быть понятны широким народным массам. В имеющихся исследованиях отмечается расплывчатость, неточность, неконкретизированность используемых в действующем китайском законодательстве формулировок, что влияет на единообразное, правильное, точное толкование и применение содержащихся в нем положений⁶⁹; многие нормы носят ярко выраженный описательный характер, включают большое количество оценочных признаков, в целом отличаются высокой степенью казуистичности, что вызывает известные трудности даже в процессе

⁶⁸ Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2013. С. 153.

⁶⁹ Лузянин С.Г., Трощинский П.В., Суходолов Я.А. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 815—816.

уяснения их смысла, возникают сложности при применении таких норм на практике⁷⁰.

Отсюда вытекает необходимость дальнейшего совершенствования китайского законодательства об уголовной ответственности организаций, чтобы оно не требовало дополнительного толкования, исключало вариативность решений, было понятным как правопримениителю, так и гражданам КНР, а также сотрудникам иностранных организаций, работающих в Китае.

Список литературы

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2011. 421 с.
2. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. Современное уголовное законодательство КНР. Уголовный кодекс КНР. Москва: Муравей, 2000. 432 с.
3. Гао Минсюань. Зарождение, становление и развитие, совершенствование уголовного законодательства в Китайской Народной Республике: монография / под науч. ред. Н.А. Сидоровой, И.А. Васильева. Москва: Проспект, 2022. 568 с.
4. Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. Москва: ИНФРА-М, 2013. С. 153—163.
5. Голованова Н.А., Лафитский В.И., Циррина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. Москва: Статут, 2013. 312 с.
6. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П.В. Трощинский. Москва: Синосфера, 2020. 448 с.
7. Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 3. С. 156—180.
8. Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 194 с.
9. Коробеев А.И., Лун Чанхай. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование: монография. Москва: Проспект, 2013. 184 с.
10. Коробеев А.И., Аверьянова Ю.В. Специальная конфискация имущества в уголовном праве России и Китая: компаративистское исследование // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17, № 4. С. 90—103.
11. Лузянин С.Г., Трощинский П.В., Суходолов Я.А. Особенности правового регулирования борьбы с преступностью в Китае // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 812—824. doi: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824.
12. Лянь Минъянь. Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2-1. С. 173—176.
13. Ма Синь. Уголовная ответственность за экологические правонарушения как инструмент предупреждения экологического вреда в Китае // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 3. С. 187—216. doi: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ма.
14. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17/18. С. 3.
15. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28—35.
16. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование: монография / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. Москва: Юридическая фирма Контракт, 2019. 424 с.
17. Пан Дунмэй. Корпоративное преступление в китайском уголовном праве // Lex Russica. 2015. Т. 104, № 7. С. 64—70.
18. Пан Дунмэй. Преступления юридических лиц и уголовная ответственность за них в китайском уголовном праве // Право и общество в эпоху социально-экономических преобразований XXI века: опыт России, ЕС, США и Китая: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. Москва: Проспект, 2021. С. 521—541.
19. Пан Дунмэй. Теория уголовной ответственности юридических лиц в КНР // Уголовное право. 2009. № 2. С. 30—35.
20. Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник норматив-

⁷⁰ Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. М., 2021. С. 20.

ных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л.М. Гудошников. Москва: Зерцало-М, 2004. 432 с.

21. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3. Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. 704 с.

22. Трощинский П.В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. Москва: Институт Дальнего Востока РАН, 2011. 272 с.

23. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс: в 10 т. Т. 1: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2: Цели, система, и эффективность уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2021. 760 с.

24. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. 7: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. 1: Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. Москва: Юрлитинформ, 2016. 536 с.

25. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. Б.В. Волженкин; пер. с англ. И.В. Мироновой. 2-е изд. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 510 с.

26. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1999. 176 с.

27. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Д.В. Вичикова. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 303 с.

28. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. и с предисл. А.И. Коробеева; пер. с кит. Хуан Даосю. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2014. 416 с.

29. Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. Москва: Юридическая фирма Контракт, 2017. 256 с.

30. Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И. Коробеева и А.И. Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. 2-е изд. Москва: Юридическая фирма Контракт, 2021. 312 с.

31. Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: сравнительно-правовое исследование / под ред. В.С. Комиссарова, А.И. Коробеева, Хэ Бинсуня. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2009. 549 с.

32. Федоров А.В. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц в трудах профес-

сора Анатолия Валентиновича Наумова // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1. С. 23—30.

33. Федоров А.В. Романтик уголовного права: памяти профессора Хэ Бинсуня // Российский следователь. 2019. № 4. С. 74—80. doi: 10.18572/1812-3783-2019-4-74-80.

34. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в Нидерландах // Российский следователь. 2019. № 10. С. 73—80. doi: 10.18572/1812-3783-2019-10-73-80.

35. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в постсоветских государствах: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 248 с.

36. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 11—18.

37. Цзян Хуэйлинь. Уголовное законодательство Китая об ответственности юридических лиц за коррупцию и терроризм // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права / ред. Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров. Москва: Городец, 2009. С. 252—263.

38. Юридическая жизнь в Китае / пер. с кит. Н.Х. Ахметшин, И.В. Васильев, К.А. Егоров; отв. ред. Л.М. Гудошников. Москва: Юридическая литература, 1990. 376 с.

References

1. Antonova, E.Ju. (2011) Konceptual'nye osnovy korporativnoj (kollektivnoj) ugolovnoj otvetstvennosti [Conceptual foundations of corporate (collective) criminal liability]. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 421 p. (In Russ.).
2. Ahmetshin, H.M., Ahmetshin, N.H. & Petuhov, A.A. (2000) Sovremennoe ugolovnoe zakonodatel'stvo KNR. Ugolovnyj kodeks KNR [Modern criminal legislation of the People's Republic of China. Criminal Code of the People's Republic of China]. Moscow, Muravej, 432 p. (In Russ.).
3. Gao Minsjuan' (2022) Zarozhdenie, stanovlenie i razvitiye, sovershenstvovanie ugolovnogo zakonodatel'stva v Kitajskoj Narodnoj Respublike [The origin, formation and development, improvement of criminal law in the People's Republic of China]. Moscow, Prospekt, 568 p. (In Russ.).
4. Golovanova, N.A. (2013) Tendencii razvitiya instituta ugolovnoj otvetstvennosti juridicheskikh lic za rubezhom [Trends in the development of the institution of criminal liability of legal entities abroad]. In: Doronina, N.G. (ed.) *Juridicheskaya*

- ja otvetstvennost': sovremennoye vyzovy i reshenija. Materialy dlja 8 Ezhegodnyh nauchnyh chtenij pamjati professora S.N. Bratusja.* Moscow, INFRA-M, pp. 153—163. (In Russ.).
5. Golovanova, N.A., Lafitskij, V.I. & Cirina, M.A. (2013) *Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic v mezhdunarodnom i nacional'nom prave (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* [Criminal liability of legal entities in international and national law (comparative legal research)]. Moscow, Statut, 312 p. (In Russ.).
6. Troshhinskij, P.V. (ed.) (2020) *Grazhdanskij kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [Civil Code of the People's Republic of China]. Moscow, Sinosfera, 448 p. (In Russ.).
7. Damaskin, O.V. & Kholikov, I.V. (2018) *Sovremennoe sostojanie i razvitiye ugolovnogo prava Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [The current state and development of the criminal law of the People's Republic of China]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 13, no. 3, pp. 156—180. (In Russ.).
8. Ivancov, P.P. (2000) *Problema otvetstvennosti juridicheskikh lic v rossijskom ugolovnom prave* [The problem of liability of legal entities in Russian criminal law]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 194 p. (In Russ.).
9. Korobeev, A.I. & Lun Chanhaj (2013) *Sostav prestuplenija v doktrine ugolovnogo prava Kitaja i Rossii: komparativistskoe issledovanie* [The corpus delicti in the doctrine of criminal law in China and Russia: a comparative study]. Monograph. Moscow, Prospekt, 184 p. (In Russ.).
10. Korobeev, A.I. & Averyanova, Yu.V. (2015) *Special'naja konfiskacija imushhestva v ugolovnom prave Rossii i Kitaja: komparativistskoe issledovanie* [Special confiscation of property in criminal law of Russia and China: comparative research]. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, vol. 17, no. 4, pp. 90—103. (In Russ.).
11. Luzyanin, S.G., Troshchinskiy, P.V. & Sukhodolov, Ya.A. (2016) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya bor'by s prestupnost'ju v Kitae* [Specific features of legal regulation of crime counteraction in China]. *Russian Journal of Criminology*, vol. 10, no. 4, pp. 812—824. (In Russ.). doi: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).812-824.
12. Liang Minyan (2015) *Sovershenstvovanie sistemy ugolovnogo sudoproizvodstva Kitaja* [Development of a system of criminal legal proceedings in China]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-1, pp. 173—176. (In Russ.).
13. Ma, X. (2019) *Ugolovnaja otvetstvennost' za jekologicheskie pravonarushenija kak instrument preduprezhdenija jekologicheskogo vreda v Kitae* [Criminal responsibility for environmental offences as a tool for prevention of environmental harm in China]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, vol. 14, no. 3, pp. 187—216. (In Russ.). doi: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ma.
14. Naumov, A.V. (1992) *Predprijatie na skame' podsudimyh?* [Enterprise in the dock?]. *Sovetskaja justicija*, no. 17/18, p. 3. (In Russ.).
15. Naumov, A.V. (1991) *Ugolovnyj zakon v uslovijah perehoda k rynochnoj jekonomike* [Criminal law in the conditions of transition to a market economy]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 2, pp. 28—35. (In Russ.).
16. Golovanova, N.A. & Kubancev, S.P. (eds.) (2019) *Novye napravlenija razvitiya ugolovnogo zakonodatel'stva v zarubezhnyh gosudarstvah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [New directions of the development of criminal legislation in foreign countries: comparative law research]. Monograph. Moscow, Law firm Contract, 424 p. (In Russ.).
17. Pang Dongmei (2015) *Korporativnoe prestuplenie v kitajskom ugolovnom prave* [Corporate crime in Chinese criminal law]. *Lex Russica*, vol. 104, no. 7, pp. 64—70. (In Russ.).
18. Pang Dongmei (2021) *Prestuplenija juridicheskikh lic i ugolovnaja otvetstvennost' za nih v kitajskom ugolovnom prave* [Corporate crimes and criminal liability in Chinese criminal law]. In: Blazheev, V.V. & Egorova, M.A. (eds.) *Pravo i obshhestvo v jepohu social'no-jekonomiceskikh preobrazovanij 21 veka: opyt Rossii, ES, SShA i Kitaja*. Moscow, Prospekt, pp. 521—541. (In Russ.).
19. Pang Dongmei (2009) *Teorija ugolovnoj otvetstvennosti juridicheskikh lic v KNR* [Corporate liability in the criminal law of the PRC]. *Ugolovnoe pravo*, no. 2, pp. 30—35. (In Russ.).
20. Gudoshnikov, L.M. (ed.) (2004) *Sovremennoe zakonodatel'stvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [Modern legislation of the People's Republic of China]. Moscow, Zercalo-M, 432 p. (In Russ.).
21. Lafitsky, V.I. (ed.) (2013) *Sravnitel'noe pravovedenie: nacional'nye pravovye sistemy* [Comparative law: national legal systems]. Vol. 3. *Pravovye sistemy Azii* [Asian legal systems]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 704 p. (In Russ.).
22. Troshhinskij, P.V. (2011) *Juridicheskaja otvetstvennost' v prave Kitajskoj Narodnoj Respubliki* [Legal liability in the law of the People's Republic of China]. Moscow, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 272 p. (In Russ.).

23. Lopashenko, N.A. (ed.) (2021) Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast'. Nakazanie. Akademicheskij kurs [Criminal law. The general part. Punishment. Academic course]. Vol. 1, part 2. Moscow, Jurlitinform, 760 p. (In Russ.).
24. Lopashenko, N.A. (ed.) (2016) Ugolovnoe pravo. Obshhaja chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs [Criminal law. The general part. Crime. Academic course]. Vol. 7, part 1. Moscow, Jurlitinform, 536 p. (In Russ.).
25. Volzhenkin, B.V. (ed.) (2001) Ugolovnyj kodeks Gollandii [The Dutch Criminal Code]. 2nd ed. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 510 p. (In Russ.).
26. Korobeev, A.I. (ed.) (1999) Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Criminal Code of the People's Republic of China]. Trans. Vichikov, D.V. Vladivostok, Far Eastern State University, 176 p. (In Russ.).
27. Korobeev, A.I. (ed.) (2001) Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Criminal Code of the People's Republic of China]. Trans. Vichikov, D.V. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 303 p. (In Russ.).
28. Korobeev, A.I. (ed.) (2014) Ugolovnyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki [Criminal Code of the People's Republic of China]. Trans. Huan Daosju. Saint Petersburg, Juridicheskij centr, 416 p. (In Russ.).
29. Korobeev, A.I. & Chuchaev, A.I. (2017) Ugolovnyj kodeks Kitaja [Criminal Code of the People's Republic of China]. Trans. Huan Daosju. Moscow, Law firm Contract, 256 p. (In Russ.).
30. Korobeev, A.I. & Chuchaev, A.I. (2021) Ugolovnyj kodeks Kitaja [Criminal Code of the People's Republic of China]. Trans. Huan Daosju. 2nd ed. Moscow, Law firm Contract, 312 p. (In Russ.).
31. Komissarov, V.S., Korobeev, A.I. & He Bingsong (ed.) (2009) Uchenie o sostave prestuplenija v ugolovnom prave Rossii i Kitaja [The doctrine of the composition of the crime in the criminal law of Russia and China]. Comparative legal research. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 549 p. (In Russ.).
32. Fedorov, A.V. (2019) Voprosy ugolovnoj otvetstvennosti juridicheskikh lic v trudah professoora Anatolija Valentinovicha Naumova [Issues of criminal responsibility of legal entities in the works of professor Anatoliy Valentinovich Naumov]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 23—30. (In Russ.).
33. Fedorov, A.V. (2019) Romantik ugolovnogo prava: pamjati professora Hje Binsuna [A criminal law romantic: in memory of professor He Binsun]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 4, pp. 74—80. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2019-4-74-80.
34. Fedorov, A.V. (2019) Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic v Niderlandah [Criminal liability of legal entities in the Netherlands]. *Rossijskij sledovatel'*, no. 10, pp. 73—80. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-3783-2019-10-73-80.
35. Fedorov, A.V. (2022) Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic v postsovetskih gosudarstvah [Criminal liability of legal entities in post-Soviet states]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 248 p. (In Russ.).
36. Fedorov, A.V. (2015) Ugolovnaja otvetstvennost' juridicheskikh lic kak atribut rynochnoj jekonomiki [Criminal liability of legal entities as an attribute of a market economy]. *Pra-vovoe pole sovremennoj jekonomiki*, no. 7, pp. 11—18. (In Russ.).
37. Czjan Hujejlin' (2009) Ugolovnoe zakonodatel'stvo Kitaja ob otvetstvennosti juridicheskikh lic za korrupciju i terrorizm [China's criminal law on liability of legal entities for corruption and terrorism]. In: Kuznecova, N.F. & Komissarov, V.S. (eds.) *Vzaimodejstvie mezhdu-narodnogo i sravnitel'nogo ugolovnogo prava*. Moscow, Gorodec, pp. 252—263. (In Russ.).
38. Gudoshnikov, L.M. (ed.) (1990) Juridicheskaja zhizn' v Kitae [Legal life in China]. Moscow, Juridicheskaja literatura, 376 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Федоров — заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

A.V. Fedorov – Deputy Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 41–49.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 41–49.

УДК 349.6 + 349.7 + 343.2/.7
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.003

NIION: 2015-0065-03/22-056
MOSURED: 77/27-010-2022-03-255

Научная специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Триада безопасности: экономика, экология и энергетика¹

Леонид Викторович Голосков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Аннотация. В статье рассмотрены три вида безопасности, связанные между собой различными объединяющими началами, в числе которых на первом месте находится право. Показано проявление энергетической и экономической безопасности в одной из наиболее важных — экологической, которая концентрирует в себе проблемы безопасности всех видов наиболее наглядно. Выявлена связь экологии и экономики, создающая проблему загрязнения окружающей среды, и показано её возможное решение путём социально ориентированного толкования правовых норм.

Ключевые слова: право, толкование права, безопасность, экология, экономика, энергетика

Для цитирования: Голосков Л.В. Триада безопасности: экономика, экология и энергетика // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 41–49. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.003.

Safety triad: economics, ecology and energy

Leonid V. Goloskokov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia,
l.v.goloskokov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4113-1571>

Abstract. The article examines three types of security, interconnected by various unifying principles, among which law is in the first place. It shows the manifestation of energy and economic security in one of the most important — environmental, which concentrates all types of security problems most clearly. The author identifies the connection between ecology and economics, which creates the problem of environmental pollution, and shows its possible solution through a socially oriented interpretation of legal norms.

Keywords: law, interpretation of law, safety, ecology, economics, energy

For citation: Goloskokov, L.V. (2022) Safety triad: economics, ecology and energy. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 41–49. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.003.

Как известно, человечество имеет много глобальных проблем, признанных особо важными, среди которых мы рассмотрим во взаимосвязи проблемы экологической, экономической и энергетической безопасности. Все они являются составляющими государственной национальной безопасности. Россия недавно стала позиционировать себя в мире как энергетическая держава, проблемы экономики у неё никогда не отходят на второй план, а экология

также является вечной проблемой. Поэтому все три вида безопасности можно рассматривать в едином ключе как триаду безопасности.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» определил, что экологическая безопасность — это состояние защищённости природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычай-

© Голосков Л.В., 2022

¹ Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

ных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий².

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года определяет экономическую безопасность как состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации³.

Наконец, согласно Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации, энергетическая безопасность — состояние защищённости экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации⁴.

Как видно, определения экономической и энергетической безопасности имеют общее смысловое ядро, а определение экологической безопасности наиболее широкое и охватывает жизненно важные интересы человека. Одним из весьма перспективных направлений, связывающих исследуемую нами триаду, является водородная энергетика, которая в перспективе предполагает обеспечить весьма большой уровень экологической безопасности. Как утверждает Концепция развития водородной энергетики в Российской Федерации, «развитие водородной энергетики позволит... оказать положительный эффект на экономику Российской Федерации за счёт диверсификации структуры экспорта», а также приведёт к «созданию дополнительных возможностей развития отечественной энергетики с низким уровнем выбросов углекислого газа»⁵.

² Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об охране окружающей среды» // Российская газета. 2002. 12 января (№ 6).

³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁴ Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 20. Ст. 2421.

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 05.08.2021 № 2162-р «Об утверждении Концепции развития водородной энергетики в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 33. Ст. 6124.

Таким образом, связь трёх рассматриваемых видов безопасности налицо, тем более если учитывать потенциал водородной энергетики. Возвращаясь к правовой стороне всех этих процессов, можно видеть, что серьёзное нарушение в любой из трёх сфер, связанное с катастрофами, стихийными бедствиями, просчётом в политике и экономике и другими факторами, которые привели к глобальным последствиям (типичные примеры — Чернобыль, Фукусима, Саяно-Шушенская ГЭС) и жертвам, автоматически включает в работу уголовное право и уголовный процесс для расследования причин катастроф и виновных в гибели людей. Это проявление безопасности, но в другой сфере, которое происходит *post factum* и в парадигме которого всегда действуют правоохранительные органы и уголовное право. Иначе говоря, это тот вид правоохраны, которого нужно по возможности пытаться избегать, чтобы не допустить катастрофы и гибели людей. Уголовное право тоже охраняет безопасность, но его способ — действовать *post factum* (а другого у него нет) — малоэффективен, поскольку очень слабо работает на предотвращение, которое в основном лежит в технической и организационной сфере и гораздо в меньшей степени — в правовой сфере.

Наша задача — показать комплекс рассматриваемых вопросов, чтобы понять состояние и степень готовности российской системы управления, состояние дел в рассматриваемых отраслях и определить ключевые направления, в которых нужно двигаться для заблаговременного избежания негативных событий или минимизации их последствий, причём на самом высоком, концептуальном уровне, а не на уровне законодательства, которое в этих случаях начинает применяться правоохранительными органами интенсивно, но преимущественно в уголовно-правовой сфере, разбирая последствия свершившегося события. Важно заглянуть далеко вперёд и увидеть хотя бы некоторые первопричины будущих событий.

Экологическая безопасность — явление не только внутреннее, но и трансграничное, и мы рассмотрим его на примерах состояния дел в евразийском пространстве. С этой точки зрения можно увидеть особую связь всех трёх видов безопасности ещё и в военном аспекте, когда увеличивается опасность повреждения любых атомных станций, поскольку они несут угрозу почти всему человечеству, независимо от места потенциальной или уже произошедшей катастрофы, и это наглядно показала Фукусима.

Рассмотрим состояние экологии на евразийском пространстве. Специалисты пишут, что «в Республике Беларусь наблюдается „тенденция по сокращению сельскохозяйственных земель и увеличению площади деградированных земель с торфяными почвами: по сравнению с 2000 годом их количество увеличилось на 12 %. Также зафиксировано устойчивое снижение содержания гумуса на пахотных землях“»⁶. В противоположной части евразийского пространства, Киргизской Республике, происходит следующее: «Город Майлу-Суу входит в десятку самых экологически загрязнённых городов мира, в окрестностях которого сосредоточены 13 объектов складирования отходов и 23 склада отходов добычи урановых руд. <...> По данным Земельного кадастра Киргизской Республики, площадь земель, подверженных водной и ветровой эрозии, составляет около 45,7 процента от общей площади сельскохозяйственных угодий»⁷.

В центре евразийского пространства тоже много крупных экологических проблем. Вот две из них. 4 августа 2017 г. Президент России В.В. Путин, пребывая на озере Байкал, поставил задачи: «Первая, требующая неотложных действий задача, — ликвидировать экологический ущерб, провести полноценную рекультивацию загрязнённых территорий. Прошу определить источники финансирования, планы и конкретных исполнителей»⁸.

Через 4 дня, 8 августа 2017 г., в том же направлении высказался и Председатель Правительства Д.А. Медведев в Волгограде на расширенном совещании по вопросу экологических проблем Волги: «Мы сегодня встретились в рамках тех совещаний, которые у нас проходят по экологической проблематике. Одно из таких совещаний на прошлой неделе было проведено Президентом, оно было посвящено Байкалу. А второе совещание, наше сегодняшнее, посвящено защите от загрязнения нашей основной европейской реки Волги... Общий объём по про-

⁶ Хотко О.А., Михнюк А.И. Проблемы правового обеспечения защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 255.

⁷ Мусабаева Н.А. К вопросу об экологической безопасности в Киргизской Республике // Наука и новые технологии. 2013. № 5. С. 290—291.

⁸ Совещание по вопросам развития Байкальской природной территории. 4 августа 2017 года // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55292> (дата обращения: 26.04.2022).

грамме, которая была разработана, составляет 257 млрд рублей. Это долгосрочная программа, она рассчитана до 2025 года... Нужно подумать об источниках этих средств, но очевидно, что такие источники должны быть найдены»⁹.

Обе ситуации показали, что власть срочными решениями по изысканию ресурсов (это сфера экономики) планировала нивелировать наступившие последствия в сфере экологии, упредить появление катастрофических последствий. Катастрофические события мирового эколого-энергетического характера (Чернобыль, Фукусима), как показала практика, предвидеть не удалось, хотя последующие тщательные расследования этих событий показали, что предвидеть было можно.

Для поиска решений экологических проблем в России нужно обратить внимание на особенность России как центра евразийского пространства — центра в географическом, экономическом и политическом смысле. Как полагают Ю.А. Гридина и Т.А. Власова, «в настоящее время природные ресурсы нашей страны выступают стабилизирующим фактором в глобальных экологических процессах планеты, так как на 60 % территории России не ведётся хозяйственная деятельность. Неосвоенные территории и природные ресурсы России выступают сдерживающим фактором глобального экологического кризиса. В связи с этим стратегически важно поддержание в этих регионах экологической стабильности. Несомненно, потеря или истощение этих ресурсов приведёт к возрастанию угрозы её национальным интересам и безопасности граждан...»¹⁰

В таком видении миссии нашей страны, на наш взгляд, кроется ключ к решению ряда экологических проблем. Данный подход наименее затратный, что в условиях современной экономической ситуации является определяющим. Выращивание экологически чистой продукции является максимально эффективным способом использования сложившейся ситуации, причём

⁹ Совещание о сохранении, предотвращении загрязнения и рациональном использовании реки Волги. 8 августа 2017 г. // Сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/28770> (дата обращения: 26.04.2022).

¹⁰ Гридина Ю.А., Власова Т.А. Экологическая безопасность России // Экология и управление природопользованием: сборник научных трудов Первой всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Томск, 24—25 ноября 2016 г. / под ред. А.М. Адама. Вып. 1. Томск, 2017. С. 90.

для внутренних нужд страны, для экспорта продовольствия и для решения вопросов продовольственной безопасности, которые стали актуальными и теперь будут оставаться актуальными неопределённо долго.

Рассмотрение экологической ситуации на евразийском пространстве позволяет найти уникальный опыт решений в разных странах и применять его. Например, в российском экологическом законодательстве нет норм об охране климата, как в законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан, поэтому их опыт может быть использован в российском экологическом законодательстве, в частности путём введения нового принципа «правовой охраны климата», который на сегодня ещё носит чисто доктринальный характер¹¹. Негативное изменение климата не исправить никакими быстрыми действиями, поэтому здесь нужна длительная и тщательно продуманная научная работа на стыке права, экономики, экологии.

Научная работа по обеспечению экологической безопасности ведётся и Московской академией Следственного комитета Российской Федерации, её учёные активно работают над исследованием вопросов, традиционных для Следственного комитета Российской Федерации, — о расследовании экологических преступлений¹², проводят исследования международно-правового и внутрироссийского регулирования экологических проблем¹³, а также исследования глобальных экологических проблем, связанных с топливно-энергетическим сектором и газовым бизнесом¹⁴.

Однако только сфера правоохраны не может обеспечить адекватную по объёму, скорости,

¹¹ Рыженков А.Я. К вопросу о доктринальных принципах экологического права (на примере принципа охраны климата) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 164—168.

¹² Васильева М.А. Методика расследования преступлений в сфере экологии: монография. М., 2021; Черемисина Т.В. Расследование экологических преступлений в Следственном комитете Российской Федерации: учебно-методическое пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2019.

¹³ Голосков Л.В., Ильина И.Ю. Отдельные вопросы международно-правового и внутрироссийского регулирования глобальных экологических проблем // Глобальная экологическая безопасность: актуальные проблемы права и практики: сборник трудов Международной научно-практической конференции 16 февраля 2018 г. Т. 1. Химки, 2018. С. 65—71.

¹⁴ Голосков Л.В. Стратегия развития газовой отрасли и стратегия развития России // Газовый бизнес. 2018. № 1. С. 72—74.

пространственному охвату экологическую, экономическую и энергетическую безопасность в полном объёме. Такое положение имеет фундаментальные причины:

1) уголовно-правовые средства реагирования по своей природе действуют в основном *post factum*;

2) далеко не все экологические преступления заблаговременно вскрываются оперативными методами;

3) возмещение ущерба по уголовным делам далеко не всегда может компенсировать экологический вред, уже нанесённый природе;

4) уголовно-правовые средства никогда не смогут охватить в полном объёме все направления, по которым наносится вред природе, в силу огромного разнообразия вредоносных факторов и быстрого появления в результате деятельности человека всё новых опасных для природы и человека технологий, за которыми не поспеют уголовные кодексы всех стран мира.

Отсюда ясно, что традиционные методы правоохраны нуждаются в модернизации, они должны быть смешены в сферу усиления надёжности прогнозирования, профилактики, предотвращения бедствий экологического и энергетического плана. Это область стратегий, концепций и доктрины.

К доктринальным подходам нужно внимательно прислушиваться. Так, С.Н. Бобылев справедливо считает, что современный экономический показатель — ВВП является некорректным. Это затратный показатель, и с точки зрения экологии и природного капитала он вообще вреден для страны, потому что рост ВВП может достигаться просто за счёт роста мировых цен на нефть. Более приемлемыми являются показатели, связанные с экологией и здоровьем человека. С точки зрения этих показателей, если добывать много нефти, газа, угля, вырубать деревья, это минус, да и с точки зрения здравого смысла, когда мы смотрим на длительные перспективы, какой же это плюс — рост ВВП, когда вы уничтожаете возможность для следующих поколений жить нормально¹⁵. Таким образом, можно видеть, что взаимоотношение экологии и экономики имеет весьма сложный характер, который тем не менее в какой-то степени описывается правовыми средствами.

Так, экономику и экологию на нормативно-правовом уровне связывает Концепция долго-

¹⁵ Бобылев С.Н., Бабенко М.В., Бодрунов С.Д. Экономика и экология в России // Беседы об экономике. Т. 3. М., 2018. С. 217—218.

срочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, которая поставила цель: «Цель экологической политики — значительное улучшение качества природной среды и экологических условий жизни человека, формирование сбалансированной экологически ориентированной модели развития экономики и экологически конкурентоспособных производств»¹⁶.

Одно из направлений Концепции в сфере пересечения экономики и экологии — это экологический бизнес — «создание эффективного экологического сектора экономики. Этот сектор может включить в себя конкурентоспособный бизнес в области общего и специализированного машиностроения, экологического консалтинга. Роль государства состоит в формировании правил осуществления экологического аудита, требований к разработке технологий, создании условий для широкого внедрения экологического менеджмента, повышения информационной открытости промышленных предприятий в части их воздействия на окружающую среду и предпринимаемых мер по снижению негативного воздействия, организации мониторинга динамики экологических показателей экономики»¹⁷.

Это намерения и планы, а эксперт описывает нынешнее состояние дел совсем с другой стороны: «...существует миф, что мы очень богаты лесом, а на самом деле это не так. Мы привыкли экстенсивно развивать лесную промышленность, захватывать всё новые и новые территории. И в результате в некоторых регионах уже рубить нечего просто физически»¹⁸. Отсюда видна прямая связь экономики и экологии: там, где вырублен лес, не будет больше ни экологии, ни экономики.

В одной из точек пересечения уголовного права, экологии и экономики, по мнению специалистов, ситуация такова: «Незаконная добыча водных биоресурсов на Каспии, в Мурманской области, на Дальнем Востоке и озере Байкал давно перешагнула внутригосударственные рамки и носит уже международный транснаци-

ональный характер. По оценке исследователей, отечественная рыбная мафия удерживает третье место после нефтяной и водочной. Никто из представителей рыбной мафии не понёс уголовной ответственности»¹⁹. Таким образом, одни только уголовно-правовые меры показывают свои весьма ограниченные возможности. Нужны и иные подходы.

В поисках решения проблем наука и практика попытались дать ответ на вызовы экологии тем, что появилась связь экологии и экономики в названии новой экономики — *зелёная экономика*, трактовку которой дала ЮНЕП в 2011 году: «...под ней подразумевается хозяйственная деятельность, которая обеспечивает благосостояние, социальную справедливость и экологическую чистоту». Зелёная экономика занимает в мире всего 3 % валового продукта, менее процента занятости (около 50 млн человек). Преимущества зелёной экономики — «снижение рисков, связанных с климатическими воздействиями, мультиплективный эффект, связанный с развитием зелёных производств, повышенная научность». Однако всё имеет свою цену, и переход к новой модели связан с определёнными издержками. Когда мы говорим о «зелёной экономике», это, конечно, приятный термин, но в центре всего должен стоять человек. Иначе мы останемся на уровне зелёных лозунгов²⁰.

Подсчитано, что «совокупный экологический ущерб в мире... составляет 7 трлн долл. США в год, что эквивалентно 11 % глобальной экономики. Россия за счёт сохранившихся в естественном или близком к таковому состоянии природных комплексов азиатской части страны обеспечивает почти 10 % устойчивости биосферы, являясь мировым экологическим донором»²¹. Это ответ на вопрос о связи экологии и экономики для России, которая может прямо или косвенно зарабатывать на сохранении экологии для всего мира, выращивая и продавая экологически чистую продукцию.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Бобылев С.Н., Бабенко М.В., Бодрунов С.Д. Указ. соч. С. 220.

¹⁹ Ишигеев В.С., Пузикова А.В., Бондарь А.Я. К вопросу об эффективности противодействия преступлениям в сфере экологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 48.

²⁰ Порфириев Б.Н., Шевчук А.В., Бодрунов С.Д. Зелёная экономика как синоним устойчивого развития // Беседы об экономике. Т. 3. М., 2018. С. 243—249.

²¹ Мирзеханова З.Г. Реализация концептуальных положений модели зеленой экономики на Дальнем Востоке России. Экологические предпосылки // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 454.

Однако картина экологической чистоты и загрязнённости регионов в России сложна и неоднородна. Чтобы увидеть, где в России наиболее и наименее благополучные в экологическом смысле районы, обратимся к науке, которая смогла обработать новыми методами большие массивы информации и показала, что «наибольший рост социо-экологического благосостояния за 2008—2017 гг. наблюдался в Краснодарском крае (44,3 %), наименьший — в Забайкальском (21 %)»²². Учёные России в настоящее время продолжают исследования, в которых предлагают методы выработки управлений решений в сфере эколого-экономических взаимодействий и в сфере подготовки документов стратегического характера²³.

О связи экономики и экологии С.Д. Бодрунов пишет, что «ресурсное давление на биосферу определяется сложившимися на основе существующего уровня технологического развития экономическими отношениями. Раз технологии основаны на поглощении ресурсов, то и производственные отношения тоже ориентированы на захват и присвоение этих ресурсов. Производство ради прибыли является самым выпуклым выражением этого принципа, а погоня за наживой... создаёт такие мотивации человеческой деятельности, что даже угроза исчезновения способности биосфера к самовосстановлению не способна остановить эту гонку. Человечество подошло к опасной грани»²⁴.

Ситуация опасная, однако она имеет своё основание в российском праве, которое в ст. 2 ГК РФ определяет, что «предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли». Президент Российской Федерации В.В. Путин 31 марта 2021 г. в ходе церемонии подписания генерального соглашения между объединениями профсоюзов, объединениями работодателей и прави-

²² Забелина И.А., Делюга А.В., Колотовкина Ю.В. Социо-эколого-экономические исследования в регионах России: опыт разработки и применения информационных систем // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 2020. Т. 2, вып. 5. С. 23.

²³ Забелина И.А. Использование ГИС-инструментария в исследовании социо-эколого-экономического благополучия регионов Сибири и Дальнего Востока // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 2020. Т. 2, вып. 5. С. 17.

²⁴ Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М., 2018. С. 289—290.

тельством государства обратил внимание на этот момент: «Да, конечно, цель бизнеса, на первый взгляд, — это извлечение прибыли. Но нормальный, современный человек, современный предприниматель понимает, что безудержное извлечение прибыли, такой „голый“, „дикий“ капитализм, он неприемлем абсолютно, потому что без заботы о людях, о работниках он неприемлем, потому что в конечном итоге это ведёт к чему — к разрушению общества, государства и самого бизнеса. Это аутодафе, [как] выстрелить себе в ногу либо в голову»²⁵.

Как видно, ошибка в целеполагании, или неумение и нежелание правильно толковать и применять закон, приоритет прибыли (как мы видим, она установлена законом, и слова президента «забота о людях, о работниках» там не прописаны) приводят к глобальным последствиям, в том числе и в сферах экологии, экономики, энергетики. В этой точке мы видим связь права, экономики, экологии, энергетики, начало которой лежит в сфере права: право определило цель, экономика на пути к достижению этой цели смешила на второстепенное место всё остальное, кроме прибыли, включая экологию и энергетику.

В исследуемой нами триаде есть три стратегических документа: Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года²⁶, Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации.

Отсюда вытекает два вывода. Первый — в области права. Необходима коррекция рассматриваемой нами триады безопасности в ракурсе правильного толкования и применения права, определённого Президентом Российской Федерации В.В. Путиным. И нужно заметить, что намеченный им подход к фундаментальной и всё определяющей в экономике категории прибыли находит всё больше точек подтверждения в практике государственного управления и строительства.

²⁵ Путин В.В. [Выступление на церемонии подписания Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством России на 2021—2023 годы] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65257> (дата обращения: 12.04.2022).

²⁶ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

Второй вывод — в сфере ментальной. Нужно констатировать факт, что процесс этот хотя и идёт, но он не имеет идеологической основы, которая бы всё разъясняла, раскладывала по полочкам, показывала бы будущее страны в разных аспектах: экономика, право, культура, собственность, какой создаётся строй (или к какому строю мы переходим), цели, задачи, ценности, какое место в этом новом мире занимает простой человек и не простой человек (капиталист), как и на какой основе они будут дальше мирно жить, если во всём мире капитализма идёт только один процесс и исключений из него нет — богатые богатеют, бедные беднеют.

Иначе говоря, нужен тщательно прорисованный образ победы. Множество этих деталей общего характера, а также основные проблемы исследуемой темы в области экономики, энергетики, экологии и другие должны быть концептуально освещены и в Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации в наиболее общем и сжатом виде. Название этой стратегии сформулировано в ст. 16 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» — *Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации*²⁷, но самой стратегии пока нет. Три частных стратегических документа в области исследуемой триады есть, а более общего документа — нет. Данная стратегия, как самая общая и фундаментальная из всех российских стратегий федерального уровня (что вытекает из её названия), является ключом к решению всех вопросов государства, включая вопросы безопасности, исследуемые нами, и поэтому должна быть создана.

Список литературы

1. Бобылев С.Н., Бабенко М.В., Бодрунов С.Д. Экономика и экология в России // Беседы об экономике. Т. 3 / под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Вольное экономическое общество России, 2018. С. 215—230.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика: монография. М.: Культурная революция, 2018. 432 с.
3. Васильева М.А. Методика расследования преступлений в сфере экологии: монография. М.: Юрлитинформ, 2021. 184 с.

²⁷ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля (№ 146).

4. Голосков Л.В. Стратегия развития газовой отрасли и стратегия развития России // Газовый бизнес. 2018. № 1. С. 72—74.

5. Голосков Л.В., Ильина И.Ю. Отдельные вопросы международно-правового и внутрироссийского регулирования глобальных экологических проблем // Глобальная экологическая безопасность: актуальные проблемы права и практики: сборник трудов Международной научно-практической конференции 16 февраля 2018 года / под ред. М.М. Мухлыниной, А.И. Никифорова, С.В. Арамилева, М.В. Салтыковой, Л.Р. Шарифуллиной. Т. 1. Химки: АГЗ МЧС России, 2018. С. 65—71.

6. Гридина Ю.А., Власова Т.А. Экологическая безопасность России // Экология и управление природопользованием: сборник научных трудов Первой всероссийской научно-практической конференции с международным участием, г. Томск, 24—25 ноября 2016 г. / под ред. А.М. Адама. Вып. 1. Томск: Литературное бюро, 2017. С. 90—91.

7. Забелина И.А. Использование ГИС-инструментария в исследовании социо-эколого-экономического благополучия регионов Сибири и Дальнего Востока // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 2020. Т. 2, вып. 5. С. 14—20. doi: 10.23885/2500-123X-2020-2-5-14-20.

8. Забелина И.А., Деляга А.В., Колотовкина Ю.В. Социо-эколого-экономические исследования в регионах России: опыт разработки и применения информационных систем // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 2020. Т. 2, вып. 5. С. 21—27. doi: 23885/2500-123X-2019-2-5-21-27.

9. Ишигеев В.С., Пузикова А.В., Бондарь А.Я. К вопросу об эффективности противодействия преступлениям в сфере экологии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 46—49.

10. Мирзеханова З.Г. Реализация концептуальных положений модели зеленой экономики на Дальнем Востоке России. Экологические предпосылки // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 2. С. 449—463. doi: 10.17059/2020-2-9.

11. Мусабаева Н.А. К вопросу об экологической безопасности в Киргизской Республике // Наука и новые технологии. 2013. № 5. С. 289—292.

12. Порфириев Б.Н., Шевчук А.В., Бодрунов С.Д. Зеленая экономика как синоним устойчивого развития // Беседы об экономике.

Т. 3 / под ред. С.Д. Бодрунова. М.: Вольное экономическое общество России, 2018. С. 241—249.

13. Рыженков А.Я. К вопросу о доктринальных принципах экологического права (на примере принципа охраны климата) // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1 (42). С. 164—168.

14. Хотько О.А., Михнюк А.И. Проблемы правового обеспечения защиты прав граждан в сфере экологической и продовольственной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 253—260. doi: 10.24411/2227-7315-2020-10060.

15. Черемисина Т.В. Расследование экологических преступлений в Следственном комитете Российской Федерации: учебно-методическое пособие / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2019. 141 с.

References

1. Bobylev, S.N., Babenko, M.V. & Bodrunov, S.D. (2018) Economy and ecology in Russia. In: Bodrunov, S.D. (ed.) *Conversations about Economy. Vol. 3*. Moscow, The Free Economic Society of Russia, pp. 215—230.

2. Bodrunov, S.D. (2018) *Noonomika* [Noonomika]. Monograph. Moscow, Kul'turnaja revoljucija, 432 p. (In Russ.).

3. Vasil'jeva, M.A. (2021) Metodika rassledovanija prestuplenij v sfere jekologii [Methods of investigation of crimes in the field of ecology]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 184 p. (In Russ.).

4. Goloskokov, L.V. (2018) Strategija razvitiya gazovoj otrasi i strategija razvitiya Rossii [Gas industry development strategy and development strategy of Russia]. *Gazovyj biznes*, no. 1, pp. 72—74. (In Russ.).

5. Goloskokov, L.V. & Ilyina, I.Yu. (2018) Otdel'nye voprosy mezhdunarodno-pravovogo i vnutrirossijskogo regulirovaniya global'nyh jekologicheskikh problem [Some issues of international legal and Russian legal regulation of global environmental problems]. In: Muhlynina, M.M., Nikiforov, A.I., Aramilev, S.V., Saltykova, M.V. & Sharifullina, L.R. *Global'naja jekologicheskaja bezopasnost': aktual'nye problemy prava i praktiki. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, February 16, 2018. Vol. 1*. Himki, Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, pp. 65—71. (In Russ.).

6. Gridina, Ju.A. & Vlasova, T.A. (2017) Jekologicheskaja bezopasnost' Rossii [Environmental safety of Russia]. In: Adam, A.M. (ed.) *Jekologija i upravlenie prirodopol'zovaniem. Sbornik nauch-*

nyh trudov Pervoj userossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Tomsk, November 24—25, 2016. Iss. 1. Tomsk, Literaturnoje bjuro, pp. 90—91. (In Russ.).

7. Zabelina, I.A. (2020) Ispol'zovanie GIS-instrumentarija v issledovanii socio-jekologo-jekonomiceskogo blagopoluchija regionov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The using of GIS tools in the study socio-ecological and economic well-being of the regions of Siberia and the Far East]. *Jekologija. Jekonomika. Informatika. Geoinformacionnye tehnologii i kosmicheskij monitoring*. Vol. 2, no. 5, pp. 14—20. (In Russ.). doi: 10.23885/2500-123X-2020-2-5-14-20.

8. Zabelina, I.A., Delyuga, A.V. & Kolotovkina, Yu.V. (2020) Socio-jekologo-jekonomiceskie issledovanija v regionah Rossii: opyt razrabotki i primenenija informacionnyh sistem [Socio-ecological and economic researches in the regions of Russia: experience in the development and application of information systems]. *Jekologija. Jekonomika. Informatika. Geoinformacionnye tehnologii i kosmicheskij monitoring*. Vol. 2, no. 5, pp. 21—27. (In Russ.). doi: 23885/2500-123X-2019-2-5-21-27.

9. Ishigeev, V.S., Puzikova, A.V. & Bondar, A.Ya. (2018) K voprosu ob effektivnosti protivodejstvija prestuplenijam v sfere jekologii [To the question about the effectiveness of counteraction to crimes in the sphere of ecology]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 46—49. (In Russ.).

10. Mirzehanova, Z.G. (2020) Realizacija konceptual'nyh polozhenij modeli zelenoj jekonomiki na Dal'nem Vosteke Rossii. *Jekologicheskie predposytki* [Implementing the green economy concepts in the Russian Far East: environmental preconditions]. *Jekonomika regionala*, vol. 16, no. 2, pp. 449—463. (In Russ.). doi: 10.17059/2020-2-9.

11. Musabaeva, N.A. (2013) K voprosu ob jekologicheskoj bezopasnosti v Kirgizskoj Respublike [About ecological safety in the Kyrgyz Republic]. *Nauka i novye tehnologii*, no. 5, pp. 289—292. (In Russ.).

12. Porfir'ev, B.N., Shevchuk, A.V. & Bodrunov, S.D. (2018) Zelenaja jekonomika kak sinonim ustojchivogo razvitiija [Green economy as a synonym for sustainable development]. In: Bodrunov, S.D. (ed.) *Conversations about Economy. Vol. 3*. Moscow, The Free Economic Society of Russia, pp. 241—249. (In Russ.).

13. Ryzhenkov, A.Ya. (2018) K voprosu o doktrinal'nyh principah jekologicheskogo prava

(na primere principa ohrany klimata) [The issue of doctrinal principles of the environmental law (on the example of climate protection)]. *Business. Education. Law*, no. 1, pp. 164–168. (In Russ.).

14. Khotko, O.A. & Mikhnyuk, A.I. (2020) Problemy pravovogo obespechenija zashchity prav grazhdan v sfere jekologicheskoi i prodovol'stvennoj bezopasnosti [Problems of legal support for the protection of citizens' rights in the field of environmental and food security]. *Vestnik Sa-*

ratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii, no. 2, pp. 253–260. (In Russ.). doi: 10.24411/2227-7315-2020-10060.

15. Cheremisina, T.V. (2019) Rassledovanie jekologicheskikh prestuplenij v Sledstvennom komitete Rossijskoj Federacii [Investigation of environmental crimes in the Investigative Committee of the Russian Federation]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 141 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.В. Голосков — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

L.V. Goloskov – Leading Researcher of the Research Department of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Криминология: Учеб. пособие. 5-е изд. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований / Под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антоняна [Я.Л. Алиев и др.]

ISBN: 978-5-238-03433-1

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильтвенной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 50–60.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 50–60.

УДК 347.4
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.004

NIION: 2015-0065-03/22-057
MOSURED: 77/27-010-2022-03-256

Научная специальность: 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки

О некоторых оценочных понятиях обязательственного права и искусственном интеллекте (постановка проблемы)

Александр Владимирович Фиошин^{1, 2}

¹Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
avfioshin@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4664-1976>

²Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых оценочных понятий обязательственного права, в том числе в контексте правоприменения с помощью технологий искусственного интеллекта.

Преследуя цель раскрытия специфики некоторых оценочных понятий обязательственного права (прежде всего — обязательства, неразрывно связанного с личностью должника) и анализа вопроса о возможности применения норм права, содержащих такие понятия, искусственным интеллектом, автор решил следующие задачи: определил содержание понятий «обязательство» и «личность»; сформулировал авторское определение обязательства, неразрывно связанного с личностью должника; исследовал положения судебной практики и доктринальных взглядов на различные аспекты обязательства, неразрывно связанного с личностью должника; проанализировал доктринальные взгляды на искусственный интеллект; рассмотрел вопрос о возможности применения искусственным интеллектом норм с оценочными понятиями, включая обязательства, неразрывно связанные с личностью должника.

Обоснован вывод, согласно которому использование искусственного интеллекта при правоприменении норм, связанных с обязательством, неразрывно связанных с личностью должника, равно как и иных оценочных понятий, едва ли возможно. Обусловлено это не только периодическим отступлением правовых норм от законов формальной логики, но и особенностями самой конструкции оценочного понятия. Данный элемент правопорядка практически любой страны мира предполагает конкретизацию содержания нормы права в процессе её применения, что не представляется возможным для искусственного интеллекта. При гипотетическом допущении этого внедрение данной практики также представляется маловероятным по причине несогласия с «машинной» конкретизацией норм человеческого законодательства.

Ключевые слова: оценочные понятия; обязательство; обязательство, неразрывно связанное с личностью должника; судебная практика; доктрина; искусственный интеллект; использование искусственного интеллекта в правоприменении

Для цитирования: Фиошин А.В. О некоторых оценочных понятиях обязательственного права и искусственном интеллекте (постановка проблемы) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 50–60. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.004.

On some evaluative concepts of the law of obligations and artificial intelligence (problem statement)

Alexander V. Fioshin^{1, 2}

¹Russian State University of Justice, Moscow, Russia, avfioshin@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4664-1976>

²Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of some evaluative concepts of the law of obligations, including in the context of law enforcement using artificial intelligence technologies.

Pursuing the goal of revealing the specifics of some evaluative concepts of the law of obligations (first of all, obligations inextricably linked with the personality of the debtor) and analyzing the question of the possibility of applying the rules of law containing such concepts by artificial intelligence, the author solved the following tasks: defined the content of the concepts of "obligation" and "personality"; formulated the author's definition of an obligation inextricably linked with the personality of the debtor; investigated the provisions of judicial practice and doctrinal views

on various aspects of the obligation inextricably linked with the personality of the debtor; analyzed the doctrinal views on artificial intelligence; considered the possibility of applying artificial intelligence norms with evaluative concepts, including obligations inextricably linked with the personality of the debtor.

The conclusion is substantiated, according to which the use of artificial intelligence in the enforcement of norms related to an obligation inextricably linked with the identity of the debtor, as well as other evaluative concepts, is hardly possible. This is due not only to the periodic deviation of legal norms from the laws of formal logic, but also to the peculiarities of the construction of the evaluative concept itself. This element of the law and order in almost any country in the world involves specifying the content of the rule of law in the process of its application, which is not possible for artificial intelligence. With the hypothetical assumption of this, the introduction of this practice also seems unlikely due to disagreement with the "machine" specification of the norms of human legislation.

Keywords: evaluative concepts, obligation, obligation inextricably linked with the personality of the debtor, judicial practice, doctrine, artificial intelligence, use of artificial intelligence in law enforcement

For citation: Fioshin, A.V. (2022) On some evaluative concepts of the law of obligations and artificial intelligence (problem statement). *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 50–60. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.004.

По верному слову М.Ф. Лукьяненко, «даже самое совершенное гражданское законодательство не в состоянии учесть всего многообразия общественных отношений, требующих правового регулирования. Поэтому в ряде случаев законодатель в силу объективной невозможности однозначно регламентировать процессы в правовой сфере использует понятия неопределенного содержания»¹. «Такие общие, оценочные понятия в ряде случаев являются важным средством регулирования отношений»² в самых различных сферах. Обязательственное право — не исключение. Одной из наиболее ярких и, как представляется, наименее исследованных с этой точки зрения конструкций данной подотрасли гражданского права является обязательство, неразрывно связанное с личностью должника. Особенно в контексте развития технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) и потенциальной возможности их внедрения в процесс правоприменения. Как отмечают многие юристы, на сегодняшний день бизнес-модель старейших юридических компаний, не приспособившихся к развитию новейших технологий, — малоэффективна³. Вместе с тем развитие высоких технологий и внедрение их в правоприменение ставят перед исследователями ряд вызовов. В частности, сможет ли ИИ адекватно применить нормы права с оценочными понятиями (к примеру, такими как обязательство, неразрывно связанное с личностью должника)? Вопрос, как представляется, требует отдельного рассмотрения.

¹ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М., 2010. С. 4.

² Фиошин А.В. Основы учения об оценочных понятиях наследственного и семейного права. М., 2020. С. 4.

³ Henderson W. From big law to lean law // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38, supplement. P. 5.

Для начала целесообразным представляется определиться с терминами. Один из виднейших отечественных специалистов в сфере обязательственного права М.М. Агарков определял обязательство как «гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (или несколько лиц) имеет право требовать от другого лица (или нескольких других лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия»⁴.

Наречие «неразрывно» означает, что нечто нельзя разорвать, разделить на части⁵.

«Личность — совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность»⁶.

Таким образом, под обязательством, неразрывно связанным с личностью должника, следует понимать такое гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (кредитор) вправе требовать определённого поведения от другого лица (должника), при этом последнее, будучи лицом физическим, может и должно осуществить исполнение исключительно лично.

А.Г. Карапетов и С.В. Сарбаш отмечают, что «в целом кажется, что практически любая попытка на уровне закона установить требование строго личного исполнения для денежных обязательств заранее обречена на признание нецелесообразной и необоснованной с политико-правовой точки зрения»⁷. С данным заключением можно согласиться при определённой оговорке.

⁴ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 13.

⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2: К — О. М.: Русский язык, 1986. С. 475.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022. С. 615.

Так, исключением из обозначенного вывода будут являться алиментные обязательства. Имея денежный характер, по общему правилу, они предполагают исключительно личное исполнение. Их цессия, равно как и исполнение третьими лицами, недопустимы. О.С. Иоффе также писал о невозможности «новировать или погасить путем зачета алиментное обязательство»⁸.

«Другое дело, — продолжают известные учёные, — обязательство, носящее неденежную природу. Здесь теоретически мыслимы ситуации, когда личность должника для кредитора небезразлична, и возложение может в ряде случаев блокироваться прямым указанием в законе. Как минимум если такая норма диспозитивна, иногда в такой норме может быть смысл. Например, согласно ст. 780 ГК РФ, „если иное не предусмотрено договором возмездного оказания услуг, исполнитель обязан оказать услуги лично“⁹. Думается, что в обязательствах, неразрывно связанных с личностью, личное исполнение должника имеет принципиальное, конституирующее значение. Личность конкретного исполнителя — «душа» данного обязательства. Невозможность исполнения обязательства определённым лицом приводит к утрате цели этого обязательства. Следует упомянуть и о невозможности принудительного исполнения такого обязательства, ибо, как отметил Верховный Суд РФ, таковое «будет нарушать принцип уважения чести и достоинства гражданина»¹⁰.

В специальной литературе высказано мнение: «Понятия „человек“, „индивиду“, „личность“ зачастую используются как синонимы, что не совсем верно. Личность есть результат социализации человека под воздействием множества различных факторов, как внешних, так и внутренних. Не случайно в языковой практике слово „личность“ не употребляется применительно к новорожденному, но указывает на человека начиная с определенного этапа его развития»¹¹. Данный тезис представляется не-

⁸ Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственно-го права». 4-е изд. М., 2020. С. 542.

⁹ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 615.

¹⁰ См. п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

¹¹ Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М., 2016. С. 4.

сколько дискуссионным. В юридическом дискурсе термин «личность» может и не иметь корреляции с социализацией человека. Так, Л.Л. Кругликов, перечисляя условия применения статьи 106 УК РФ (убийство матерью новорождённого ребёнка), отмечает, что «первое из них относится к личности потерпевшего — им является новорожденный, под которым в педиатрии понимается ребенок в возрасте до 4 недель»¹². Вместе с тем в договорной практике установление обязательства действительно обычно имеет место при сделкоспособности лица, которая, в свою очередь, естественным образом связана с его социализацией.

Д.И. Мейер отмечал, что «большей частью обязательственные отношения могут сохранять силу и по смерти их первого участника, и только некоторые из них, по необходимости, прекращаются со смертью лица, например, личный наем, доверенность»¹³.

В силу пункта 1 статьи 418 ГК РФ «обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника».

В некоторых случаях законодатель прямо называет такие обязательства в тексте закона (например, в силу п. 1 ст. 977 ГК РФ «договор поручения прекращается вследствие смерти доверенного или признания его безвестно отсутствующим»), в иных — отдаёт этот вопрос на откуп правопримениителю. В свою очередь, последний, основываясь на обстоятельствах и существе конкретного казуса, делает соответствующие выводы о характере связи обязательства и личности должника. Существенную помощь в этом вопросе оказывают разъяснения высших судебных инстанций. Так, в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» сказано, что «имущественные права и обязанности не входят в состав наследства, если они неразрывно связаны с личностью наследодателя, а также если их переход в порядке наследования не допускается ГК РФ или другими федеральными законами (статья 418, часть вторая статьи 1112 ГК РФ). В частности, в состав наследства не входят: право на алименты и алиментные обязательства (раздел V Семейного

¹² Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М., 2012. С. 169.

¹³ Мейер Д.И. Русское гражданское право. 4-е изд., испр. и доп. М., 2021. С. 794.

кодекса Российской Федерации), права и обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования (статья 701 ГК РФ), поручения (пункт 1 статьи 977 ГК РФ), комиссии (часть первая статьи 1002 ГК РФ), агентского договора (статья 1010 ГК РФ)»¹⁴. Применительно к алиментным обязательствам необходимо также учитывать положения п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2019), согласно которому «задолженность наследодателя по алиментам и по уплате неустойки, исчисленной на день смерти наследодателя, является имущественной обязанностью, которая переходит к его наследнику, принявшему наследство, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества»¹⁵.

Весьма любопытным является вопрос о связи личности должника с обязательствами по возмещению вреда, причинённого жизни или здоровью. Прекращаются ли таковые обязательства смертью причинителя вреда?

А.Г. Карапетов и Е.Ю. Петров категорично заявляют: «Нет ни одного убедительного аргумента в пользу того, что долг по возмещению убытков, связанных с причинением вреда здоровью (в том числе возмещение медицинских расходов, утраченного в связи с потерей трудоспособности заработка) или жизни (возмещение в связи с потерей кормильца, расходов на похоронение) должен прекращаться смертью делинквента и не должен переходить к наследникам делинквента в пределах стоимости достающегося им имущества наследодателя.

<...> При этом нет никакой логики в том, чтобы переходили только долги, подтвержденные судебным решением или соглашением: не должно иметь значение, успели ли потерпевшие предъявить и выиграть иск против делинквента к моменту его смерти. Денежный долг по возмещению убытков возникает в момент деяния, и поэтому суд своим решением не порождает денежный долг, а лишь присуждает к его погашению. А следовательно, смерть делинквента на следующий день после причинения им вреда ничем в плане перспектив преемства в долгне не отличается от случая, когда делинквент умер после подтверждения долга судебным решением. Иной подход ставил бы потерпевших,

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Обзор судебной практики ВС РФ № 4 (2019): утв. Президиумом ВС РФ 25 декабря 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

один из которых успел получить решение суда, скажем, за день до смерти делинквента, а другой — нет, в неравное положение, что несправедливо и неконституционно»¹⁶.

Столь однозначные выводы представляются небесспорными. Так, если вспомнить, что вред жизни или здоровью может быть причинён и при нападении потерпевшего (и даже группы лиц!) на жилище причинителя вреда, то картина может заиграть новыми красками. Как известно, отечественная практика применения норм о превышении пределов необходимой обороны стала уже притчей во языках.

В соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», «при причинении вреда в состоянии необходимой обороны (статья 1066 ГК РФ) вред возмещается на общих основаниях (статья 1064 ГК РФ) только в случае превышения ее пределов. Размер возмещения определяется судом в зависимости от степени вины как причинителя вреда, так и потерпевшего, действиями которого было вызвано причинение вреда»¹⁷. «Таким образом, — отмечает Е.В. Вавилин, — ключевой вопрос о степени вины причинителя вреда и потерпевшего остается открытым»¹⁸. Многоуважаемый учёный также полагает необходимым «переосмыслить принцип гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный в условиях необходимой обороны»¹⁹.

Об актуальности проблемы свидетельствуют и данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Так, «за шесть месяцев 2021 года по ст. 108 УК РФ („Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны“) были осуждены 132 человека, а оправданы только двое. По ст. 114 УК РФ („Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны“)

¹⁶ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1410.

¹⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Вавилин Е.В. Самозащита гражданских прав // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 7.

¹⁹ Там же.

были осуждены 203 человека, оправдательных приговоров не было»²⁰. Итак, если при нападении на ваше жилище даже группы лиц вы превысите пределы необходимой обороны, причинив нападающим вред жизни или здоровью²¹, то с большой степенью вероятности, помимо судимости, последует и соответствующая деликтная ответственность. При этом если исходить из того, что подтверждённый судебным решением долг делинквента «отрывается» от его личности, то даже смерть последнего не освободит от ответственности его наследников (которых, кстати сказать, мог защищать наследодатель от нападения пострадавших). Если же в рассматриваемой ситуации исходить из того, что «не должно иметь значение, успели ли потерпевшие предъявить и выиграть иск против делинквента к моменту его смерти»²², то это может привести к полной необоснованности долга и волюнтаризму так называемых потерпевших.

Схожая ситуация может иметь место и при возмещении морального вреда.

«Представим, — моделируют ситуацию А.Г. Карапетов и Е.Ю. Петров, — что в ходе разбирательства по уголовному делу скончался обвиняемый в совершении преступления, повлекшего инвалидность потерпевшего, у умершего имелись многочисленные ликвидные активы, в права на которые вступают наследники: неужели справедливо, что наследники получат данные активы и не будут обязаны выплатить возникшие до смерти его долги по возмещению морального вреда потерпевшему в результате преступного посягательства? Ответ очевиден. Любой иной ответ бесчеловечен»²³.

²⁰ «Известия»: в ГД хотят разрешить любую самооборону при незаконном проникновении в жилище. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13632273> (дата обращения: 26.07.2022).

²¹ Следует отметить, что само по себе нападение группы лиц с проникновением, например, на земельный участок обороняющегося ввергает последнего в стрессовое состояние, естественным образом сподвигая защищать себя и свою семью всеми имеющимися в его распоряжении способами. Иными словами, отбиваясь от нападающих, защищая свою жену и детей, защитник в подавляющем большинстве случаев в силу своего психоэмоционального состояния не может рационально оценить применяемые им способы защиты и пределы самообороны.

²² Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1410.

²³ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 1412.

Столь категоричная оценка опять же представляется небесспорной. Если предположить, что инвалидность потерпевшего возникла в результате необходимой обороны наследодателя, защищавшего себя и своих наследников первой очереди, а потерпевший действовал в составе организованной группы лиц (да даже если и один), то «иной ответ» отнюдь не является бесчеловечным. Более того, отсутствие превышения пределов необходимой обороны предполагает невозможность привлечения ни к уголовной (ст. 37 УК РФ), ни к гражданско-правовой (ст. 1066 ГК РФ) ответственности. Не стоит забывать и о презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ). Жизненные ситуации многообразны и не всегда однозначны. Не является идеальной и практика правоприменения (особенно в вопросах превышения пределов необходимой обороны). Причём не только в нашем, но и в иных правопорядках, ибо *errare humanum est*²⁴.

Иное дело машина. Искусственный интеллект (ИИ). Чёткий, беспристрастный²⁵ и, как считал Аллан Тьюринг, не ошибающийся механизм²⁶. Сможет ли он разрешить подобный судебный спор? Будут ли им учтены все нюансы и вышеуказанные спорные моменты, несомненно встречающиеся на практике?

Прежде чем попытаться найти ответы на поставленные вопросы, необходимо также определиться с терминами.

В доктрине содержится несколько определений ИИ. А.В. Незнамов указывает, что «в самом упрощенном виде система ИИ всегда является неким алгоритмом с присущим ему определенным уровнем „интеллектуальности“, сопоставляемым с действиями человека. При этом современная система ИИ (или „агент“ в терминологии С. Рассела и П. Норвига) нуждается в обучении для достижения корректного результата ее функционирования»²⁷.

И.В. Понкин и А.И. Редькина определяют ИИ так: «Искусственный интеллект — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (элек-

²⁴ Человеку свойственно ошибаться (лат.).

²⁵ Хотя, справедливости ради, отметим, что в отечественной, равно как и в зарубежной, литературе приводятся случаи алгоритмической предвзятости ИИ.

²⁶ Turing A.M. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59, no. 236. P. 448—449.

²⁷ Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14.

тронная, в том числе виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая:

- свойствами субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности;
- высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношение, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем;
- способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубоко самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омоложение себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омоложенные „языки“ (протоколы и способы) коммуницирования внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмбурирующие (конвенциально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе человеческий)»²⁸.

Редуцируя вышеизложенное, отметим, что под ИИ И.В. Понкин и А.И. Редькина понимают созданную человеком систему, способную к самообучению, принятию и реализации своих решений. По сути, рассматриваемый феномен

понимается ими как технологически воссозданный аналог человеческого интеллекта.

Ещё более объёмное и специфическое определение даёт в своей докторской диссертации П.М. Морхат. По его мнению, ИИ — это «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями:

- антропоморфно-разумных мыслительных и когнитивных действий (осуществления и демонстрации таких действий), таких как распознавание, понимание, интерпретация и генерирование образов, символьных систем и языков, рефлексия, рассуждение, моделирование, образное (смысло-порождающее и смысло-воспринимающее) мышление, обобщение, анализ и оценка информации;
- самореферентности, саморегулирования, самоограничения, самоадаптирования под изменяющиеся условия, автономного самоподдержания себя в гомеостазе;
- самостоятельного (автономного) сложного накопления информации и опыта;
- самостоятельного (автономного) осуществления генетического поиска (genetic algorithm) и обработки информации, то есть реализации эвристического алгоритма поиска с сохранением важных аспектов „родительской информации“ для „последующих поколений“ информации;
- обучения и самообучения (в том числе — на своих ошибках и своем опыте); самостоятельной разработки и самостоятельного применения алгоритмов самоомоложения;
- антропоморфно-разумного самостоятельного (автономного), в том числе — творческого, принятия решений, формулирования и решения задач и проблем, доказывания математических теорем;
- самостоятельной разработки тестов и алгоритмов под собственное тестирование, самостоятельного осуществления самотестирований и тестирований виртуальной (компьютерной) реальности;
- при заданной и обеспеченной возможности (способности) — сообщения (взаимодей-

²⁸ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 94—95.

ствия) с физической реальностью, восприятия воздействий (сигналов) на сенсорные входы (их аналоги) и реагирования на таковые сигналы, самостоятельного осуществления тестирований физической реальности»²⁹.

Критически анализируя данную и иные доктринальные дефиниции ИИ, И.Н. Спицин и И.Н. Тарасов отмечают, что их общей проблемой «является то, что данные определения являются неюридическими (техническими), т. е. сформулированными не в рамках правовой парадигмы, а в правилах, понятиях и категориях технических специалистов в этом вопросе.

Именно по этой причине данные определения не привносят ясности в осмысление природы и сущности искусственного интеллекта с точки зрения науки права. Аналогией было использовать определение электрической энергии, которое предлагают физики, а не осмыслять и рассматривать данное явление как товар, в соответствии со ст. 3 ФЗ „Об электроэнергетике“.

В приведенных определениях нет никакого отношения описываемого явления к праву, а следовательно, для права данное определение безразлично и не может служить основанием для последующих выводов или анализа»³⁰.

По меткому замечанию Ю.А. Цветкова, «ИИ — это имитация того, что программисты представляют себе как человеческий интеллект»³¹. Как отмечал пионер функционального программирования Джон Маккарти, «проблема заключается в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Вследствие чего под интеллектом в пределах этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире»³².

²⁹ Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 92—93.

³⁰ Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8. С. 104.

³¹ Цветков Ю.А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 102.

³² McCarthy J. What is artificial intelligence? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (accessed July 26, 2022).

Таким образом, можно констатировать, что в настоящий момент в правовой доктрине отсутствует конвенциональное единство по вопросу о том, что является собой ИИ. Аналогичной позиции придерживаются Ю.С. Харитонова и В.С. Савина³³.

Вместе с тем ГОСТ Р 43.0.5—2009 определяет ИИ как моделируемую (искусственно воспроизводимую) интеллектуальную деятельность мышления человека³⁴. Содержится определение ИИ и в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Там он определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»³⁵.

Наличие вышеуказанных определений ИИ в официальных документах сподвигает к постановке ряда вопросов. Пригодна ли данная система для правосудия? Сможет ли она заменить правопримениеля? Доступно ли ей осознание «духа законов» и возможность адекватного применения норм права? Окажутся ли подвластными ИИ нормы права, содержащие оценочные понятия (в том числе рассматриваемые выше обязательства, неразрывно связанные с личностью должника)? Можно ли в рассматриваемом случае доверить правоприменение не субъекту права?

³³ Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 524—549.

³⁴ ГОСТ Р 43.0.5—2009. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Процессы информационно-обменные в технической деятельности. Общие положения: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Ростехрегулирования от 15.12.2009 № 959-ст // СПС «КонсультантПлюс». См. п. 3.17.

³⁵ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СПС «КонсультантПлюс».

Доктринальное единство при поиске ответов на поставленные вопросы также отсутствует. Одни авторы полагают, что ИИ может применяться при отправлении правосудия (М.В. Соседова), другие, что нет (О.А. Сычева).

Одни исследователи полагают, что по некоторым категориям дел судебное правоприменение посредством ИИ допустимо. Так, «при поступлении надлежащим образом оформленного заявления о вынесении судебного приказа с приложенными к нему документами действия предсказуемы: будет вынесен приказ. При этом мировому судье нет необходимости проводить судебное разбирательство, вникать в суть заявленных требований, проверять достоверность их, предлагать участникам процесса раскрыть доказательства. Мировой судья проверяет: предусмотрено ли требование, изложенное в заявлении о вынесении судебного приказа, в ст. 122 ГК РФ, уплачена ли в полном объеме государственная пошлина, приложены ли необходимые документы к заявлению. Фактически судья при вынесении судебного приказа выполняет формально-техническую работу»³⁶. Следовательно, применение ИИ в разрешении дел данной категории ряд авторов считают допустимым.

Другие, напротив, отрицательно относятся к самой возможности делегирования ИИ отправления правосудия даже по делам о выдаче судебного приказа. «Основная проблема здесь не в технологии, а в содержании судебного правоприменения, которое даже в бесспорных производствах требует не только совершения формализованных действий, но и смыслообразования при работе с оценочными категориями (даже при вынесении судебного приказа судья в пределах своего усмотрения квалифицирует правоотношение как бесспорное, оценивает письменные доказательства по собственному внутреннему убеждению, поскольку в судебном процессе реализован принцип свободной, а не формальной оценки доказательств)»³⁷.

Полагаем, что правоприменение посредством ИИ если и возможно, то только в тех случаях, когда имеет место исключительно, если так

³⁶ Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 37.

³⁷ Спицин И.Н., Тарасов И.Н. Разрешение споров с использованием технологий искусственного интеллекта на интернет-площадках (Amazon.com, eBay и др.) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 45—46.

можно выразиться, механическая реализация норм права (например, штраф за нарушение скоростного режима). Иное дело — судебное правоприменение. Разрешение дел, связанных с оценочными понятиями, в том числе с обязательствами, неразрывно связанными с личностью должника, едва ли подвластно ИИ. «Периодическое отступление норм права от законов формальной логики, — отмечает А.А. Иванов, — одна из лежащих на поверхности причин, которые препятствуют машинизации права... Многозначность терминологии — свойство права, отражение противоречивой жизни. В нем, как ни где, много случаев, когда вы не видите суслика, а он есть!»³⁸

Правоприменение норм с оценочными понятиями — задача не из лёгких. Оценочные понятия неизбежно связаны с судебской дискрецией. Усмотрением суда. «Усмотрение суть продукт и часть механизма судебской деятельности. Действуя в рамках предоставленных полномочий, судья делает выбор между несколькими законными вариантами разрешения дела. Данный выбор — результат деятельности суда и одновременно важнейшая составляющая отправления правосудия. Судья реализует дискрецию в случаях, когда законодатель предусматривает возможность ее осуществления в соответствующих нормах права (прежде всего оценочных понятиях). Применяя норму с оценочным понятием, суд конкретизирует ее содержание применительно к рассматриваемому казусу. Подобно врачу, столкнувшемуся со сложной клинической картиной заболевания и делающему выбор из нескольких вариантов лечения, судья выбирает из нескольких альтернатив разрешения спора»³⁹. Вряд ли, применяя норму с оценочным понятием, ИИ сможет конкретизировать её содержание. Как пишут С.Б. Поляков, И.А. Гилев, ИИ не способен «самостоятельно извлекать из материалов решаемого дела совокупность фактических обстоятельств дела, которые должны быть оценены во взаимоотношении на соответствие абстрактному понятию нормы права»⁴⁰. Если же гипотетически допустить возможность этого (а это, по нашему мнению, едва ли возможно), то неизбежно возникает онтологический аспект проблемы. Допустима ли

³⁸ Иванов А.А. О глубине машинизации права // Закон. 2018. № 5. С. 37.

³⁹ Фиошин А.В. О судебской дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4. С. 252.

«машинная» конкретизация нормы человеческого законодательства? Согласно ли человечество с тем, что содержание отдельных норм права будет в некотором смысле определяться ИИ? Отрицательный ответ представляется очевидным.

Особые сложности могут иметь место при противоречивости и неполноте действующего права. «Робот-судья при отсутствии подлежащей применению нормы и сходстве правоотношений сможет обратиться к аналогии права или закона, но судейским усмотрением это не станет, а будет лишь определенной логической операцией сложного программного механизма. Искусственному интеллекту недоступны правосознание, чувство ответственности, самоанализ, моральный самоконтроль, самосуд. Невозможно заранее создать алгоритм для разрешения каждой судебной ситуации, решения всех процессуальных задач. Иное сведет на нет институты презумпции невиновности и презумпции добросовестности, сделает предрешенной нередкую для судей-практиков ситуацию конкуренции заключений судебной и внесудебной, а также нескольких судебных экспертиз, а также полностью нивелирует понятие справедливости в судопроизводстве»⁴¹. Маловероятным мыслится и постижение ИИ категории шиканы.

Думается, что неподвластными ИИ являются и такие оценочные понятия обязательственного права, как «разумная степень достоверности» и «принцип справедливости», содержащиеся в п. 5 ст. 393 ГК РФ. Согласно данному законоположению, «размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности». При невозможности этого «размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства». В самом деле, из чего будет исходить ИИ, определяя степень разумности убытков или их справедливость? Возможен ли вообще при правоприменении алгоритм оценки разумности и справедливости (сугубо человеческих понятий) не человеком? Полагаем, что вышеизложенная аргументация относительно невозможности применения норм права (особенно содержащих оце-

⁴⁰ Поляков С.Б., Гилев И.А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 480.

⁴¹ Сычева О.А. Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. 2019. № 8. С. 17.

ночные понятия) посредством ИИ уместна и в данном случае.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что использование ИИ при правоприменении норм, связанных с обязательством, неразрывно связанным с личностью должника, равно как и иных оценочных понятий обязательственного (и не только) права, едва ли возможно. Обусловлено это не только периодическим отступлением правовых норм от законов формальной логики, но и особенностями самой конструкции оценочного понятия. Данный элемент правопорядка практически любой страны мира предполагает конкретизацию содержания нормы права в процессе её применения. Думается, что данная операция не под силу ИИ. При гипотетическом допущении этого внедрение данной практики также представляется маловероятным по причине несогласия с «машинной» конкретизацией норм человеческого законодательства.

Список литературы

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву: монография. М.: Юриздат, 1940. 192 с.
2. Вавилин Е.В. Самозащита гражданских прав // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 5—7.
3. Иванов А.А. О глубине машинизации права // Закон. 2018. № 5. С. 35—41.
4. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права»: монография. 4-е изд. М.: Статут, 2020. 782 с.
5. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307—328 и 407—419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1494 с.
6. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. 224 с.
7. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность: монография. М.: Статут, 2010. 423 с.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право: монография. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2021. 846 с.
9. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

10. Незнамов А.В. К вопросу о применении технологий искусственного интеллекта в правосудии: терминологический аспект // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 10. С. 14–18.
11. Поляков С.Б., Гилев И.А. Предметная область информатизации судебных решений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 3. С. 462–487. doi: 10.17072/1995-4190-2021-53-462-487.
12. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109. doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
13. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 32–37. doi: 10.18572/1812-383X-2020-5-32-37.
14. Спицин И.Н., Таракасов И.Н. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия: теоретические аспекты правовой регламентации (постановка проблемы) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 8. С. 96–107. doi: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107.
15. Спицин И.Н., Таракасов И.Н. Разрешение споров с использованием технологии искусственного интеллекта на интернет-площадках (Amazon.com, eBay и др.) // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 45–46. doi: 10.18572/1812-383X-2021-8-45-46.
16. Сычева О.А. Здравый смысл в судебном доказывании // Российский судья. 2019. № 8. С. 15–20.
17. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. 943 с.
18. Фиошин А.В. О судейской дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9, № 4. С. 250–264. doi: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-250-264.
19. Фиошин А.В. Основы учения об оценочных понятиях наследственного и семейного права: монография. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2020. 117 с.
20. Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 524–549. doi: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549.
21. Цветков Ю.А. Искусственный интеллект в правосудии // Закон. 2021. № 4. С. 91–107.
22. Henderson W. From big law to lean law // International Review of Law and Economics. 2014. Vol. 38, supplement. P. 5–16. doi: 10.1016/j.irle.2013.06.001.
23. McCarthy J. What is artificial intelligence? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (accessed July 26, 2022).
24. Turing A.M. Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59, no. 236. P. 433–460.

References

- Agarkov, M.M. (1940) *Objazatel'stvo po sovetskому grazhdanskому pravu* [Obligation under Soviet civil law]. Moscow, Jurizdat, 192 p. (In Russ.).
- Vavilin, E.V. (2012) *Samozashhita grazhdanskih prav* [Self-defense of civil rights]. *Rossijskaja justicia*, no. 1, pp. 5–7. (In Russ.).
- Ivanov, A.A. (2018) *O glubine mashinizacii prava* [Penetration of mechanisation in law]. *Zakon*, no. 5, pp. 35–41. (In Russ.).
- Ioffe, O.S. (2020) *Izbrannye trudy po grazhdanskому pravu: Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii "hozajstvennogo prava"* [Selected works on civil law. From the history of civil thought. Civil legal relationship. Criticism of the theory of "economic law"]. 4th ed. Moscow, Statut, 782 p. (In Russ.).
- Karapetov, A.G. (ed.) (2022) *Ispolnenie i prekrashhenie objazatel'stva: kommentarij k stat'jam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Fulfillment and termination of the obligation: commentary on Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos, 1494 p. (In Russ.).
- Komissarova, Ya.V. (ed.) (2016) *Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti* [Criminalistic study of personality]. Scientific and practical guide for masters. Moscow, Prospekt, 224 p. (In Russ.).
- Luk'janenko, M.F. (2010) *Ocenochnye ponjatija grazhdanskogo prava: razumnost', dobrosostnost', sushhestvennost'* [Evaluative concepts of civil law: reasonableness, conscientiousness, and materiality]. Moscow, Statut, 423 p. (In Russ.).
- Meyer, D.I. (2021) *Russkoe grazhdanskoе pravo* [Russian civil law]. 4th ed. Moscow, Statut, 846 p. (In Russ.).
- Morkhat, P.M. (2018) *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noj sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy* [The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law:

- civil law problems]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 420 p. (In Russ.).
10. Neznamov, A.V. (2019) K voprosu o primeñenii tehnologij iskusstvennogo intellekta v pravosudii: terminologicheskij aspekt [On application of artificial intelligence technologies in justice: a terminological aspect]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, no. 10, pp. 14–18. (In Russ.).
11. Polyakov, S.B. & Gilev, I.A. (2021) Predmetnaja oblast' informatizacii sudebnyh reshenij [The subject area of informatization of court decisions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, no. 3, pp. 462–487. (In Russ.). doi: 10.17072/1995-4190-2021-53-462-487.
12. Ponkin, I.V. & Redkina, A.I. (2018) Iskusstvennyj intellekt s tochki zrenija prava [Artificial intelligence from the point of view of law]. *RUDN Journal of Law*, vol. 22, no. 1, pp. 91–109. (In Russ.). doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-91-109.
13. Sosedova, M.V. (2020) Vozmozhnost' primenenija iskusstvennogo intellekta pri rassmotrenii otdel'nyh grazhdanskih del: predskazannoe pravosudie [The possibility for the application of artificial intelligence in the review of some civil cases: predicted justice]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, no. 5, pp. 32–37. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-383X-2020-5-32-37.
14. Spitsin, I.N. & Tarasov, I.N. (2020) Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri otpravlenii pravosudija: teoretycheskie aspekty pravovoj reglamentacii (postanovka problemy) [Artificial intelligence in the administration of justice: theoretical aspects of the legal regulation (articulation of the issue)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*, vol. 15, no. 8, pp. 96–107. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.096-107.
15. Spitsin, I.N. & Tarasov, I.N. (2021) Razreshenie sporov s ispol'zovaniem tehnologii iskusstvennogo intellekta na internet-ploshchadkah (Amazon.com, eBay i dr.) [Resolution of disputes at Internet sites (Amazon.com, eBay, etc.) using the artificial intelligence technology]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*, no. 8, pp. 45–46. (In Russ.). doi: 10.18572/1812-383X-2021-8-45-46.
16. Sycheva, O.A. (2019) Zdravyj smysl v sudebnom dokazyvanii [Common sense in court evidence]. *Rossijskij sud'ja*, no. 8, pp. 15–20. (In Russ.).
17. Sundurov, F.R. & Talan, M.V. (eds.) (2012) Ugovornoe pravo Rossii. Osobennaja chast' [Criminal law of Russia. Special part]. Textbook. Moscow, Statut, 943 p. (In Russ.).
18. Fioshin, A.V. (2019) O sudejskoj diskrecii pri rassmotrenii del, sviazannyh s ocenochnymi ponjatijami nasledstvennogo i semejnogo prava [On judicial discretion in consideration of cases related to evaluation concepts of inheritance and family law]. *Vestnik grazhdanskogo processa*, vol. 9, no. 4, pp. 250–264. (In Russ.). doi: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-250-264.
19. Fioshin, A.V. (2020) Osnovy uchenija ob ocenochnyh ponjatijah nasledstvennogo i semejnogo prava [Fundamentals of the doctrine of evaluative concepts of inheritance and family law]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 117 p. (In Russ.).
20. Kharitonova, Yu.S. & Savina, V.S. (2020) Tehnologija iskusstvennogo intellekta i pravo: vyzovy sovremennosti [Artificial intelligence technology and law: challenges of our time]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki*, no. 3, pp. 524–549. (In Russ.). doi: 10.17072/1995-4190-2020-49-524-549.
21. Tsvetkov, Yu.A. (2021) Iskusstvennyj intellekt v pravosudii [Artificial intelligence in justice]. *Zakon*, no. 4, pp. 91–107. (In Russ.).
22. Henderson, W. (2014) From big law to lean law. *International Review of Law and Economics*, vol. 38, supplement, pp. 5–16. doi: 10.1016/j.irle.2013.06.001.
23. McCarthy, J. (2007) What Is Artificial Intelligence? URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai/whatisai.pdf> (accessed July 26, 2022).
24. Turing, A.M. (1950) Computing machinery and intelligence. *Mind*, vol. 59, no. 236, pp. 433–460.

Информация об авторе

А.В. Фиошин – доцент кафедры гражданского права Российской государственной университета правосудия, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Fioshin – Associate Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 61–68.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 61–68.

УДК 343.35
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.005

NIION: 2015-0065-03/22-058
MOSURED: 77/27-010-2022-03-257

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

К вопросу об особенностях номенклатурной коррупции

Григорий Всеволодович Антонов-Романовский, Дмитрий Константинович Чирков¹,
Виталий Сергеевич Кашин²

¹Российский государственный университет туризма и сервиса, пос. Черкизово, Городской округ Пушкинский, Московская область, Россия

²в/ч 2351, kashin577@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрыт социальный механизм поражения коррупцией номенклатурной общности советского государственного аппарата. Показано искажение коррумпированной номенклатурной общностью хода реформ уже с началом перестройки. Коррумпированная часть номенклатурной общности первой извлекла реальную выгоду из начинавшихся преобразований. В ее интересах была изменена уголовная политика. Борьба с коррупцией в партийно-хозяйственном аппарате была свернута. На основе этой части исследования показана реальная возможность разрастания системной коррупции в современном российском аппарате государственного управления до масштабов, позволяющих ей влиять на внутреннюю политику государства.

Ключевые слова: номенклатура, коррупция, общность, взяточничество, хищение, власть, системная коррупция, коррупционное сообщество, партийно-хозяйственный аппарат, реформирование государственного устройства.

Для цитирования: Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К., Кашин В.С. К вопросу об особенностях номенклатурной коррупции// Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 61—68. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.005.

On the features of nomenclature corruption

Grigory V. Antonov-Romanovsky, Dmitry K. Chirkov¹, Vitaly S. Kashin²

¹Russian State University of Tourism and Service, Cherkizovo, Urban District Pushkinsky, Moscow Region, Russia

²kashin577@yandex.ru

Abstract. The article reveals the social mechanism of defeat by corruption of the nomenclature community of the Soviet state apparatus. It shows the distortion of the course of reforms by the corrupt nomenclature already with the beginning of perestroika. The corrupt part of the nomenclature community was the first to benefit from the beginning of the reforms. In her interests, the criminal policy was changed. The fight against corruption in the party and economic apparatus was curtailed. Based on this part of the study, the article shows the real possibility of the growth of systemic corruption in the modern Russian public administration apparatus.

Keywords: nomenclature, corruption, community, bribery, theft, power, systemic corruption, corruption community, party and economic apparatus, reforming the state system

For citation: Antonov-Romanovsky, G.V., Chirkov, D.K. & Kashin, V.S. (2022) On the features of nomenclature corruption. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 61–68. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.005.

Введение

Системная коррупция во властных структурах не только создает угрозу существованию государства, ослабляет его управленческие воз-

можности, она искажает характер реформ государственного управления с начального этапа их проведения. Выраженность ее искажающего влияния определяется степенью включенности пораженной коррупцией номенклатурной общности в процесс реформирования государственного устройства.

© Антонов-Романовский Г.В., Чирков Д.К., Кашин В.С., 2022

Более того, распределившись в элитных слоях общества после ухода породившей ее коммунистической партии с политической сцены, номенклатура в лице составлявших ее чиновников влилась во властные и политические структуры нового государства. Номенклатура в их лице внесла в государственный аппарат России коррупционные навыки злоупотребления полномочиями и коррупционную психологию в общность чиновников этого госаппарата.

В современном государственном аппарате кроются присущие ему причины возникновения системной коррупции. Коррупционный опыт советской номенклатуры лишь один из ее фактов. Но это важный фактор преемственности коррупции через включение в новый госаппарат управленческих кадров отмершего государства.

На основе системной коррупции во властных структурах российского государства сформировалось коррупционное сообщество. Но оно не представляет собой номенклатурную общность. В настоящее время отсутствует ряд условий формирования именно номенклатуры. Главное — нет партийной монополии на кадровое наполнение государственного аппарата. В то же время коррумпированное сообщество чиновничества не заинтересовано в возврате к советской номенклатурной системе подбора и расстановки кадров государственного управления. Для него введение запрета на частную собственность и ограничительного распределения социальных благ смерти подобно, а это — важные условия существования номенклатуры.

Наиболее приемлемой для коррупционеров во власти является эволюция в новую замкнутую общность, монополизирующую власть и передающую ее по наследству следующим поколениям. В этом качестве она будет иметь сходство с властной общностью царизма — дворянством с присущей этой форме властевования коррупцией. Номенклатура при этом играет роль транслятора от ушедших форм её построения к будущим формам.

Основная часть

Научный анализ проблемы строится на теоретическом осмыслении материалов изучения преступности в СССР советскими учеными начиная с 20—30-х гг. прошлого века. Проблема коррупции в их интерпретации до 40-х гг. рассматривалась как борьба с растратами и взяточничеством.

Первым, основным направлением исследований Государственного института преступности и преступника (создан в 1925 г., но уже в 1931 г.

перепрофилирован с изучения преступности на разработку уголовной и исправительно-трудовой политики) была проблема борьбы с растратами¹. Опубликованные материалы этих исследований указывают на крайнюю социальную напряженность, создаваемую в стране коррупцией. Всеобщая злободневная проблема тех лет — борьба с убийствами и чиновничьим притеснением рабселькоров порождена стремлением коррумпированного чиновничества избавиться от народного контроля любыми способами².

Непосредственное участие одного из авторов в проведении криминологических исследований должностной и иной сопряженной с коррупцией преступности с 1967 г. в ведущем секторе № 1 Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (создан в 1963 г.), а затем до 2015 г. в ведущем криминологическом отделе менявшегося названия института — позволило сформулировать положения о механизме возникновения, существования, отмирания номенклатурной коррупции и ее влияния на современную системную коррупцию во власти³.

¹ Криминология. Общая часть: учебник / под. общ. ред. О.С. Капинус. М., 2016. С. 81—83; Ширвиндт Е. О проблемах преступности (цели и задачи Государственного Института) // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 3—13; Спасокукоцкий Н. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. Вып. 2. М.; Л., 1927. С. 233—234.

² Войчак А. Итоги работы с крестьянскими письмами // Административный вестник. 1928. № 3. С. 50—51; Клокотин В. Решения 15 съезда партии и административная работа // Административный вестник. 1928. № 1. С. 1—4; Советская юстиция. 1925. 10 марта (№ 10). Передовая без назв. и авт. С. 1—9.

³ Всё о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / под общ. ред. И.И. Бикеева, П.А. Кабанова; Ин-т экономики, управления и права. Казань, 2014; Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. М., 2016; Кабанов П.А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее порядок обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2. С. 4—14; Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: монография. М., 2022; Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / под общ. ред. П.А. Кабанова.

Особое место в работе занимает анализ статистических данных о выявленных фактах взяточничества и хищений социалистического имущества в крупном и особо крупном размере в РСФСР и Москве в 1980—1988 гг. Это годы перелома в руководстве КПСС. В 1987—1988 гг. реальная власть в государстве перешла от консерваторов (лидеры Е. Лигачев и М. Соломенцев) к реформаторам (лидер М. Горбачев). Это привело к свертыванию борьбы с указанными коррупционными преступлениями уголовно-правовыми средствами. Ограничение периода статистического анализа указанными годами вынужденное. Удалось уберечь от тотального уничтожения материалов криминологических исследований советского времени в институте только альбомы с данными о преступности за 1980—1988 гг.

Особенностью работы является сосредоточение внимания на глубинных механизмах возникновения коррупции в номенклатурной обществе и политических последствиях влияния ее коррумпированности на судьбу реформ российского общества в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого века. Литературы, в которой поднимаемые в статье проблемы рассматривались бы в том же аналитическом ключе, нет. Это не умаляет научного достоинства литературы по проблеме коррупции во власти. Работа лишь дополняет ее новым аспектом рассмотрения.

Противоречия между сказанным в работе и литературой по указанной проблеме нет.

Сейчас не выясняется суть соотношения между сказанным в статье и уже наработанным знанием о коррупции в органах государственной власти. Рассмотрение этого соотношения — вопрос будущего. Тогда станет настоящей задача подготовки обзора литературы, соотнесения данной работы с публикациями по проблеме коррупции в органах государственной власти.

В 80-е гг. прошлого века реформистское крыло руководства КПСС выражало интересы коррумпированной партийно-хозяйственной номенклатуры. Ей необходимо было избавиться от запрета на обогащение. Сделать это мож-

М., 2008; Коррупция и антикоррупционная политика: терминологический словарь / под общ. ред. Г.И. Райкова, П.А. Кабанова, Д.К. Чиркова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2010; Коррупция и борьба с ней: краткий терминологический словарь / [Кабанов П.А. и др.]. Казань: Республикаанская межведомственная комиссия по экономическим и социальным реформам Республики Татарстан [и др.], 2004.

но было только устранением идеологических доктрин, лежащих в основе внутренней политики, проводимой КПСС. Она монополизировала государственную власть. Коммунистическое государственное управление базировалось на коллективном владении партией собственностью и иерархизированной, ограничительной распределительной системе обеспечения потребностей номенклатуры и всех иных членов общества.

Был наложен запрет на частную собственность и личные сбережения и расходы, не соответствующие доходам от законной деятельности. К 80-м годам прошлого века возникла кризисная ситуация в государственном управлении, стала настоятельной потребность в демократизации всех сфер жизни общества. В руководстве КПСС обозначилось противостояние между консервативным его крылом и реформаторским. Консерваторы стремились сохранить монополию КПСС на власть, реформаторы стояли на позициях демократизации жизни общества. Это неизбежно вело к краху КПСС. Реформаторское крыло руководства КПСС оказалось на деле выразителем интересов коррумпированной части номенклатурной общественности. Демократические реформы ей были нужны только для разрушения КПСС, ликвидации запрета на обогащение. Но коррумпированная номенклатура не хотела расставаться с монополией на власть: власть открывала в новых условиях путь к овладению собственностью, к обогащению.

Анализ статистических данных о динамике выявления взяточничества и хищений социалистической собственности в крупном и особо крупном размере выяснил изменения в уголовной политике, связанные с переходом государственной власти в руководстве КПСС от консерваторов к реформаторам. В 1987—1988 гг. была свернута борьба с коррупцией в административном и хозяйственном активе партии. Этот актив — номенклатурная общественность. Разворот на 180 градусов в уголовной политике отразил факт выражения реформаторами в руководстве КПСС интересов номенклатурных коррупционеров.

Современная системная коррупция во властных структурах отличается от номенклатурной советского времени. Нет сейчас номенклатурной общественности советского типа. Современная коррумпированная бюрократия не заинтересована в возврате к советскому способу властowania, он означает для нее утрату возможности владения частной собственностью и легального обогащения. Но идет процесс формирования замкнутой общественности должностных лиц, обладающих властными полномочиями. Советский

опыт опоры власти на номенклатуру показал, что, коррумпировавшись, номенклатурная общность стала могильщиком советского способа государственного управления. Возникновение в наше время обособленной общности управляемцев, деятельность которых протекает в режиме корпоративного самоконтроля, превращает коррупцию в негласный, но ведущий механизм их работы. Это неминуемо гасит способность государственной власти обеспечивать эффективное развитие всех сфер жизнедеятельности нашего общества.

Номенклатура и номенклатурная общность. Возникновение и функционирование. Понятием «номенклатура» обозначается специфический способ кадрового наполнения коммунистической партией аппарата государственно-го управления. Партийные органы различного уровня наделяются исключительным правом и обязанностью давать разрешение на занятие должностей лицам, в политической лояльности которых они удостоверились. Номенклатура — это перечень должностей, находящихся в ведении партийного органа определенного уровня (райкома, горкома, обкома, крайкома, республиканского ЦК и ЦК КПСС). Лица, назначенные на номенклатурную должность, приобретали особый статус — статус номенклатурного работника. Их дальнейшая должностная судьба протекала под партийным надзором и опекой. Они входили в круг номенклатурных работников, который являлся кадровым резервом партии, состоящим из уже проверенных ею должностных лиц. Кадровая политика партии строилась на принципе ротации номенклатурных работников. Пополнение круга номенклатурных работников и их отсев осуществлялись партийными органами. Принцип сбережения кадров был основным при решении должностной судьбы номенклатурного работника.

Круг номенклатурных должностных лиц представляет номенклатурную общность, которая образуется в силу замкнутости и особого социального статуса.

Партийный механизм номенклатурного способа замещения должностей сложился в СССР в конце 20-х — начале 30-х гг. прошлого века. Внутренняя политика коммунистической партии реализовывалась руками номенклатурной общности, которая воплощала в жизнь монополию коммунистической партии на власть.

Возникновение номенклатурной коррупции. Возникновение номенклатурной коррупции определено феодальным по способу формирования власти характером большевистского переворота

1917 г. Новация состояла в замене монополии на власть дворянского сословия монополизацией власти большевистским партийным аппаратом. Наследственный характер вхождения во властвующее сословие (дворянство) был заменен ротационно-партийным механизмом формирования замкнутойластной общности — административно-хозяйственной номенклатурой.

Попытка создать в России демократический механизм формирования власти весной — летом 1917 г. не удалась. Она никак не отразилась на большевистских реформах, разве только укрепила большевиков в желании задушить ростки буржуазной демократии.

Основным политико-экономическим постулатом большевистской коммунистической идеологии был принцип ликвидации частной собственности и передачи собственности в коллективное владение народу. Однако в реальности это вылилось в коллективную собственность партийно-хозяйственной номенклатуры. Собственность в жизни общества — это владение, пользование, распоряжение имуществом. Это не эфемерное маяковское: «Улица — моя. Дома — мои». Функции владения, пользования, распоряжения были сосредоточены в руках номенклатуры.

Указанная идеологическая догма заложила социальную бомбу под номенклатурный способ реализации властных полномочий. Она лишила номенклатуру как коллектива собственника возможности легального личного обогащения за счет распоряжения этой собственностью. С одной стороны, номенклатура за счет коррупционных связей получила широкий доступ к обогащению, с другой — был установлен жесткий контроль законности доходов и размеров личного имущества всех граждан, в том числе партийных и хозяйственных функционеров по всей номенклатурной иерархии вплоть до генерального секретариата КПСС. Ограничительно-распределительный механизм владения личной собственностью исключал возможность легализации коррупционных доходов. Можно было жить на «нетрудовые доходы», но объявить себя богачом означало бы немедленный конец владению чем-либо значимым. Расправа была бы скорой и безжалостной.

Коррупционная часть номенклатурной общности была ограничена в возможности обогащения. Возможности обогащения были колоссальные, а реализовывались они по минимуму. К тому же всегда давил психологический груз ответственности за нелегальное обогащение. Реальный размер коррупционной ренты был принципиально меньше ее возможного уровня.

В партийном руководстве исподволь формировалось два крыла с различными устремлениями. Одно из них — идеологическое, консервативное. Оно стремилось строго поддерживать соблюдение идеологических догм, в том числе запрета на частную собственность, личное обогащение и жизнь не по средствам. Другое — pragmatическое, реформаторское. Оно было за отказ от этих догм. Ни то, ни другое крыло не создавало каких-либо внутрипартийных неформальных структур. Консервативно настроенная часть партийного актива стремилась неукоснительно следовать в государственном управлении идеологическим догмам, в нашем случае ограничительно-распределительному порядку обеспечения личных потребностей. Реформистское крыло искало способы освобождения от пут ограничительного способа распределения социальных благ.

Приход к руководству КПСС Л.И. Брежнева знаменовал резкое возрастание реформистского крыла в партхозактиве, его влияния на жизнь КПСС и государственное управление. Коррумпированная часть номенклатурной общности стала важнейшей движущей силой реформистского направления в общественной и политической жизни страны. Но оно приспособило реформистское движение под решение своей задачи — освобождения от «цепей» коллективной собственности. Для этого нужно было развалить КПСС и обеспечить свободу частной собственности. Но коррумпированная номенклатура не желала расставаться с монополией на власть: обладание властью создавало ей возможность обогащения.

Революционная ситуация конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века разрешилась в России победой демократических сил. Но на плечах демократии во власть въехала коррумпированная номенклатура.

Анализ статистических данных о динамике по РСФСР в целом и по Москве выявления фактов взяточничества и совершения хищений в крупном и особо крупном размере за период 1980—1988 гг. указывает на то, что первыми бенефициарами (благоприобретателями) победы реформистского крыла КПСС над консервативным оказались представители коррумпированной части административной и хозяйственной номенклатуры. Именно они являются основными фигурантами уголовных дел о взяточничестве и крупных хищениях социалистической собственности.

В период краткого (1982—1984 гг.) пребывания на посту генерального секретаря КПСС

Ю.В. Андропова, а затем еще более краткого срока (1984—1985 гг.) К.У. Черненко в стране развернулась жесткая борьба со взяточничеством и хищениями социалистической собственности в крупном и особо крупном размере. Эту линию в руководстве КПСС продолжали до 1986 г. представители ее консервативного крыла. Его по факту возглавляли Е. Лигачев и М. Соломенцев.

Статистический анализ сделан в коэффициентах зарегистрированных преступлений, приходящихся на 100 тысяч человек населения.

По РСФСР коэффициент выявления взяточничества увеличился с 2,4 в 1980 г. до 4,6 в 1986 г., почти удвоился (+91,7 %). В среднем за год он возрастал на 15,3 %. В Москве коэффициент взяточничества был выше среднероссийского и рос более высокими темпами. В 1980 г. он составил 3,1, а в 1986 г. уже 7,2. Рост выразился в 132,3 %, а среднегодовой — в 22,1 %. Аналогичным образом выглядит динамика коэффициента по хищению в крупном и особо крупном размере. По РСФСР он возрос с 1980 г. по 1986 г. с 2,0 до 4,2, т. е. на 110 %, а в Москве — с 2,0 до 3,6, или на 80,0 %.

После фактического перехода всей полноты власти в руки М. Горбачева и его реформистского окружения уголовно-правовое преследование коррумпированной номенклатуры было свернуто. Об этом свидетельствует динамика анализируемых показателей.

В течение двух лет, 1987 и 1988 гг., коэффициент взяточничества снизился по РСФСР с 4,6 (1986 г.) до 1,7 (1988 г.), или на 63 %. Среднегодовой темп снижения составил 31,5 %. Уровень коэффициента в 1988 г. оказался ниже уровня 1980 г. (2,4) почти на треть, а именно на 29,2 %. В Москве ликвидация борьбы со взяточничеством шла еще более решительно. По сравнению с 1986 г. коэффициент взяточничества скокнул в 1988 г. в семь раз (!), с 7,2 до 1,1, т. е. сократился на 84,7 %. Он оказался в три раза меньше, чем в 1980 г. (3,1).

Следует обратить внимание на связь изменения динамики взяточничества по Москве с приходом на должность первого секретаря горкома КПСС Б.Н. Ельцина в декабре 1985 г. В 1985 г. продолжалось проведение линии консервативной части руководства КПСС по ужесточению борьбы со взяточничеством. В Москве она велась в пять раз активнее, чем в целом по РСФСР. В Москве этот коэффициент за год возрос сразу на 54,3 %, с 4,6 в 1984 г. до 7,1 в 1985 г. В целом по РСФСР он увеличился за 1985 г. на 12,2 %, достигнув уровня в 4,6. В Москве он оказался в полтора раза выше сред-

нероссийского, на 54,3 %. Но далее начинаются метаморфозы.

В Москве в 1986 г. при Б.Н. Ельцине коэффициент взяточничества замер на месте, подрос всего на 1,4 %, с 7,1 до 7,2. Но на остальной территории РСФСР борьба со взяточничеством еще не угасла. Темп годового прироста коэффициента по Российской Федерации в 1986 г. (+12,2 %) оказался даже выше, чем был в 1985 г. (+10,8 %). В 1987—1988 гг. в Москве самым решительным образом свернули борьбу со взяточничеством. Этот процесс шел интенсивнее, чем в целом по РСФСР. По Москве коэффициент взяточничества (1,1) оказался в 1988 г. на третью (35,3 %) меньше, чем в целом по РСФСР (1,7).

Точно так же сокращался коэффициент выявленных фактов хищения в крупном и особо крупном размере по РСФСР и Москве, хотя и не столь высокими темпами, как взяточничества. По РСФСР он составил в 1988 г. — 2,3. Это на 45,2 % ниже, чем в 1986 г. (4,2). В Москве он снизился в 1988 г. до 2,1. Это ниже уровня 1986 г. (3,4) на 28,2 %.

Указанное изменение уголовной политики в области противодействия коррупционной преступности отражает покровительственный подход взявших власть в свои руки партийных реформаторов к построению отношений с коррумпированной номенклатурой. Эта номенклатура — главный их политико-экономический ресурс и союзник в развале КПСС.

Лидеры перестройки опирались в развале советской системы государственного управления на коррумпированную номенклатуру. Демократический характер реформ был подорван в угоду удовлетворению потребности коррумпированной номенклатуры в захвате путем приватизации объектов так называемой социалистической собственности. Советский социальный механизм воспроизведения номенклатуры был разрушен.

Превращение удовлетворения интересов коррумпированной номенклатуры в неафишируемую задачу реформ исказило их демократическую направленность. Не получили в ходе реформ должного развития демократические формы контроля за становлением института частной собственности. Социальный механизм воспроизведения номенклатурной общности был разрушен устранением КПСС от власти в 1991—1993 гг. Но коррумпированная ее часть уже не нуждалась в нем, она влилась в первые ряды приватизаторов общепартийной собственности, именуемой социалистической, всенародной.

Опора в проведении реформ на коррумпированную часть номенклатуры привела к тому, что ее представители осели в новом государственном аппарате России. Он получил «прививку» коррупционной психологии.

Социальный механизм воспроизведения номенклатурной общности советского типа сломлен и не имеет в современном российском государстве базы для воссоздания. Это не означает отсутствия иных социальных механизмов формирования и воспроизведения системной коррупции в государственном управлении России. Они есть, воспроизводят системную коррупцию, но не номенклатурную коррупцию советского типа.

Особая опасность советской номенклатурной коррупции связана с тем, что она поразила замкнутую, несущую властные исполнительские функции общность управляемцев.

Возрождение номенклатурной общности возможно следующих условиях:

1) при монополизации власти политическим субъектом (партией, легализовавшимся с захватом власти тайным обществом, sectой и т. п.);

2) установлении этим политическим субъектом идеологического критерия подбора кадров государственного управления во всех областях жизни общества, являющегося более важным, чем профессиональный критерий;

3) установлении режима самоконтроля общности государственных управляемцев за деятельность должностных лиц, обладающих властными полномочиями, т. е. особого порядка выявления совершенных ими правонарушений, привлечения их к ответственности и особого характера воздействия;

4) отделении чиновников государственного аппарата и руководства властвующего политического субъекта от частной собственности;

5) создании иерархизированной ограничительной распределительной системы обеспечения жизнедеятельности чиновничества и руководства политического субъекта.

Главным фактором появления и разрастания в номенклатурной общности системной коррупции является искажение режима контроля за деятельностью должностных лиц, обладающих властными полномочиями. Возможности его искажения определены в первую очередь фактическим нахождением номенклатуры на самоконтроле.

Современная бюрократия не является номенклатурой, так как условия, в которых она существует, не соответствуют перечисленным критериям возникновения номенклатурной общности. Бюрократия нашего общества уже почув-

ствовала вкус к частной собственности и не может желать воссоздания ограничительной распределительной системы жизнеобеспечения. Реприватизация означает для нее утрату возможности неограниченного обогащения.

Наиболее приемлемый для российской бюрократии путь ее эволюции представляет формирование привилегированной общности управляемцев на принципе родства. Это будет означать возникновение замкнутой общности наподобие дворянства, дворянство нового типа. Такой способ кадрового воспроизведения властвующей общности должен будет получить правовой статус. Неминуемо это приведет к возникновению института верховного правителя. Стабильность эта система властовования может приобрести только при династической форме воспроизведения верховной власти. Только она может приглушить борьбу за верховную власть во властвующей общности, внести порядок в передачу верховной власти.

Заключение

Выдвинутые на основе историко-логического анализа положения о природе номенклатурной коррупции представляют собой приглашение к научной дискуссии. Они не были ранее предметом научного обсуждения. События, именуемые Октябрьской революцией 1917 г., никогда ранее не трактовались как подмена большевиками дворянско-сословного способа монополизации и воспроизведения государственной власти партийной системой воспроизведения монополии коммунистов на государственную власть. Результатом этой монополии явилось формирование специфической замкнутой, отягощенной коррупцией общности работников административно-хозяйственного госаппарата — номенклатуры. В круг дискутируемых проблем вводится положение о номенклатурном самоконтrole в условиях партийной монополизации власти как основе возникновения в ней системной коррупции. Следует обсудить идею о порождении идеологическими основами советского государственного строительства (ликвидацией частной собственности и запретом на обогащение) глубокого противоречия в руководстве компаний между консерваторами и реформаторами.

Коррумпированная часть номенклатурной общности выступила на стороне реформаторов. Но, влившись в ряды реформаторов, она исказила изначальный демократический смысл реформ конца 80-х — начала 90-х гг. прошлого века. Эта часть номенклатурной общности стала первым социальным образованием, получив-

шим реальную выгоду от перехода власти от КПСС к реформаторам. Была свернута борьба с коррупцией уголовно-правовыми мерами. Номенклатурная общность с разрушением КПСС рассыпалась, но ее члены влились в новый государственный аппарат и привнесли в него науки коррупционных практик и коррупционную психологию.

Материалом для дискуссии могут послужить выводы о неприемлемости для бюрократии возврата к номенклатурной форме воспроизведения государственного аппарата; об условиях, при наличии которых может возродиться номенклатурная общность с присущей ей системной коррупцией, тяге современной бюрократии к формированию из нее и ее родни нового сословия, превращающегося в основной кадровый резерв власти. Это путь к ускорению коррупирования власти.

Список литературы

1. Войчак А. Итоги работы с крестьянскими письмами // Административный вестник. 1928. № 3. С. 50—52.
2. Всё о коррупции и противодействии ей: терминологический словарь / под общ. ред. И.И. Бикеева, П.А. Кабанова; Ин-т экономики, управления и права. Казань: Познание, 2014. 228 с.
3. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016. 168 с. doi: 10.12737/18663.
4. Кабанов П.А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации, регулирующее порядок обнародования сведений об имущественном состоянии отдельных категорий лиц и соблюдении ими антикоррупционных требований // Мониторинг правоприменения. 2018. № 2. С. 4—14. doi: 10.21681/2226-0692-2018-2-04-14.
5. Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: монография. М.: Юрайт, 2022. 193 с.
6. Клокотин В. Решения 15 съезда партии и административная работа // Административный вестник. 1928. № 1. С. 1—4.
7. Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / под общ. ред. П.А. Кабанова. М.: МедиаПресс, 2008. 144 с.
8. Коррупция и антикоррупционная политика: терминологический словарь / под общ. ред.

Г.И. Райкова, П.А. Кабанова, Д.К. Чиркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: МедиаПресс, 2010.

9. Коррупция и борьба с ней: краткий терминологический словарь / [Кабанов П.А. и др.]. Казань: Республиканская межведомственная комиссия по экономическим и социальным реформам Республики Татарстан [и др.], 2004. 55 с.

10. Криминология. Общая часть: учебник / под. общ. ред. О.С. Капинус. М.: Юрайт, 2016. 303 с.

11. Спасокукоцкий Н. Деятельность Государственного Института по изучению преступности и преступника // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. Вып. 2. М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 233–234.

12. Ширвндт Е. О проблемах преступности (цели и задачи Государственного Института) // Проблемы преступности: сборник / под ред. Е. Ширвндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. Вып. 1. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. С. 3–13.

References

1. Vojchak, A. (1928) Itogi raboty s krest'janskimi pis'mami [Results of work with letters of peasants]. *Administrativnyj vestnik*, no. 3, pp. 50–52. (In Russ.).

2. Bikeev, I.I. & Kabanov, P.A. (eds.) (2014) Vse o korrupcii i protivodejstvii ej [Everything on corruption and its counteraction]. Terminology dictionary. Kazan', Institute of Economics, Management and Law, 228 p. (In Russ.).

3. Vlasenko, N.A. [et al.] (eds.) (2016) Glos-sarij juridicheskikh terminov po antikorruptionnoj tematike [Dictionary on the subject of anti-corruption]. Glossary. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, INFRA-M, 168 p. (In Russ.). doi: 10.12737/18663.

4. Kabanov, P.A. (2018) Antikorruptionnoe processual'noe zakonodatel'stvo sub''ektov Rossijskoj Federacii, regulirujushhee porjadok obnarodovaniya svedenij ob imushhestvennom sostojanii otdel'nyh kategorij lic i sobljudenii imi antikorruptionnyh trebovanij [Anti-corruption procedural legislation of the subjects of the Rus-

sian Federation regulating the procedure for publishing information about the property status of certain categories of persons and their compliance with anti-corruption requirements]. *Monitoring pravoprimenenija*, no. 2, pp. 4–14. (In Russ.). doi: 10.21681/2226-0692-2018-2-04-14.

5. Kabanov, P.A., Rajkov, G.I. & Chirkov, D.K. (2022) Antikorruptionnoe processual'noe zakonodatel'stvo sub''ektov Rossijskoj Federacii [Anti-corruption procedural legislation of the subjects of the Russian Federation]. Monograph. Moscow, Urait, 193 p. (In Russ.).

6. Klokočin, V. (1928) Reshenija 15 s''ezda partii i administrativnaja rada [Decisions of the 15th Party Congress and administrative work]. *Administrativnyj vestnik*, no. 1, pp. 1–4. (In Russ.).

7. Kabanov, P.A. (ed.) (2008) Korrupcija i antikorruptionnaja politika [Corruption and anti-corruption policy]. Dictionary. Moscow, Media-Press, 144 p. (In Russ.).

8. Rajkov, G.I., Kabanov, P.A. & Chirkov, D.K. (eds.) (2010) Korrupcija i antikorruptionnaja politika [Corruption and anti-corruption policy]. Terminology dictionary. 5th ed. Moscow, Media-Press. (In Russ.).

9. Kabanov, P.A. [et al.] (2004) Korrupcija i bor'ba s nej [Corruption and the fight against it]. Concise terminology dictionary. Kazan', Republican Interdepartmental Commission on Economic and Social Reforms of the Republic of Tatarstan [et al.], 55 p. (In Russ.).

10. Kapinus, O.S. (ed.) (2016) Kriminologija. Obshchaja chast' [Criminology. The general part]. Textbook. Moscow, Urait, 303 p. (In Russ.).

11. Spasokukockij, N. (1927) Dejatel'nost' Gosudarstvennogo Instituta po izucheniju prestupnosti i prestupnika [Activities of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal]. In: Shirvindt, E., Traskovich, F. & Gernet, M. (eds.) *Problemy prestupnosti. Iss. 2.* Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 233–234. (In Russ.).

12. Shirvindt, E. (1926) O problemah prestupnosti (celi i zadachi Gosudarstvennogo Instituta) [On the problems of crime (goals and objectives of the State Institute)]. In: Shirvindt, E., Traskovich, F. & Gernet, M. (eds.) *Problemy prestupnosti. Iss. 1.* Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 3–13. (In Russ.).

Информация об авторах

Г.В. Антонов-Романовский — кандидат юридических наук, доцент, член Криминологической ассоциации, старший советник юстиции в отставке;
Д.К. Чирков — профессор Высшей школы бизнеса, менеджмента и права Российской государственной университета туризма и сервиса, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции в отставке;
В.С. Кашин — в/ч 2351.

Information about the authors

G.V. Antonov-Romanovsky – Candidate of Law, Associate Professor, Member of the Criminological Association;
D.K. Chirkov – Professor of the Higher School of Business, Management and Law of the Russian State University of Tourism and Service, Candidate of Law, Associate Professor;
V.S. Kashin – v/ch 2351.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 69—75.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 69–75.

УДК 343.97
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.006

NIION: 2015-0065-03/22-059
MOSURED: 77/27-010-2022-03-258

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминальная виктимизация несовершеннолетних: состояние и тенденции развития

Павел Борисович Афанасьев¹, Георгий Феофилактович Коимшиди²

¹Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, afanasevpb@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4530-5970>

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, koim@mail.ru

Аннотация. В целях криминологического исследования современной виктимизации несовершеннолетних и ее территориального распределения в Российской Федерации в 2021 году в статье был представлен криминологический анализ, основанный на официальных статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России». Авторами установлена негативная тенденция роста числа несовершеннолетних потерпевших от преступлений, определены регионы с наибольшими и наименьшими темпами роста виктимизации несовершеннолетних, предложена типология регионов.

Ключевые слова: преступность, профилактика, несовершеннолетний, потерпевший, виктимология, виктимизация, жертва преступления

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Афанасьев П.Б., Коимшиди Г.Ф. Криминальная виктимизация несовершеннолетних: состояние и тенденции развития // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 69—75. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.006.

Criminal victimization of minors: state and development trends

Pavel B. Afanasev¹, Georgy F. Koimshidi²

¹Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, afanasevpb@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4530-5970>

²All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, koim@mail.ru

Abstract. With the purpose of criminological knowledge of modern victimization of minors and its territorial distribution in the Russian Federation in 2021 the article presents the criminological analysis based on the official statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The authors established a negative trend of growth in the number of victims of juvenile crime, identified regions with the highest and lowest rates of growth in the victimization of minors, and proposed a typology of regions.

Keywords: crime, prevention, juvenile, victim, victimology, victimization, crime victim

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Afanasev, P.B. & Koimshidi, G.F. (2022) Criminal victimization of minors: state and development trends. Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, no. 3, pp. 69—75. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.006.

Преступность против несовершеннолетних относится к числу дестабилизирующих социально-правовых и социально-психологических факторов становления современно-

го государства и гражданского общества¹. Формирование основных направлений профилактики преступности против несовершеннолетних и минимизация ее социальных последствий предполагают анализ статистических данных, позво-

© Афанасьев П.Б., Коимшиди Г.Ф., 2022

¹ Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология: учебник и практикум. М., 2020. С. 132—140.

ляющих определить масштабы виктимизации несовершеннолетних.

При осуществлении анализа официальных статистических данных, отражающих состояние криминальной виктимизации несовершеннолетних, следует учитывать, что существующая система статистического учета потерпевших от преступлений не отвечает требованиям полноты². Между тем имеющиеся статистические данные и результаты отдельных криминологических и социологических исследований позволяют определить масштабы и динамику виктимизации в России, а также защищенность граждан от криминальных угроз.

Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России³, в Российской Федерации в 2021 году по 103 335 преступлениям установлены несовершеннолетние потерпевшие, т. е. на 12 961 преступление больше (+14,3 %), чем в 2020 г. (90 374)⁴. Следовательно, по каждому двенадцатому преступлению (8,3 %), по которому установлены потерпевшие, жертвой был признан несовершеннолетний.

Почти каждое четвертое (24,6 %) такое преступление совершено в восьми субъектах Российской Федерации: в Челябинской области — 3687 (3,6 %), в Кемеровской области — 3461 (3,3 %), в Краснодарском крае — 3391 (3,3 %), в Свердловской области — 3368 (3,3 %), в Красноярском крае — 3233 (3,1 %), в Республике Башкортостан — 2787 (2,7 %), в Иркутской области — 2750 (2,7 %) и в Пермском крае — 2706 (2,6 %).

В семидесяти семи субъектах Российской Федерации наблюдался рост анализируемого показателя. В пятидесяти семи он был заметным (более 10 %); в двадцати трех +25 % и более, а в восьми +40 % и более: в республиках Дагестан (+40,2 %, или +265 преступлений), Северная Осетия — Алания (+42,3 %, или +77) и Калмыкия (+43,3 %, или +52), в

² Афанасьева О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. С. 137—138.

³ См.: Статистика и аналитика // МВД России: официальный сайт. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics>.

⁴ См.: Ситковский А.Л., Коимшиди Г.Ф. Характеристика криминальной виктимизации пожилых и несовершеннолетних, а также ожидаемые тенденции ее развития до 2023 года // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С. 124—133.

областях Магаданской (+44,2 %, или +42), Тульской (+47,0 %, или +286), Смоленской (+47,9 %, или +257), Белгородской (+48,3 %, или +222), а также в Чукотском автономном округе с 39 до 69 преступлений (+76,9 %, или +30).

Несмотря на общий рост рассматриваемых преступлений, в восьми субъектах Российской Федерации наблюдалось снижение преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие. В шести из них снижение было заметным (более 10 %): в Курской (-11,5 %, или -121), Орловской (-11,5 %, или -57) и Архангельской (-16,2 %, или -251) областях, в республиках Ингушетия (-22,0 %, или -11) и Татарстан (-27,1 %, или -880), а также в Ненецком автономном округе с 55 до 35 преступлений (-36,4 %, или -20).

Коэффициент преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, в 2021 г. составил 340,2 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних (299,1 в 2020 г.), то есть рост составил 41,2 пункта.

Десять процентов несовершеннолетних страны проживают в регионах с максимальными значениями коэффициента преступности, где уровень рассматриваемой преступности от 532,3 в Хабаровском крае до 903,9 в Еврейской автономной области. Средний уровень преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, в этой совокупности субъектов Российской Федерации — 619,9 (табл. 1).

Десять процентов несовершеннолетних страны проживают в регионах с минимальными значениями коэффициента преступности, где уровень анализируемой преступности от 9,3 в Чеченской Республике до 124,4 в Москве. Средний уровень преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, в данной совокупности субъектов Российской Федерации составляет 92,7 (табл. 2).

Децильный коэффициент (соотношение этих средних — показатель дифференциации регионов) составляет 6,7.

Вариабельность субъектов Российской Федерации по этому показателю высокая, но не критичная. Несмотря на это, коэффициенты исследуемых преступлений в Еврейской автономной области (903,9) и Курганской области (849,2) настолько велики⁵, что эти регионы нарушают статистическую однородность всех 85 субъектов Российской Федерации по данному показателю.

⁵ По правилу трех сигм исключаются регионы, в которых показатель отличается от среднего значения больше чем на три стандартных отклонения.

Таблица 1

Субъекты Российской Федерации с высокими значениями коэффициента преступности, в которых проживает 10 % несовершеннолетних

<i>Субъекты Российской Федерации</i>	<i>Коэффициент</i>
Российская Федерация	340,2
Еврейская автономная область	903,9
Курганская область	849,2
Амурская область	691,7
Республика Хакасия	650,3
Кировская область	645,7
Республика Коми	626,8
Кемеровская область	600,9
Забайкальский край	599,9
Томская область	596,7
Тверская область	594,0
Архангельская область	574,6
Новгородская область	571,7
Республика Карелия	560,4
Камчатский край	553,4
Чукотский автономный округ	546,7
Хабаровский край	532,3
Средний уровень в группе	619,9

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации с низкими значениями коэффициента преступности, в которых проживает 10 % несовершеннолетних

<i>Субъекты Российской Федерации</i>	<i>Коэффициент</i>
Российская Федерация	340,2
Москва	124,4
Республика Дагестан	104,8
Республика Ингушетия	24,7
Чеченская Республика	9,3
Средний уровень в группе	92,7

Остальные 83 субъекта Российской Федерации образуют статистически однородную совокупность по коэффициентам преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие. Средний уровень в этой совокупности составляет 334,7 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних, стандартное отклонение —

145,7. На основании отмеченных данных возможно представить следующую *типовую группу регионов*.

Группа V с высоким уровнем преступности (от 626,1 до 771,7) — четыре субъекта Российской Федерации: Амурская область (691,7), Республика Хакасия (650,3), Кировская область

(645,7) и Республика Коми (626,8). В группе проживает 746 148 несовершеннолетних (2,46 %), средний уровень — 652,8 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних.

Группа IV с уровнем преступности выше среднего (от 480,4 до 626,1) — пятнадцать регионов: Кемеровская область (600,9), Забайкальский край (599,9), Томская область (596,7), Тверская область (594,0), Архангельская область (574,6), Новгородская область (571,7), Республика Карелия (560,4), Камчатский край (553,4), Чукотский автономный округ (546,7), Хабаровский край (532,3), Красноярский край (510,6), Тамбовская область (497,5), Мурманская область (493,3), Челябинская область (493,3) и Смоленская область (487,5). В группе проживает 4 001 480 несовершеннолетних (13,18 %), средний уровень составляет 543,3 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних.

Группа II с уровнем преступности ниже среднего (от 43,4 до 189,1) включает четыре региона — Московскую область (164,0), Республику Северная Осетия — Алания (158,1), г. Москву (124,4) и Республику Дагестан (104,8). В группе проживает 4 737 111 несовершеннолетних (15,60 %), средний уровень равен 134,6 преступлений на 100 тыс. несовершеннолетних.

Республика Ингушетия (24,7) и Чеченская Республика (9,3) образуют *группу I с низким уровнем преступности*. В группе проживает 706 602 несовершеннолетних (2,33 %), средний уровень составляет 12,7 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних.

Остальные 58 субъектов Российской Федерации включены в *группу III со средним уровнем преступности* (от 189,1 до 480,4): от 199,7 в Рязанской области до 480,4 в Республике Мордовия. В группе проживает 19 964 369 несовершеннолетних (65,74 %), средний уровень равен 339,9 преступлений на 100 тыс. несовершеннолетних.

Среди федеральных округов наибольший уровень преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, зафиксирован в Дальневосточном ФО (504,9) и Сибирском ФО (463,8), наименьший — в Северо-Кавказском ФО (127,0). В Центральном федеральном округе показатель составляет 254,5 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних округа, т. е. в 1,3 раза меньше, чем в Российской Федерации, и в два раза меньше, чем в Дальневосточном ФО (рис. 1).

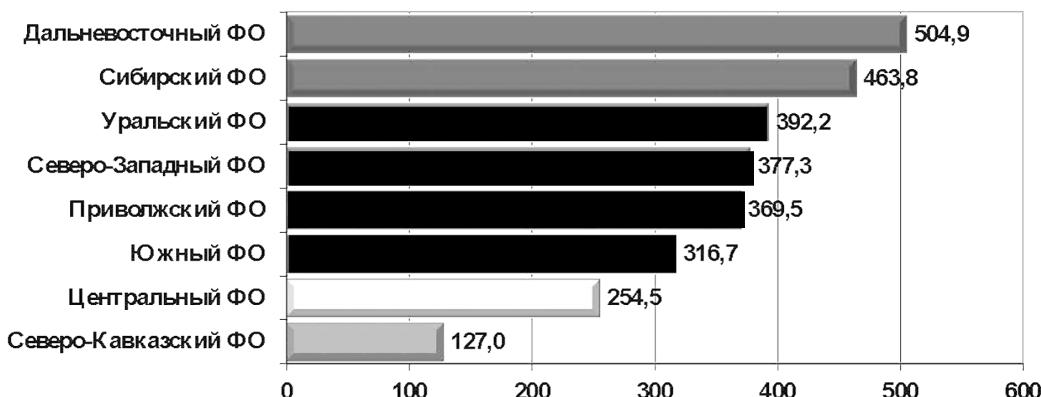

Рис. 1. Распределение федеральных округов Российской Федерации по уровню криминальной нагрузки на несовершеннолетних. 2021 г.

Дисперсионный анализ показал, что коэффициент исследуемых преступлений в субъекте Российской Федерации на 45,0 % зависит от криминогенных факторов, действующих в федеральном округе. Такая зависимость относится к умеренным зависимостям.

При умеренной зависимости (коэффициент детерминации больше 0,3 и меньше 0,5) коэффициент преступности против несовершеннолет-

них в субъекте Российской Федерации зависит от криминогенных факторов, действующих в федеральном округе, на 44,0 % — по грабежам, 42,4 % — по преступлениям против жизни и здоровья несовершеннолетних, 37,2 % — по преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, 31,2 % — по исследуемым разбойным нападениям и истязаниям.

При слабой зависимости (коэффициент детерминации больше 0,1 и меньше 0,3) коэффициент преступности против несовершеннолетних в субъекте Российской Федерации зависит от криминогенных факторов, действующих в федеральном округе, на 27,9 % — по исследуемым кражам, 19,2 % — похищением несовершеннолетних, 16,6 % — фактам причинения тяжкого вреда здоровью несовершеннолетних, 14,1 % — преступлениям против нравственности, 11,9 % — фактам лишения свободы несовершеннолетних.

Зависимости нет (коэффициент детерминации меньше 0,1) в отношении коэффициента убийств и покушений на убийство несовершеннолетних в субъекте Российской Федерации, который на 4,4 % зависит от криминогенных факторов, действующих в федеральном округе.

В Российской Федерации в 2021 г. установлено 112 387 несовершеннолетних потерпевших, т. е. больше, чем в 2020 г. (94 881), на 18,5 %, или 17 506 несовершеннолетних потерпевших.

Почти каждый третий (32,7 %) несовершеннолетний потерпевший установлен в двенадцати субъектах Российской Федерации: в Челябинской области — 3820 (3,4 %), в Краснодарском крае — 3699 (3,3 %), в Кемеровской области — 3523 (3,1 %), в Республике Башкортостан — 3409 (3,0 %), в Свердловской области — 3364 (3,0 %), в Красноярском крае — 3165 (2,8 %), в Пермском крае — 2977 (2,6 %), в г. Москве — 2816 (2,5 %), в Иркутской области — 2711 (2,4 %), в Республике Татарстан — 2503

(2,2 %), в Московской — 2477 (2,2 %) и Ростовской — 2321 (2,1 %) областях.

В 2021 г. рост числа установленных несовершеннолетних потерпевших наблюдался в семидесяти шести субъектах Российской Федерации. При этом наиболее заметный (более 10 %) рост наблюдался в шестидесяти одном регионе; а в восьми +40 % и более: в Белгородской области (+40,6 %, или +208 несовершеннолетних), в Волгоградской области (+41,8 %, или +584), в Республике Калмыкия (+44,8 %, или +65), в Республике Северная Осетия — Алания (+45,5 %, или +105), в Смоленской области (+45,6 %, или +302), в Тульской области (+55,8 %, или +353), в Республике Дагестан (+60,0 %, или +531) и в Чукотском автономном округе с 44 до 86 преступлений (+95,5 %, или +42).

Несмотря на общий рост установленных несовершеннолетних потерпевших, в восьми субъектах Российской Федерации наблюдалось их снижение. В четырех субъектах снижение было заметным (более 10 %): в Ивановской области (-10,5 %, или -96), в Архангельской области (-19,2 %, или -357), в Республике Ингушетия с 50 до 40 несовершеннолетних (-20,0 %, или -10) и в Ненецком автономном округе с 73 до 41 (-43,8 %, или -32).

В 2021 г. было установлено 54 435 несовершеннолетних мальчиков (48,4 % от всех несовершеннолетних), что выше значения 2020 г. (46 479 мальчиков) на 17,1 %.

Возрастная структура потерпевших мальчиков представлена на рис. 2.

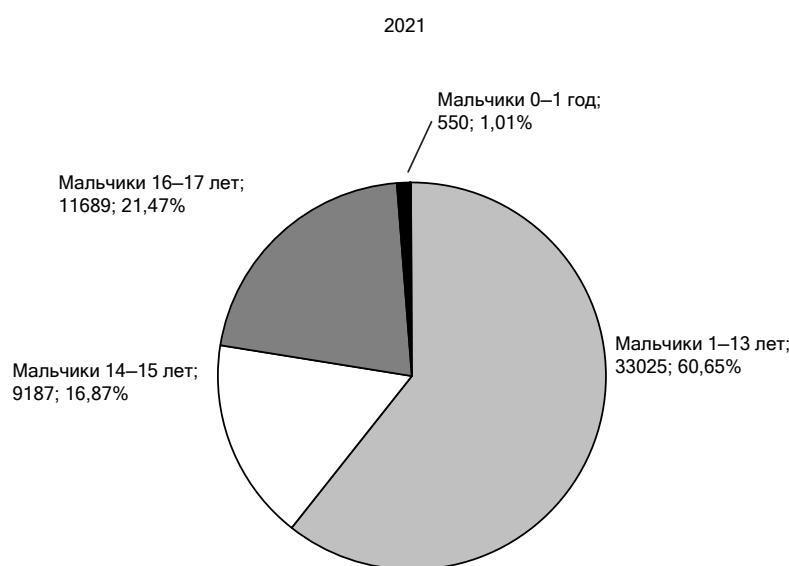

Рис. 2. Структура потерпевших мальчиков по возрасту в Российской Федерации в 2021 г.

Следует отметить, что в исследуемой статистике наблюдался рост только удельного веса потерпевших мальчиков в возрасте 1—13 лет: на 2,1 пункта с 58,6 % до 60,7 %. Более всего снизился удельный вес потерпевших мальчиков в возрасте 16—17 лет: на 1,4 пункта с 22,9 % до 21,5 %. Удельный вес потерпевших мальчиков в возрасте 14—15 лет снизился на 0,3 пункта с 17,2 % до 16,9 %. Также на 0,3 пункта с 1,3 % до 1,0 % снизился удельный вес потерпевших новорожденных мальчиков (в возрасте до года).

В 2021 г. в качестве потерпевших были установлены 57 952 несовершеннолетние девочки (51,6 % от всех несовершеннолетних), что выше показателя 2020 г.

Возрастная структура потерпевших девочек представлена так же, как и у мальчиков. Наибольший удельный вес у потерпевших девочек в возрасте 1—13 лет (60,0 % у девочек против 60,7 % у мальчиков), наименьший удельный вес — у потерпевших новорожденных девочек в возрасте до года (0,8 % против 1,0 %). На втором месте удельный вес девочек в возрасте 14—15 лет (22,1 %), а удельный вес мальчиков в этом возрасте составлял 16,9 %, т. е. он третий по уровню в возрастной структуре потерпевших мальчиков. На третьем месте удельный вес девочек в возрасте 16—17 лет (17,1 %), а удельный вес мальчиков в этом возрасте составлял 21,5 % — второй по уровню в возрастной структуре потерпевших мальчиков (рис. 3).

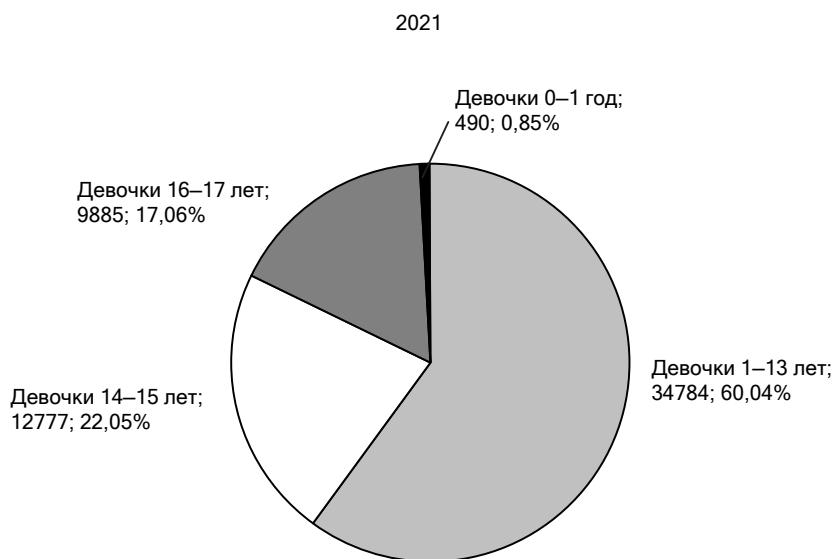

Рис. 3. Структура потерпевших девочек по возрасту в Российской Федерации в 2021 г.

Обращает внимание тот факт, что рост значения удельного веса на 1,1 пункта с 58,9 % до 60,0 % отмечался относительно потерпевших девочек в возрасте 1—13 лет. При этом снизилось значение удельного веса потерпевших девочек в возрасте 14—15 лет на 0,6 пункта с 22,7 % до 22,1 %, 16—17 лет — на 0,4 пункта с 17,5 % до 17,1 % и новорожденных девочек — на 0,1 пункта с 0,9 % до 0,8 %.

Таким образом, в 2021 году отмечается тенденция роста как количества преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие (+14,3 %; 103 335), так и числа несовершеннолетних потерпевших (+18,5 %; 112 387). Также отмечается рост коэффициен-

та преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, с 299,1 в 2020 г. до 340,2 преступления на 100 тыс. несовершеннолетних в 2021 г. Традиционно наибольший уровень преступлений, по которым установлены несовершеннолетние потерпевшие, зафиксирован в Дальневосточном ФО (504,9) и Сибирском ФО (463,8), наименьший — в Северо-Кавказском ФО (127,0). Дисперсионный анализ показателей преступности позволил заключить, что коэффициент исследуемых преступлений в субъекте Российской Федерации на 45,0 % зависит от криминогенных факторов, действующих в федеральном округе.

Список литературы

1. Афанасьева О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизация социальных последствий насилиственной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. 450 с.
2. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиyan В.И. Криминология: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2020. 360 с.
3. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, Е.А. Антонян [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 447 с.
4. Ситковский А.Л., Коимшиди Г.Ф. Характеристика криминальной виктимизации пожилых и несовершеннолетних, а также ожидаемые тенденции ее развития до 2023 года // Академическая мысль. 2021. № 4 (17). С. 124—133.

References

1. Afanaseva, O.R. (2014) Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo issledovanija i minimizacii social'nyh posledstvij nasil'stvennoj prestupnosti [Theoretical foundations of criminological research and minimization of the social consequences of violent crime]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 450 p. (In Russ.).
2. Afanaseva, O.R., Goncharova, M.V. & Shigan, V.I. (2020) Kriminologija [Criminology]. Moscow, Urait, 360 p. (In Russ.).
3. Avanesov, G.A. [et al.] (2021) Kriminologija [Criminology]. Textbook. Moscow, UNITY-DANA, 447 p. (In Russ.).
4. Sitkovskiy, A.L. & Koimshidi, G.F. (2021) Harakteristika kriminal'noj viktimizacii pozhilyh i nesovershennoletnih, a takzhe ozhidaemye tendencii ee razvitiya do 2023 goda [Characteristics of criminal victimization of the elderly and minors, as well as the expected trends of its development until 2023]. *Akademicheskaja mysl'*, no. 4, pp. 124—133. (In Russ.).

Информация об авторах

П.Б. Афанасьев — доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российской университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук;
Г.Ф. Коимшиди — ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат технических наук, доцент.

Information about the authors

P.B. Afanasev – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Law;
G.F. Koimshidi – Leading Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 76–86.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 76–86.

УДК 343.97
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.007

NIION: 2015-0065-03/22-060
MOSURED: 77/27-010-2022-03-259

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Криминологические меры обеспечения транспортной безопасности

Андрей Викторович Борисов

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва,
Россия, av-borisov@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа научных источников, посвященных проблеме обеспечения транспортной безопасности, и действующего законодательства определены основополагающие криминологические меры обеспечения транспортной безопасности. Автором представлены различные классификации криминологических мер обеспечения транспортной безопасности: в зависимости от вида транспорта, общесоциальные и специально-криминологические. В статье раскрываются содержание и виды общесоциальных и специально-криминологических мер обеспечения транспортной безопасности.

Ключевые слова: транспортная безопасность, обеспечение транспортной безопасности, криминологические меры, общесоциальные и специально-криминологические меры обеспечения транспортной безопасности

Для цитирования: Борисов А.В. Криминологические меры обеспечения транспортной безопасности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 76–86. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.007.

Criminological measures to ensure transport security

Andrey V. Borisov

Russian University of Transport (MIIT), Moscow,
Russia, av-borisov@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of scientific sources devoted to the problem of ensuring transport security and current legislation, the article defines the fundamental criminological measures to ensure transport security. The author presents various classifications of criminological measures to ensure transport security: depending on the type of transport, general social and special criminological. The article reveals the content and types of general social and special criminological measures to ensure transport security.

Keywords: transport security, ensuring transport security, criminological measures, general social and special criminological measures to ensure transport security

For citation: Borisov, A.V. (2022) Criminological measures to ensure transport security. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 76–86. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.007.

Значимость реализации криминологических мер обеспечения транспортной безопасности бесспорна и большинством криминологов рассматривается в качестве одного из важнейших направлений борьбы с преступностью¹, представляющего собой более масштабную и гло-

бальную деятельность по формам, методам, содержанию, субъектам, чем уголовно-правовое противодействие.

Противодействие преступности на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры осуществляется посредством реализации на различных уровнях совокупности различных по своему характеру, содержанию и сфере проявления мероприятий. Комплекс оптимальных направлений и, соответственно, мер воздействия на преступность на объектах транспорта и транс-

¹ Криминология: учебник / Н.Н. Кондрашков, Б.А. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова [и др.]; под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1988. С. 161.

© Борисов А.В., 2022

портной инфраструктуры предопределяется результатом глубокого познания объектов посягательства, криминальных угроз, факторов, детерминирующих преступность, субъектов, противодействующих ей и реализующих меры с учетом специфики их деятельности и условий функционирования². Кроме того, при определении перечня криминологических мер необходимо учитывать современные социально-экономические условия, сложившуюся правоприменимую практику использования профилактических мер, методов, форм и средств социально-экономического, организационно-управленческого, правового, технического и иного вида воздействия.

Реализация криминологических мер обеспечения транспортной безопасности может рассматриваться как составная часть предупреждения преступности в целом и ее отдельных видов, которые совершаются на транспорте. Можно заключить, что с теоретической точки зрения реализация криминологических мер обеспечения транспортной безопасности осуществляется исходя из тех же основ, положений, которые предусмотрены для предупреждения и других видов преступности, а также из того, что система криминологических мер обеспечения транспортной безопасности одновременно признается составной частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности. По этой причине остановимся только на отдельных аспектах рассматриваемой проблематики.

Реализация криминологических мер обеспечения транспортной безопасности должна осуществляться на плановой основе с учетом прогнозных оценок развития криминальной ситуации и требований системности, структурности, комплексности реализуемых мер по обеспечению транспортной безопасности, т. е. посредством «многоуровневой, многофункциональной, а также многосубъектной системы безопасности, учитывающей технологические характеристики»³ того или иного вида транспорта, транспортной инфраструктуры, а также с учетом обеспечения соответствующими законодательству кадровыми и материально-техническими ресурсами.

² Гончарова М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 311.

³ Ивушкина О.В. Кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта: характеристика и предупреждение (региональный аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2018. С. 42.

Также при определении криминологических мер, реализуемых в сфере обеспечения транспортной безопасности, следует учитывать:

1) что в современной уголовной политике приобретает большее значение превентивное направление⁴;

2) что успешность превентивной деятельности предопределяется реализацией крупных социально-экономических, информационных и технических преобразований на общегосударственном уровне⁵;

3) проблемы организационного характера, заключающиеся в значительной протяженности участков оперативного обслуживания; отсутствии четко разграниченной территории и объектов обслуживания; сосредоточении большого количества материальных ценностей на различных видах транспорта и лиц, причастных к перевозочному процессу пассажиров, отдельных видов грузов, обеспечению транспортной инфраструктуры; быстроте перемещения лиц, транспорта, грузов; непрерывности, цикличности и взаимосвязанности отдельных видов транспортных систем⁶;

4) проблемы организации межведомственного и внутриведомственного взаимодействия, в том числе обмена информацией между субъектами обеспечения транспортной безопасности;

5) научное обеспечение предупреждения преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере обеспечения транспортной безопасности.

В криминологической науке представлено множество классификаций мер предупреждения преступности⁷. Большинство авторов применяют сходные классификационные основания. Такими основаниями, как правило, выступают уровень предупредительной деятельности, ее объем и содержание, механизм действия и его масштабы⁸.

Так, в зависимости от структуры транспортной преступности, трактуемой в широком смысле, криминологические меры возможно классифицировать на меры, реализуемые при предупреждении преступлений против безопаснос-

⁴ Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М., 2015. С. 394—406.

⁵ Материалы XII Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Владивосток, 2010. С. 156—158.

⁶ Ивушкина О.В. Указ. соч. С. 47.

⁷ Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 26—37.

⁸ Ивушкина О.В. Указ. соч. С. 42.

ти движения и эксплуатации транспорта; преступлений, связанных с транспортными средствами и объектами транспортной инфраструктуры; воинских транспортных преступлений. В свою очередь, превентивную деятельность относительно преступлений, связанных с транспортными средствами и объектами транспортной инфраструктуры, возможно выделить в зависимости от вида (характера) совершаемых преступлений (насильственные, против собственности, коррупционные и т. д.). Поскольку в структуре данных преступлений преобладают преступления против собственности, то, соответственно, они предопределяют основные направления анализируемой деятельности, в том числе необходимость реализации мер, направленных на повышение благосостояния населения страны.

Невозможно не обратить внимания на классификацию мер по уровню содержания деятельности — на меры общесоциального и специально-криминологического характера, реализуемые при предупреждении транспортной преступности.

Общесоциальное предупреждение предполагает разработку и практическое воплощение сложной, целостной и многоуровневой системы государственных и общественных мер, направленных на выявление, устранение, ослабление и нейтрализацию как причин, так и условий преступлений в данной сфере, а также способствующих решению крупных задач различными государственными и общественными институтами в политической, экономической, социальной и иных сферах жизни общества, и касается позитивных изменений в стране в целом и в транспортной отрасли в частности. Факторы, способствующие совершению отдельных видов транспортных преступлений, так или иначе связаны с негативными явлениями и процессами, которые детерминируют преступность в обществе в целом. Так, напряженная экономическая ситуация, обострение межгосударственных отношений, межнациональных процессов и социальных проблем в обществе оказывают негативное воздействие на состояние законности и правопорядка в стране или отдельных регионах⁹.

Общесоциальные меры предупреждения преступлений, посягающих на транспортную безопасность, имеют достаточно объемный диапазон воздействия. При этом, соглашаясь с утверждениями А.И. Коробеева, отметим, что, во-первых, относительно неосторожных транспор-

тных преступлений общесоциальных мер реализуется больше, чем относительно умышленных; во-вторых, перечень общесоциальных мер, направленных на неосторожные преступления в сфере транспорта, схож с мерами, реализуемыми в целях предотвращения любого ущерба; в третьих, в системе предупреждения неосторожных транспортных преступлений особая роль может быть отведена различным техническим мероприятиям, направленным на увеличение надежности современных транспортных систем¹⁰. К их числу относят разработку, создание и реализацию новых видов и типов транспортных средств (например, беспилотного транспорта); разработку, принятие и корректировку нормативных правовых актов; правовое воспитание и формирование правового сознания населения в части соблюдения правил безопасности на транспорте¹¹.

Криминологические меры, реализуемые в рамках общесоциального предупреждения, признаются наиболее значимыми, однако их результаты не могут быть получены сразу¹², поскольку они представляют собой реализацию долговременных масштабных мер¹³.

Кроме того, запланированные государством или иными уполномоченными субъектами криминологические и иные меры не всегда реализуются в полном объеме, что, бесспорно, снижает их эффективность. Так, результаты проверки исполнения федеральной программы «Развитие транспортной системы России (2010—2020 годы)»¹⁴, проведенной Счетной палатой Российской Федерации, позволяют заключить, что целевые показатели достигнуты не были, часть реализованных проектов не смогли быть

¹⁰ Коробеев А.И. Указ. соч. С. 394—406.

¹¹ Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, крушений железнодорожного транспорта и авиационных катастроф / Е.П. Ищенко, В.Д. Корма, А.И. Чучаев, В.Е. Эминов. М., 2014. С. 167.

¹² Коробеев А.И. Указ. соч. С. 394—406.

¹³ Ларичев В.Д. Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) // Общество и право. 2011. № 1. С. 130—133.

¹⁴ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка использования бюджетных ассигнований, направленных в 2015 году и истекшем периоде 2016 года на реализацию мероприятий подпрограммы «Морской транспорт» федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010—2020 годы)» // Бюллетень Счетной палаты. 2016. № 12. С. 38—85.

⁹ Ившукова О.В. Указ. соч. С. 42—43.

введены в эксплуатацию по причине отсутствия инфраструктуры, часть денежных средств была вообще направлена на приобретение некачественных комплектующих, за счет средств бюджета оплачивались услуги либо не оказанные в полном объеме, либо ненадлежащего качества и т. д. Так, не было создано 11 из 19 региональных информационно-навигационных систем, используемых при информационно-навигационном обеспечении автомобильных маршрутов в регионах. Не введен в эксплуатацию после строительства и реконструкции 261 км автомобильных дорог регионального, муниципального и местного значения. В результате денежные средства по ряду проектов были просто похищены¹⁵. Между тем в современных условиях сохраняющихся внешних и внутренних угроз безопасности нашего государства представляется крайне актуальным повышение эффективности расходования выделяемых денежных средств на развитие транспортной системы в Российской Федерации и обеспечение ее безопасности, в том числе и путем реализации требований по антитеррористической защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств.

К числу общесоциальных мер традиционно относят следующие меры.

*Экономические меры*¹⁶, в том числе меры по финансированию транспортной отрасли, а также совершенствованию порядка финансирования работ, связанных с реализацией правовых и организационных мер по обеспечению транспортной безопасности¹⁷. Реализация мер по обес-

¹⁵ Стенограмма Доклада министра транспорта Евгения Дитриха на итоговом расширенном заседании коллегии Министерства транспорта РФ по вопросу «О результатах деятельности Министерства транспорта Российской Федерации за 2018 год, целях и задачах на 2019 год и плановый период до 2021 года». URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/16/9903> (дата обращения: 17.04.2022).

¹⁶ Базаров М.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых на железнодорожных вокзалах сверхкрупного города (по материалам г. Москвы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20.

¹⁷ Попова М.А., Попов Д.А. О некоторых проблемах системы обеспечения транспортной безопасности России // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвященной 70-летию Аврутина Юрия Ефремовича, 24 марта 2017 года: в 3 ч. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. Ч. 3. СПб, 2017. С. 204—205.

печению транспортной безопасности возможна при наличии соответствующего финансового обеспечения¹⁸, позволяющего реализовывать меры, сопряженные с финансовой поддержкой и стимулированием выполнения уполномоченными субъектами обязательных правил и требований¹⁹, а также модернизацию транспортных средств, подвижного состава.

Правовые меры. К числу актуальных относятся проблема приведения действующего российского законодательства, регламентирующего вопросы обеспечения транспортной безопасности, в соответствие с международным, в том числе такими конвенциями, как Конвенция о международной гражданской авиации²⁰ и Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты²¹.

Также транспортные уставы и кодексы, заявляемые как нормативные правовые акты системного характера, таковыми признаваться могут достаточно условно, поскольку, например, вопросы транспортной безопасности преимущественно регламентируются Федеральным законом «О транспортной безопасности», иными законами и подзаконными нормативными правовыми актами. Многие действующие нормативно-правовые акты, регламентирующие в том числе вопросы транспортной безопасности, устарели.

Бесспорно, вопросы правового регулирования на международном и государственном уровне условий безопасной работоспособности транспортных средств относятся к числу ведущих проблем обеспечения транспортной безопасности²², так как противодействие преступности и комплекс мероприятий, направленных на обеспечение транспортной безопасности, должны реализовываться в строгом соответствии с зако-

¹⁸ Матыцин Д.Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг // Право и практика. 2020. № 2. С. 136—140.

¹⁹ Зайкова С.Н. Функции государственной системы обеспечения транспортной безопасности // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 129.

²⁰ Конвенция о международной гражданской авиации: заключена в г. Чикаго 07.12.1944 (с изм. и доп., вступившими в силу на 01.01.2000). Документ опубликован не был.

²¹ Международная конвенция о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года (ПДНВ/STCW): заключена в г. Лондоне 07.07.1978 (ред. от 25.11.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2022).

²² Ившукова О.В. Указ. соч. С. 124.

нодательством²³. Однако не всегда участники общественных отношений, связанных с обеспечением транспортной безопасности, владеют соответствующими правовыми знаниями.

В этой связи представляется целесообразным создание официального сайта Министерства транспорта РФ или соответствующего раздела сайта, где будут в доступной форме представлены информационные материалы и рекомендации правового характера, раскрывающие права, обязанности лиц и возможные виды юридической ответственности за совершение противоправного акта в рассматриваемой сфере.

Также к числу действенных относят правовую пропаганду в виде лекций по соблюдению и разъяснению действующих на транспорте правил и ответственности, предусмотренной за их нарушение, короткометражных роликов и видео, представленных в том числе в социальных сетях.

В качестве актуальных называется проблема правового регулирования организации полетов беспилотников в целях предотвращения столкновения их между собой и с воздушными судами. Отмечается необходимость внести в Воздушный кодекс Российской Федерации нормы, определяющие условия эксплуатации и применения беспилотных авиационных систем, программ и технических средств подготовки персонала, правила и процедуры сертификации и т. д.

Организационно-управленческие меры включают мероприятия по повышению качества подготовки лиц, управляющих транспортными средствами, их своевременной переподготовке и повышению квалификации в целях устранения риска снижения уровня профессионального образования. Согласно мнению экспертов и результатам прокурорских проверок зачастую причиной транспортных катастроф признается несовершенство подготовки.

Так, отмечается, что «причиной катастрофы с самолетом „Боинг-737-500“ в Казани в 2013 г., в которой погибли 50 человек, явилось несовершенство системы подготовки пилотов — пилоты не были обучены процедуре ухода на второй круг, пилотами не была пройдена первоначальная теоретическая подготовка командиров воздушного судна, были сфальсифицированы документы о переобучении без прохождения

²³ Клюквин Н.Н. Защита от актов незаконного вмешательства на железных дорогах // Транспорт Российской Федерации. 2016. № 2-3. С. 46.

необходимой подготовки»²⁴. Также в качестве причины катастрофы 5 мая 2019 г. с самолетом Sukhoi Superjet 100 Следственный комитет РФ назвал «недостаточную квалификацию пилотов, диспетчеров и лиц, проводивших технический осмотр борта»²⁵.

Специалисты в качестве проблемы отмечают низкую квалификацию инструкторов, обучающих членов экипажей и дающих им допуск к самостоятельной работе; передачу руководства авиакомпаниями менеджерам, далеким от авиации; пренебрежительное отношение к профessionалам, которые пополняют ряды уволенных; отсутствие единого органа, отвечающего за обеспечение безопасности полетов и др. Бессспорно, что проблема обеспечения транспорта высококвалифицированными специалистами связана с их подготовкой: выделением средств на образование, стимулированием и повышением его качества, приведением материально-технической базы образовательного процесса в соответствие современным требованиям²⁶. В этой связи в 2018 году были внесены изменения в приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15.07.2011 № 211, которыми было обращено внимание на необходимость надзора за исполнением законов в области подготовки специалистов авиационного персонала гражданской авиации, работников железнодорожного и водного транспорта²⁷.

Также к числу организационных проблем относятся вопросы организации и проведения качественного технического обслуживания и ремонта транспортных средств, а также совершенствование надзора и контроля за техническим состоянием транспортных средств, поскольку в России наблюдается ухудшение техничес-

²⁴ Журин А. Нештатная ситуация? // Воздушный транспорт гражданской авиации. 2016. № 1-2. С. 4.

²⁵ Человеческий фактор или неисправность техники. Что могло стать причиной катастрофы SSJ100 // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/05/06/800854-chelovecheskii-faktor-ssj100> (дата обращения: 14.06.2022).

²⁶ Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности на транспорте: монография / Л.И. Александрова [и др.]; Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019. С. 96—122.

²⁷ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 18.07.2018 № 441 «О внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генеральной прокуратуры Российской Федерации по вопросам надзора за исполнением законов образовательными организациями» // Законность. 2018. № 9.

кого состояния объектов транспортной инфраструктуры, транспортных средств, гидротехнических сооружений, связанное с их износом, что влечёт за собой снижение уровня безопасности при их эксплуатации, повышение риска возникновения чрезвычайных ситуаций, техногенных катастроф. Имеются сведения о случаях катастроф легких воздушных судов, причиной которых называется износ авиационной техники и пренебрежение требованиями закона в угоду коммерческим интересам²⁸.

Культурно-воспитательные меры направлены на развитие моральных качеств у всех участников анализируемых общественных отношений. К числу таких участников ученые относят студентов транспортных вузов, у которых наличие подобных моральных и нравственных качеств будет способствовать правомерному поведению.

Меры научного обеспечения предопределяют осуществление фундаментальных и прикладных исследований, изучение зарубежного опыта, а также внедрение полученных результатов научных рекомендаций в практику уполномоченными субъектами транспортной безопасности и правоохранительными органами, выполняющими свои функции на транспорте, поскольку повышение эффективности противодействия преступности возможно с помощью научного осмыслиения всех ее сторон, во всех формах ее проявления²⁹.

Информационные меры (противодействие кибератакам, создание системы информационного обеспечения безопасности населения на транспорте, в том числе автоматизированные централизованные базы персональных данных о пассажирах и персонале (экипаже) транспортных средств (АЦБПДП)³⁰, информирование

²⁸ Козлов В.В. Практика прокурорского надзора за исполнением законов о безопасности эксплуатации малой авиации // Прокурорский надзор за исполнением законов на транспорте: сборник научно-практических материалов по результатам семинара по обмену опытом слушателей, обучавшихся на потоке повышения квалификации транспортных прокуроров (на правах прокуроров районов) (г. Москва, 20 марта 2015 г.) / под общ. ред. Н.Н. Карпова; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2015. С. 41.

²⁹ Ившукова О.В. Указ. соч. С. 128.

³⁰ Чеботарева А.А. Правовые аспекты создания и функционирования государственных информационных систем Минтранса России: автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС» и единой государственной системы обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3. С. 66—71.

населения о мерах транспортной безопасности, о состоянии и тенденциях преступности на объектах транспорта и т. д.). К сожалению, отмечается рост кибератак на деятельность транспорта. Между тем специалисты говорят об отсутствии опыта борьбы с ними. В этой связи необходима реализация совокупности мер для обеспечения кибербезопасности — от выявления объектов критической информационной инфраструктуры до подготовки специалистов и создания нормативной базы.

В качестве одного из приоритетных направлений профилактики отмечается обеспечение экологической безопасности, имеющей характер общемировой. В этой связи не только образованы специальные международные институты, занимающиеся этими проблемами, причем в зависимости от вида транспорта, но и разработано соответствующее международное законодательство. В России статистические данные свидетельствуют о том, что значимость данного направления постоянно возрастает. Необходимо предупреждение экологических катастроф, связанных с эксплуатацией транспорта, в частности с разливами нефти, других опасных грузов.

Реализуемые общесоциальные меры имеют достаточно широкий спектр действия и оказывают влияние на различные виды детерминант преступности. Но несмотря на бесспорную важность общесоциального предупреждения преступлений, посягающих на транспортную безопасность, на практике основная профилактическая деятельность реализуется на специально-криминологическом и индивидуальном уровнях, поскольку они направлены на недопущение, устранение, минимизацию или нейтрализацию криминогенных факторов, порождающих как преступления, совершаемые на транспорте, в целом, так и конкретные их проявления с использованием специальных знаний, умений, сил и средств. В этой связи предпринимаемые криминологические меры данных уровней способны оказать воздействие на криминогенные факторы и на показатели преступности³¹.

Специально-криминологическое предупреждение принято подразделять на общее и индивидуальное, что предопределяется как природой преступности, так и особенностями ее детерминации.

Также, ввиду многообразия и сложности преступлений, посягающих на транспортную безопасность, в практической деятельности

³¹ Коробеев А.И. Указ. соч. С. 394—406.

предлагается систему реализуемых специальных криминологических мер подразделять на виды в зависимости от направленности совершаемых преступлений, т. е. на криминологические меры, направленные на предупреждение преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта; преступлений, связанных с транспортными средствами и объектами транспортной инфраструктуры; воинских транспортных преступлений. Ввиду же ограниченного объема работы остановимся на характеристике наиболее важных в рамках нашего исследования, по нашему мнению, специальных криминологических мерах. Необходимо понимать, что данные меры также относятся к числу правовых, организационно-управленческих, технических и мер иного характера. Особенностью данных мер является то, что они связаны с деятельностью конкретных субъектов, осуществляющих профилактику, предотвращение и пресечение в сфере безопасности на объектах транспортной инфраструктуры.

К специально-криминологическим мерам³² предлагаем отнести следующие.

В соответствии с действующим законодательством обеспечение транспортной безопасности осуществляется государством не только в лице правоохранительных органов, но и посредством ведомственной охраны, создание которой, согласно статьям 5 и 8 Федерального закона «О ведомственной охране» и Постановлению Правительства РФ от 12.07.2000 № 514 «Об организации ведомственной охраны»³³, предусмотрено Министерством транспорта Российской Федерации³⁴, Федеральным агентством железнодорожного транспорта³⁵, а также в определенных законодательством случаях аккредитованными организациями. Проведенное среди сотрудников правоохранительных органов исследование свидетельствует о низком уровне взаимодействия

³² Базаров М.Н. Указ. соч. С. 9, 20–22.

³³ Постановление Правительства РФ от 12.07.2000 № 514 (ред. от 22.05.2020) «Об организации ведомственной охраны» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 29. Ст. 3100.

³⁴ Постановление Правительства РФ от 11.10.2001 № 743 (ред. от 21.11.2019) «Об утверждении Положения о ведомственной охране Министерства транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 46. Ст. 4355.

³⁵ Постановление Правительства РФ от 27.06.2009 № 540 (ред. от 03.08.2018) «Об утверждении Положения о ведомственной охране Федерального агентства железнодорожного транспорта» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 27. Ст. 3363.

между правоохранительными органами и транспортными организациями, в том числе из-за формальности проводимых совместных превентивных мероприятий (62 % опрошенных сотрудников ОВД на транспорте).

Также в целях конкретизации субъектов, на которых возлагается обязанность по обеспечению транспортной безопасности, предлагается уточнение понятия «подразделение транспортной безопасности», закрепленного в п 7.1. ст. 1 Федерального закона № 16-ФЗ «О транспортной безопасности». После слов «в установленном порядке» предлагается заменить слова «юридические лица» словами «частные охранные организации, а также подразделения вневедомственной охраны», что позволило бы отразить сложившуюся современную практику³⁶.

Также необходимо разрешить ряд следующих организационно-управленческих мер:

- взаимный обмен криминологической информацией между правоохранительными органами и подразделениями ведомственной или вневедомственной охраны, частными охранными организациями, в том числе посредством создания единой базы данных; также возможно проведение совместных совещаний, инструктажей и иных мероприятий, направленных на выработку согласованных действий по предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений³⁷;
- взаимодействие по вопросам профилактики и противодействию административным правонарушениям и преступлениям на объектах транспортной инфраструктуры лиц, не достигших совершеннолетия, между сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних ОМВД России на транспорте и территориальными органами полиции, иными органами системы профилактики в соответствии со ст. 9 Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»³⁸, закрепляющей гарантию незамедлительного обмена информацией; при

³⁶ Ившукова О.В. Указ. соч. С. 130.

³⁷ Базаров М.Н. Указ. соч. С. 9, 21.

³⁸ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.

этом необходим прокурорский надзор в части исполнения данной обязанности³⁹;

- расширение круга субъектов, включенных в процесс обеспечения транспортной безопасности (общественные организации и др.), в профилактическую деятельность — так, 42 % респондентов согласились с утверждением, что имеющиеся ресурсы правоохранительной системы не позволяют эффективно реагировать на существующие криминальные риски и угрозы;
- вовлечение работников транспортной инфраструктуры в процесс предупреждения преступлений (своевременное предоставление юридически значимой информации, информирование о новых способах совершения преступлений, о фактах латентных преступлений и т. д.).

К числу профилактических мероприятий *технического характера* возможно отнести оборудование современными техническими средствами защиты отдельных видов транспортных средств; использование средств блокирования вагонов, контейнеров, транспортных средств в целях ограничения доступа посторонних лиц к материальным ценностям; установку дополнительного оборудования связи для сообщения о критической ситуации на объектах транспортной инфраструктуры, а также непрерывной видеозаписи для фиксации происходящего.

Криминологические меры в сфере обеспечения *информационной безопасности* приобретают особую важность в современных условиях и образуют самостоятельное направление. К сожалению, анализ результатов прокурорских проверок свидетельствует, что к типичным нарушениям относится неисполнение нормативных требований по обеспечению транспортной безопасности (то есть не проводится оценка уязвимости транспортных объектов); несоблюдение сроков проведения этой оценки и порядка реализации планов обеспечения транспортной безопасности; отсутствие категорий у эксплуатируемых объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств и сертифицированных технических средств; отступления от порядка охраны и защиты объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств силами подразделений транспортной безопасности и т. д.; нефункционирование или ненадлежащее функционирование досмотрового и другого оборудования, используемого для целей транс-

портной безопасности (тревожные кнопки, видеонаблюдение, инженерно-технические системы и т. д.); наличие открытого или свободного доступа в зоны транспортной безопасности⁴⁰. Так, например, в октябре 2019 года сотрудники службы безопасности аэропорта Шереметьево при досмотре вещей не заметили травматического пистолета, который впоследствии был пронесен пассажиром на борт самолета в ручной клади⁴¹.

В рамках специальных криминологических мер сотрудниками правоохранительных органов и иными субъектами обеспечения транспортной безопасности реализуются мероприятия по правовому воспитанию граждан, индивидуальных предпринимателей, руководителей юридических лиц, в том числе посредством их информирования о наиболее распространенных способах совершения преступлений на транспортных средствах, объектах транспортной инфраструктуры, в сфере обеспечения транспортной безопасности в целом, а работников в сфере транспорта — об ответственности и последствиях совершения преступлений, мерах, которые могут быть к ним применены.

Важную роль имеет патриотическое воспитание молодежи посредством привлечения правоохранительными органами молодых людей к участию в молодежных объединениях правоохранительной направленности, осуществляющих свою деятельность на объектах транспортной инфраструктуры (отряды юных друзей полиции, народные дружины).

Реализация специальных криминологических мер на индивидуальном уровне предполагает воздействие на детерминанты, способные вызвать совершение преступления в сфере транспортной безопасности конкретным лицом, как уже совершившим преступление, так и склонным к его совершению, т. е. с учетом криминологических особенностей личности преступника.

В качестве самостоятельного направления реализации криминологических мер в сфере обеспечения транспортной безопасности выделяется виктимологическая профилактика, отдельные проблемы которой нашли отражение в криминологии. Практическая реализация мер

³⁹ Информация Московской межрегиональной транспортной прокуратуры за 2017 г. № Исуб7/1-186-2018.

⁴¹ На борт с пистолетом: как в Шереметьево не уследили за пассажиром // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/10/11/12750242.shtml> (дата обращения: 18.08.2022).

³⁹ Ившукова О.В. Указ. соч. С. 134—137.

виктимологической профилактики достаточно низкая.

В рамках виктимологической профилактики в исследуемой сфере реализуется совокупность мер, направленных на установление виктимогенных факторов и нейтрализацию соответствующих ситуаций, а также потенциальных жертв преступлений. Между тем в рамках виктимологической профилактики возникают трудности с определением потенциальных жертв преступлений, поскольку помимо жертв общеголовных преступлений, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры, возможно выделить круг лиц, участвующих в перевозках не как пассажиры, а в роли грузоотправителя, грузоперевозчика, грузополучателя. Ввиду достаточно широкого круга преступлений, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры, образуется еще более широкий перечень возможных жертв преступлений. В этой связи представляется необходимым реализовывать профилактические мероприятия по двум основным направлениям: 1) повышение уровня безопасности нахождения на объектах транспортной инфраструктуры и 2) повышение информированности потенциальных потерпевших о транспортных преступлениях, виктимных ситуациях и виктимогенных факторах, способствующих их виктимизации, а также способах предотвращения.

Представляется, что одним из эффективных средств профилактики выступает информирование прибывающих граждан о совершаемых распространенных преступлениях на объектах транспорта, способах их совершения, о мерах виктимологической профилактики и порядке обращения в правоохранительные органы в случае, если они стали жертвой преступления⁴². Информирование возможно осуществлять посредством распространения информационно-агитационных плакатов, специальных буклетов, листовок, книг, брошюров, социальных видео, голосовых сообщений на вокзалах, аэропортах, бегущей строки с информацией. То есть для распространения криминологически значимой информации можно использовать информационные службы на вокзалах, телевидение, Интернет, сотовую связь.

В заключение еще раз отметим, что обеспечение транспортной безопасности — это сложный и непрерывный процесс, предполагающий системную, планомерную и комплексную рабо-

ту уполномоченных субъектов обеспечения транспортной безопасности.

Криминологические меры обеспечения транспортной безопасности — это система общесоциальных и специально-криминологических мер предупреждения преступности в сфере обеспечения транспортной безопасности, включающая совокупность экономических, правовых, организационно-управленческих, культурно-воспитательных, информационных, виктимологических и иных мероприятий, направленных на снижение транспортной преступности и минимизацию ее социальных последствий.

Список литературы

1. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М.: Норма, 2001. ХII, 481 с.
2. Базаров М.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых на железнодорожных вокзалах сверхкрупного города (по материалам г. Москвы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2011. 24 с.
3. Гончарова М.В. Рецидив корыстных преступлений и его предупреждение: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2014. 457 с.
4. Зайкова С.Н. Функции государственной системы обеспечения транспортной безопасности // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 2. С. 128—133. doi: 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.17.
5. Ившукова О.В. Кражи грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта: характеристика и предупреждение (региональный аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2018. 200 с.
6. Клюквин Н.Н. Защита от актов незаконного вмешательства на железных дорогах // Транспорт Российской Федерации. 2016. № 2-3. С. 45—48.
7. Козлов В.В. Практика прокурорского надзора за исполнением законов о безопасности эксплуатации малой авиации // Прокурорский надзор за исполнением законов на транспорте: сборник научно-практических материалов по результатам семинара по обмену опытом слушателей, обучавшихся на потоке повышения квалификации транспортных прокуроров (на правах прокуроров районов) (г. Москва, 20 марта 2015 г.) / под общ. ред. Н.Н. Карпова; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2015. С. 41.

⁴² Базаров М.Н. Указ. соч. С. 21.

8. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 486 с.

9. Криминология: учебник / Н.Н. Кондрашков, Б.А. Коробейников, Н.Ф. Кузнецова [и др.]; под ред. Б.В. Коробейникова, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Юридическая литература, 1988. 383 с.

10. Ларичев В.Д. Общесоциальное предупреждение преступности. Что это, вид криминологического предупреждения преступности или просто поступательное развитие общества? (Постановка вопроса) // Общество и право. 2011. № 1. С. 130—133.

11. Матыцин Д.Е. Цифровые технологии реализации гражданско-правовых сделок: договор репо на инвестиционные активы рынка ценных бумаг // Право и практика. 2020. № 2. С. 136—140.

12. Попова М.А., Попов Д.А. О некоторых проблемах системы обеспечения транспортной безопасности России // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвященной 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича, 24 марта 2017 года: в 3 частях / под ред. Ю.Е. Аврутиной, А.И. Каплунова. Ч. 3. СПб: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2017. С. 203—208.

13. Прокурорский надзор за исполнением законов о безопасности на транспорте: монография / Л.И. Александрова [и др.]; Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019. 372 с.

14. Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, крушений железнодорожного транспорта и авиационных катастроф / Е.П. Ищенко, В.Д. Корма, А.И. Чучаев, В.Е. Эминов. М.: Юрлитинформ, 2014. 220 с.

15. Чеботарева А.А. Правовые аспекты создания и функционирования государственных информационных систем Минтранса России: автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС» и единой государственной системы обеспечения транспортной безопасности // Транспортное право и безопасность. 2016. № 3. С. 66—71.

References

- Alekseev, A.I., Gerasimov, S.I. & Suharev, A.Ja. (2001) Kriminologicheskaja profilaktika: teorija, opyt, problemy [Criminological prevention: theory, experience, problems]. Mono-graph. Moscow, Norma, XII, 481 p. (In Russ.).
- Bazarov, M.N. (2011) Kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh na zheleznodorozhnyh vokzalah sverhkrupnogo goroda (po materialam g. Moskvy) [Criminological characteristics and prevention of crimes committed at railway stations of a super-large city (based on the materials of Moscow)]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 24 p. (In Russ.).
- Goncharova, M.V. (2014) Recidiv korystnyh prestuplenij i ego preduprezhdenie [Recidivism of mercenary crimes and its prevention]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 457 p. (In Russ.).
- Zaikova, S.N. (2021) Funkcii gosudarstvennoj sistemy obespechenija transportnoj bezopasnosti [The functions of the state transport security system]. *Legal Concept*, vol. 20, no. 2, pp. 128–133. (In Russ.). doi: 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.17.
- Ivushkina, O.V. (2018) Krazhi gruzov iz podvizhnogo sostava zheleznodorozhnoj transporta: harakteristika i preduprezhdenie (regional'nyj aspekt) [Theft of goods from railway rolling stock: characteristics and prevention (regional aspect)]. Ph. D. thesis. Irkutsk, 200 p. (In Russ.).
- Kljukvin, N.N. (2016) Zashchita ot aktov nezakonnogo vmeshatel'stva na zheleznyh dorgah [Protection from acts of unlawful interference on railways]. *Transport Rossijskoj Federacii*, no. 2-3, pp. 45–48. (In Russ.).
- Kozlov, V.V. (2015) Praktika prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o bezopasnosti jekspluatacii maloj aviacii [Practice of prosecutorial supervision over the execution of laws on the safety of operation of small aircraft]. In: Karpov, N.N. (ed.) *Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonov na transporte. Sbornik nauchno-prakticheskikh materialov po rezul'tatam seminara po obmenu optyom slushatelej, obuchavshihja na potoke povyshenija kvalifikacii transportnyh prokurorov (na pravah prokurorov rajonov)*, March 20, 2015. Moscow, Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, p. 41. (In Russ.).
- Korobeev, A.I. (2015) Transportnye prestuplenija i transportnaja prestupnost' [Transport

- crimes and transport crime]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 486 p. (In Russ.).
9. Korobejnikov, B.V., Kuznecova, N.F. & Min'kovskij, G.M. (eds.) (1988) *Kriminologija [Criminology]*. Textbook. Moscow, Juridicheskaja literatura, 383 p. (In Russ.).
10. Larichev, V.D. (2011) *Obshhesocial'noe preduprezhdenie prestupnosti. Chto jeto, vid kriminologicheskogo preduprezhdenija prestupnosti ili prosto postupatel'noe razvitie obshhestva? (Postanovka voprosa)* [General social crime prevention. What is it, a kind of criminological crime prevention or just the progressive development of society? (Statement of the question)]. *Society and Law*, no. 1, pp. 130–133. (In Russ.).
11. Matytsin, D.E. (2020) *Cifrovye tehnologii realizacii grazhdansko-pravovyh sdelok: dogovor repo na investicionnye aktivy rynka cennyh bumag* [Digital technologies for the implementation of civil-legal transactions: repo agreement for securities market investment assets]. *Pravo i praktika*, no. 2, pp. 136–140. (In Russ.).
12. Popova, M.A. & Popov, D.A. (2017) *O nekotoryh problemah sistemy obespechenija transportnoj bezopasnosti Rossii* [On some problems of the transport security system of Russia]. In: Avrutin, Ju.E. & Kaplunov, A.I. (eds.) *Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava. Sbornik statej po materialam ezhegodnoj userossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sorokinskie chtenija)*, March 24, 2017. Part 3. Saint Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 203–208. (In Russ.).
13. Aleksandrova, L.I. [et al.] (2019) *Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonov o bezopasnosti na transporte* [Prosecutor's supervision over the implementation of laws on transport safety]. Monograph. Moscow, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 372 p. (In Russ.).
14. Ishhenko, E.P., Korma, V.D., Chuchaev, A.I. & Jeminov, V.E. (2014) *Rassledovanie i preduprezhdenie dorozhno-transportnyh proisshestvij, krushenij zheleznodorozhного transporta i aviacionnyh katastrof* [Investigation and prevention of road accidents, rail transport crashes and aviation disasters]. Moscow, Jurlitinform, 220 p. (In Russ.).
15. Chebotareva, A.A. (2016) *Pravovye aspekty sozdaniya i funkcionirovaniya gosudarstvennyh informacionnyh sistem Mintransa Rossii: avtomatizirovannoj informacionnoj sistemy «JeRA-GLONASS» i edinoj gosudarstvennoj sistemy obespecheniya transportnoj bezopasnosti* [Legal aspects of creation and functioning of the state information systems of the Ministry of Transport of the Russian Federation: AIS of “ERA-GLO-NASS” and uniform state system of ensuring transport safety]. *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, no. 3, pp. 66–71. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Борисов – заведующий кафедрой «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Borisov – Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 87–94.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 87–94.

УДК 343.32
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.008

NIION: 2015-0065-03/22-061
MOSURED: 77/27-010-2022-03-260

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Молодёжь России в системе противодействия киберэкстремизму

Василий Васильевич Бычков

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, bychkov_vasilij@bk.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты анонимного анкетирования школьников, студентов гражданских вузов, кадет и курсантов вузов в системе МВД России и СК России, проведенного Московской академией Следственного комитета Российской Федерации в рамках научного исследования по теме «Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета».

Приведены статистические данные по преступлениям экстремистской направленности за период с 2004 по 2021 г. и преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, с 2017 по 2021 г.

Определена степень понимания детьми и молодыми людьми терминов «политика», «раса», «идеология», «национализм», «религия», «социальная группа», «экстремизм», «молодежный экстремизм» и сущности экстремистской ненависти и вражды и экстремистского преступления, их умения различать ненависть и вражду политическую, расовую, идеологическую, национальную, религиозную, в отношении социальных групп.

Сформулированы причины и условия совершения экстремистских деяний каждого вида. Предложены меры профилактики экстремизма всех видов.

Ключевые слова: экстремизм, молодежный экстремизм, преступления экстремистской направленности, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, компьютер, мобильная телефония, школьники, кадеты, студенты, курсанты, опрос, анкетирование, причины, условия, профилактика, меры предупреждения

Для цитирования: Бычков В.В. Молодёжь России в системе противодействия киберэкстремизму // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 87–94. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.008.

Russian youth in the system of countering cyber extremism

Vasily V. Bychkov

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, bychkov_vasilij@bk.ru

Abstract. The article presents the results of an anonymous survey of schoolchildren, students of civil universities and cadets of universities in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the IC of Russia conducted by the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation as part of a scientific study "Countering extremist crimes committed using information and telecommunications networks, including the Internet."

The author provides statistical data on extremist crimes for the period from 2004 to 2021 and crimes committed using information and telecommunication networks from 2017 to 2021.

The article defines the degree of understanding by children and young people of the terms "politics, race, ideology, nationalism, religion, social group, extremism, youth extremism" and the essence of extremist hatred and enmity and extremist crime, their ability to identify hatred and enmity – political, racial, ideological, national, religious, in relation to social groups.

The author formulates the reasons and conditions for the commission of extremist acts of each type and suggests measures to prevent extremism of all types.

Keywords: extremism, youth extremism, extremist crimes, information and telecommunication networks, Internet, computer, mobile telephony, schoolchildren, cadets, students, military students, survey, questionnaire, causes, conditions, prevention, preventive measures

For citation: Bychkov, V.V. (2022) Russian youth in the system of countering cyber extremism. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 87–94. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.008.

© Бычков В.В., 2022

В стране последние десятилетия отмечается стабильный рост преступлений экстремистской направленности, то есть общественно опасных деяний, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы¹.

С 2004 по 2017 г. количество преступлений экстремистской направленности увеличилось почти в 12 раз — со 130 до 1521². В 2018 г. было отмечено некоторое снижение — до 1265, а в 2019 г. этот показатель еще больше сократился, в связи с декриминализацией впервые совершенных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ, — до 585. Однако в последние годы опять фиксируется тенденция увеличения количества этих преступлений: если в 2020 г. было зафиксировано 833 преступления, то в 2021 г. — уже 1057.

Причем в последние годы фиксируется увеличение преступлений данного вида с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет и мобильной телефонии³.

В стране в результате всеобщей компьютеризации на начало 2021 г. количество интернет-пользователей составило 124 млн (118 млн на начало 2020 г.), или 86 % граждан⁴. При этом численность аудитории социальных сетей составила 99 млн пользователей (70 млн на начало 2020 г.) — 53 % от всего населения страны. В январе 2021 г. насчитывалось 228,6 млн мобильных устройств с выходом в Интернет. Количество мобильных подключений по отношению к общей численности населения России составило 156,7 %. При этом у многих людей более одного мобильного устройства с выходом

¹ Бычков В.В. Идентификация признаков и расследование преступлений экстремистского характера: монография. М., 2020.

² Здесь и далее информация с официального сайта МВД России. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.02.2022).

³ Бычков В.В. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений экстремистской направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 43—46.

⁴ Здесь и далее: Интернет и соцсети в России в 2021 году — вся статистика. URL: <https://www.webcanape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika> (дата обращения: 12.02.2022).

в Интернет, поэтому количество мобильных подключений может превышать 100 % от общей численности населения.

Цифровизация населения привела к быстрому росту преступности с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий. Если в 2017 г. было отмечено 90 587 преступлений данного вида⁵, то в следующем, 2018 г. — уже 174 674 (рост 92,8 %), в 2019 г. — 294 409 (увеличение на 68,5 %), в 2020 г. — 510 396 (+42,4 %), в 2021 г. — 517 722 (+1,4 %). То есть за пять лет произошел рост преступности данного вида более чем в пять раз. Растет и количество выявленных лиц, совершивших данные преступления: в 2018 г. — 24 002 чел., в 2019 г. — 44 148 (рост 84 %), в 2020 г. — 65 665 (+48,7 %), в 2021 г. — уже 86 696.

К сожалению, противодействие экстремистским проявлениям до настоящего времени остается неэффективным. А в последние годы сложность борьбы с данным явлением усугубляется все большим вовлечением в эту противоправную деятельность детей⁶ и молодежи⁷, при этом с использованием экстремистами Интернета и мобильной телефонии⁸.

Лучшим способом противодействия экстремизму в общем и киберэкстремизму в частности является его профилактика, которая, в свою

⁵ Здесь и далее информация с официального сайта МВД России. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 12.02.2022).

⁶ Социально-демографическая группа лиц в возрасте до 14. (См.: Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7185.)

⁷ Молодежь, молодые граждане — социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно. (Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1, ч. 1. Ст. 28. См. п. 1 ст. 2.)

⁸ Багмет А.М., Бычков В.В. Расследование массовых беспорядков, в том числе с участием несовершеннолетних, и вовлечения в них несовершеннолетних: учебное пособие. М., 2021; Бычков В.В. Протестные акции как форма проявления экстремизма // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4. С. 57—62; Бочкарева Е.В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 144—150.

очередь, строится на основе анализа его причин и условий⁹.

В рамках научного исследования по теме «Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе Интернета», проводимого Московской академией Следственного комитета Российской Федерации, осуществлено анонимное анкетирование детей и молодых людей, которые высказали свое мнение о причинах и условиях экстремистских проявлений в стране и о мерах профилактики киберэкстремизма.

В анкетировании приняли участие 1206 детей и молодых людей: школьники с 4-го (10—11 лет) по 11-й класс, студенты гражданских вузов, кадеты и курсанты вузов МВД и СК России из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Сочи, Екатеринбурга, Челябинска, Оренбурга, Новосибирска, Хабаровска.

В возрастном отношении: до 14 лет — 5 %, от 15 до 18 лет — 40 %, от 19 до 25 лет — 54 %, свыше 25 лет — 1 %. Из них школьники — 5 %, кадеты — 25 %, студенты гражданских вузов — 26 % и курсанты правоохранительных вузов — 44 %. Школьники: 5 класс — 5 %, 6 — 0,5 %, 7 — 2,5 %, 8 — 9 %, 9 — 15 %, 10 — 29 %, 11 — 39 %. Студенты и курсанты: 1 курс — 21 %, 2 — 31 %, 3 — 22 %, 4 — 16 %, 5 — 10 %.

Почти у всех опрошенных детей и молодых людей имеется в наличии компьютер (92 %). Больше трети знают, что такое информационно-телекоммуникационные сети (79 %) и свой мобильный телефон используют как компьютер (77 %).

Почти все опрошенные дети и молодые люди ориентируются в понятиях «политика» (98 %), «раса» (97 %), «идеология» (95 %), «национализм» (97 %), «религия» (99 %), «социальная

⁹ Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учебное пособие / под ред. А.М. Багмета. М., 2020; Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 20—23; Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53—60; Ситникова М.П. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 84—92; Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 6. С. 72—74.

группа» (98 %), «экстремизм» (94 %) и понимают сущность экстремистского преступления (90 %). При этом знают, что экстремистские преступления могут совершаться с использованием Интернета и мобильных телефонов (87,5 %).

Большинство понимают, что такое экстремистская ненависть и вражда (80 %), при этом различают ненависть и вражду политическую (89 %), расовую (92,5 %), идеологическую (86 %), национальную (91 %), религиозную (91,5 %), в отношении социальных групп (89,5 %), а также понимают термин «молодежный экстремизм» (79 %).

К основным причинам политической ненависти и вражды отнесены:

- неприятие действующей государственной власти (57 %);
- негативное отношение к политикам (38,5 %);
- негативное отношение к политическим партиям (37 %);
- совершение противоправных действий политиками (35,5 %).

Кроме того, названы другие причины:

- несовпадение политических взглядов друг друга;
- продвижение собственных политических интересов;
- затуманивание разума людей псевдооппозицией;
- конфликт различных политических сил и течений;
- намерение определенных политических сил с помощью хаоса добиться нового передела власти.

К основным условиям политической ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (49 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (31,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами политической ненависти и вражде (24 %).

Кроме того, названы другие условия:

- правовая и политическая безграмотность населения;
- решения органов власти;
- невозможность решения проблемы дипломатическим путем;
- недоверие к правоохранительным и политическим элементам.

К основным причинам расовой ненависти и вражды отнесены:

- негативное отношение к представителям других рас (62,5 %);
- неприятие других рас (47,5 %);
- безнаказанность представителей других рас при совершении ими противоправных действий (30,5 %).

Кроме того, названы другие причины:

- неэффективная миграционная политика государства;
- противоправные действия в отношении коренных жителей;
- искусственное формирование общественного мнения с целью возбуждения расовой ненависти;
- исторически сложившиеся предрассудки.

К основным условиям расовой ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (41,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами расовой ненависти и вражде (31 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (25,5 %).

К основным причинам идеологической ненависти и вражды отнесены:

- неприятие другой идеологии (53 %);
- негативное отношение к носителям другой идеологии (52,5 %);
- совершение носителями другой идеологии противоправных действий (29 %).

Кроме того, указано:

- искусственное насаждение исключительности какой-либо идеологии;
- стремление к гегемонии одной идеологии;
- противоправные действия представителей другой идеологии, которые влекут опасные последствия.

К основным условиям идеологической ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (38,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами идеологической ненависти и вражде (26 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (25,5 %).

Кроме того, названы другие условия:

- политический кризис;
- сложившийся менталитет и культура.

К основным причинам национальной ненависти и вражды отнесены:

- негативное отношение к представителям других национальностей (60 %);

- неприятие других национальностей (51 %);
- совершение представителями других национальностей противоправных действий (36 %).

Кроме того, названы другие причины:

- пропаганда национальной ненависти в СМИ;
- узкий и скучный спектр мышления некоторых индивидуумов.

К основным условиям национальной ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (45 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами национальной ненависти и вражде (30 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (28 %).

Кроме того, названы другие условия:

- стереотипное мышление;
- исторические факты;
- непонимание правил поведения представителей других национальностей;
- сложившийся менталитет и культура.

К основным причинам религиозной ненависти и вражды отнесены:

- негативное отношение к верующим других религиозных течений (57 %);
- неприятие другого вероисповедания (54,5 %);
- совершение верующими других религиозных течений противоправных действий (32 %).

Кроме того, названы другие причины:

- необразованность некоторых граждан, которой пользуются деструктивные силы;
- узкий и скучный спектр мышления некоторых индивидуумов;
- стремление насадить свою религию.

К основным условиям религиозной ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (38,5 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (27,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами религиозной ненависти и вражде (26,5 %).

Кроме того, названы другие условия:

- нетерпимость некоторых людей к представителям других религий;
- различные трактовки мировосприятия различных религий;
- повсеместное насаждение религий.

К основным *причинам* ненависти и вражды в отношении *социальных групп* отнесены:

- негативное отношение к представителям социальных групп (55,5 %);
- неприятие определенных социальных групп (51 %);
- совершение представителями социальных групп противоправных деяний (33 %).

Кроме того, названы другие причины:

- узкий и скучный спектр мышления некоторых индивидуумов;
- отсутствие толерантности;
- агитация против существования этих групп в СМИ;
- разногласия между социальными группами.

К основным *условиям* ненависти и вражды в отношении *социальных групп* отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (46,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами ненависти и вражде в отношении социальных групп (28,5 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (28 %).

Кроме того, названы другие условия:

- большая самореклама социальных групп;
- несоответствие интересов социальных групп.

К основным *причинам* молодежной ненависти и вражды отнесены:

- психологический фактор — агрессия, свойственная психологии молодежи, активно используется лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности (54 %);
- пропаганда радикальными организациями ненависти и вражды по экстремистским мотивам (31,5 %);
- вовлечение молодежи в криминальные сферы бизнеса (29 %);
- рост национализма и сепаратизма (20,5 %);
- обострение социальной напряженности в молодежной среде — проблемы уровня и качества образования, выживания на рынке труда, социального неравенства и т. д. (5,5 %).

Кроме того, названы другие причины:

- стадное чувство;
- узкий и скучный спектр мышления некоторых индивидуумов;
- разногласия.

К основным *условиям* молодежной ненависти и вражды отнесены:

- социально-экономическая ситуация в стране (44,5 %);

- развитие Интернета и мобильной телефонии (29,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами молодежной ненависти и вражде (26 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (23 %).

Кроме того, названы другие условия:

- отсутствие контакта представителей власти, представителей взрослого поколения с молодежью;
- пошатнувшееся отечественное воспитание на фоне веяний западной культуры;
- активная пропаганда и навязывание молодежи ложных ценностей;
- поведение их близких;
- личная неприязнь;
- несоответствие интересов.

К основным *причинам преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием Интернета*, отнесены:

- пропаганда экстремистскими организациями ненависти и вражды по экстремистским мотивам (48 %);
- кажущаяся анонимность с целью избежать ответственности за совершение экстремистских деяний (43,5 %);
- обострение социальной напряженности (30,5 %).

Кроме того, названы другие причины:

- обширность и публичность совершенного деяния;
- неправильная трактовка экстремизма государством.

К основным *условиям преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием Интернета*, отнесены:

- развитие Интернета и мобильной телефонии (36,5 %);
- социально-экономическая ситуация в стране (32 %);
- несовершенство законодательства в данной сфере (30,5 %);
- неэффективное противодействие правоохранительными органами экстремистской ненависти и вражде (30 %).

Кроме того, названо отсутствие у государства в лице правоохранительной системы реальных методов противодействия и деанонимизации¹⁰ экстремистов в Интернете.

¹⁰ Деанонимизация (деанон) — нарушение анонимности, заключающееся в публикации персональных данных (настоящих ФИО, места проживания или работы и др.) пользователя Интернета.

По мнению опрошенных, наиболее эффективны следующие профилактические меры по противодействию политическому экстремизму:

- выявление и устранение факторов, способствующих возникновению и распространению политического экстремизма (54 %);
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (51 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (44 %);
- противодействие распространению идеологии политического экстремизма (36 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (15 %);
- постоянное освещение в СМИ работы политических партий и политических деятелей (28,5 %).

Также отмечено:

- демократизация политической жизни;
- использование незаконных методов политической борьбы и преследование политических деятелей со стороны действующей власти, отсутствие диалога между действующей властью и обществом будут приводить к обострению экстремистских проявлений;
- смена власти и честные выборы;
- освещение противодействия экстремизму в Интернете;
- ужесточение контроля за политическими деятелями.

Меры по профилактике расового экстремизма:

- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (55 %);
- выявление и устранение факторов, способствующих возникновению и распространению расового экстремизма (54,5 %);
- противодействие распространению идеологии расового экстремизма (45 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (18 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (32,5 %);
- повышение уровня образованности населения;
- смена общественно-экономической формации.

Меры по профилактике идеологического экстремизма:

- выявление и устраниние факторов, способствующих возникновению и распространению идеологического экстремизма (56 %);
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (53 %);
- противодействие распространению идеологического экстремизма (42,5 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (17,5 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (29 %).

Меры по профилактике национального экстремизма:

- выявление и устраниние факторов, способствующих возникновению и распространению национального экстремизма (56 %);
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (54 %);
- противодействие распространению национального экстремизма (43 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (31 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (19,5 %);
- смена общественно-экономической формации.

Меры по профилактике религиозного экстремизма:

- выявление и устраниние факторов, способствующих возникновению и распространению религиозного экстремизма (55,5 %);
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (53,5 %);
- противодействие распространению религиозного экстремизма (44 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (28 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (19 %);
- просвещение населения, улучшение системы образования и отказ от некоторых европейских канонов её функционирования;

- фактическое установление светского государства.

Меры по профилактике экстремизма в отношении социальных групп:

- выявление и устранение факторов, способствующих возникновению и распространению экстремизма в отношении социальных групп (57 %);
- выявление, предупреждение и пресечение действий лиц и организаций, направленных на подготовку и совершение преступлений экстремистской направленности (51,5 %);
- противодействие распространению экстремизма в отношении социальных групп (43,5 %);
- последовательная политика улучшения социально-экономической обстановки (32,5 %);
- осуществление информационно-пропагандистских мероприятий (18 %);
- наказание отдельных представителей социальных групп, замеченных за совершением преступления;
- повышение толерантности населения.

По мнению опрошенных детей и молодых людей, наиболее эффективны следующие меры по профилактике молодежного экстремизма:

- проведение педагогических советов, классных часов и родительских собраний с приглашением сотрудников правоохранительных органов, на которых разъясняются меры ответственности родителей и детей за правонарушения экстремистской направленности (52 %);
- пропаганда среди молодёжи здорового и культурного образа жизни (41 %);
- создание условий для снижения агрессии, напряженности у несовершеннолетних (45,5 %);
- обучение несовершеннолетних в плане уважения достоинств каждого человека (43,5 %);
- развитие толерантности у несовершеннолетних, повышение их социальной компетентности (43 %);
- проведение мероприятий по патриотическому и нравственному воспитанию несовершеннолетних (37,5 %);
- снижение у несовершеннолетних предубеждений и стереотипов в сфере межличностного общения (36 %);
- информирование молодежи об экстремизме через средства массовой информации (34,5 %);

- контроль посещения несовершеннолетними сайтов Интернета (34,5 %);
- введение цензуры (31,5 %).

Кроме того, меньше трети опрошенных предложили следующие меры профилактики молодежного экстремизма:

- переход на отечественные социальные сети и мессенджеры;
- обнаружение данной пропаганды в социальных сетях и мессенджерах с последующим ее удалением;
- бороться с источниками, а не ограничивать людей;
- воспитание детей родителями;
- воспитание в несовершеннолетних добра, патриотизма, уважения к другим людям, к старшим;
- создание условий для снижения агрессии, напряженности у молодежи;
- учить мыслить критически, анализировать получаемую информацию, а также развивать способность мыслить самостоятельно;
- блокировать экстремистскую информацию;
- выявление и устранение лиц, которые пытаются оказать влияние на молодежь;
- развивать уголовное законодательство в сфере экстремизма;
- работа с детьми, проведение профилактических мероприятий, работа психологов с молодежью.

Список литературы

1. Багмет А.М., Бычков В.В. Расследование массовых беспорядков, в том числе с участием несовершеннолетних, и вовлечения в них несовершеннолетних: учебное пособие. М.: ЮНИТИДАНА, 2021. 359 с.
2. Бочкарева Е.В. Распространение криминальной антикультуры в молодежной среде // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 144—150. doi: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.144-150.
3. Бычков В.В. Идентификация признаков и расследование преступлений экстремистского характера: монография. М.: Московская академия СК России, 2020. 223 с.
4. Бычков В.В. Информационно-телекоммуникационные сети как средство совершения преступлений экстремистской направленности // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 43—46.

5. Бычков В.В. Протестные акции как форма проявления экстремизма // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 4. С. 57–62. doi: 10.54217/2588-0136.2021.30.4.008.

6. Молодежный экстремизм. Понятие и противодействие: учебное пособие / под ред. А.М. Багмета. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 319 с.

7. Мусаелян М.Ф. О личности экстремиста // Военно-юридический журнал. 2010. № 2. С. 20–23.

8. Нечевин Д.К., Колодкин Л.М. Молодежный экстремизм и превентивные возможности этики ненасилия // Административное право и процесс. 2019. № 7. С. 53–60.

9. Ситникова М.П. Криминологическая характеристика личности преступника в сфере экстремистской деятельности молодежи // Российский юридический журнал. 2018. № 1. С. 84–92.

10. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 6. С. 72–74.

References

1. Bagmet, A.M. & Bychkov, V.V. (2021) Rassledovanie massovyh besporjadkov, v tom chisle s uchastiem nesovershennoletnih, i vovlechenija v nich nesovershennoletnih [Investigation of mass riots, including with the participation of minors, and involvement of minors in them]. Textbook. Moscow, UNITY-DANA, 359 p. (In Russ.).

2. Bochkareva, E.V. (2019) Rasprostranenie kriminal'noj antikul'tury v molodezhnoj srede [Spread of criminal anti-culture among young people]. *Actual Problems of Russian Law*, no. 8, pp. 144–150. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2019.105.8.144-150.

3. Bychkov, V.V. (2020) Identifikacija priznakov i rassledovanie prestuplenij jekstremistskogo haraktera [Identification of signs and investigation

of extremist crimes]. Monograph. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 223 p. (In Russ.).

4. Bychkov, V.V. (2020) Informacionno-telekommunikacionnye seti kak sredstvo sovershenija prestuplenij jekstremistskoj napravленности [Information and telecommunications networks as a means of committing extremist crimes]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 43–46. (In Russ.).

5. Bychkov, V.V. (2021) Protestnye akcii kak forma projavlenija jekstremizma [Protest actions as a form of extremism]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 4, pp. 57–62. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2021.30.4.008.

6. Bagmet, A.M. (ed.) (2020) Molodezhnyj jekstremizm. Ponjatie i protivodejstvie [Youth extremism. Concept and counteraction]. Textbook. Moscow, UNITY-DANA, 319 p. (In Russ.).

7. Musaeljan, M.F. (2010) O lichnosti jekstremista [On the personality of an extremist]. *Voenno-juridicheskij zhurnal*, no. 2, pp. 20–23. (In Russ.).

8. Nechevin, D.K. & Kolodkin, L.M. (2019) Molodezhnyj jekstremizm i preventivnye vozmozhnosti jetiki nenasilija [Youth extremism and preventive potential of the ethics of non-violence]. *Administrativnoe pravo i process*, no. 7, pp. 53–60. (In Russ.).

9. Sitnikova, M.P. (2018) Kriminologicheskaja harakteristika lichnosti prestupnika v sfere jekstremistskoj dejatel'nosti molodezhi [Criminological characteristics of an offender in the sphere of extremist activities of youth]. *Rossijskij juridicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 84–92. (In Russ.).

10. Fridinskiy, S.N. (2008) Molodezhnyj jekstremizm kak osobo opasnaja forma projavlenija jekstremistskoj dejatel'nosti [Youth extremism as a dangerous form of displaying extremism action]. *Jurist'-Pravoved'*, no. 6, pp. 72–74. (In Russ.).

Информация об авторе

В.В. Бычков – декан факультета повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Information about the author

V.V. Bychkov – Dean of the Faculty of Advanced Training of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 95–100.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 95–100.

УДК 343.54
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.009

NIION: 2015-0065-03/22-062
MOSURED: 77/27-010-2022-03-261

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемные аспекты совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за половые преступления

Андрей Сергеевич Климов¹, Сергей Николаевич Хоряков²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, andklimov80@yandex.ru

²Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, horser1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы квалификации половых преступлений, возникшие после принятия Федерального закона от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и Федерального закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Ключевые слова: изнасилование, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, квалифицирующие признаки, уголовное законодательство

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Климов А.С., Хоряков С.Н. Проблемные аспекты совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за половые преступления // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 95–100. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.009.

Problematic aspects of improving criminal legislation providing for liability for sexual crimes

Andrey S. Klimov¹, Sergey N. Khoryakov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, andklimov80@yandex.ru

²Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, horser1@yandex.ru

Abstract. The article discusses the main problems of the qualification of sexual crimes that arose after the adoption of Federal Law 3-FZ, dated January 28, 2022, "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" and Federal Law 38-FZ, dated March 6, 2022, "On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 280 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation".

Keywords: rape, crimes against the sexual integrity of minors, qualifying signs, criminal legislation

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Klimov, A.S. & Khoryakov, S.N. (2022) Problematic aspects of improving criminal legislation providing for liability for sexual crimes. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 95–100. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.009.

В 2022 году в течение первых трех месяцев было принято два федеральных закона, которые были направлены на ужесточение уголовной ответственности за насильственные половые преступления, совершенные против несовершеннолетних. Первый — Федеральный закон от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос-

сийской Федерации» внес изменения в ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 Уголовного кодекса РФ, предусматривающие дополнительные квалифицирующие признаки за деяния, совершенные в отношении несовершеннолетних, второй — Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» дополнил новой частью — частью 3 статью 133

© Климов А.С., Хоряков С.Н., 2022

Уголовного кодекса РФ. В пояснительной записке к первому законопроекту указано, что расширение потенциала действующих санкций, исходя из степени общественной опасности рассматриваемых преступлений, позволит более эффективно применять в качестве наказания пожизненное лишение свободы, а также усовершенствует существующие средства уголовноправовой защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних¹, а пояснительная записка ко второму законопроекту показывает, что он также направлен на усиление мер борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних и укрепление государственных гарантий обеспечения безопасности детей².

Таким образом, первый федеральный закон распространил квалифицирующие признаки, предусмотренные в ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, на всех несовершеннолетних независимо от их возраста (ранее они распространялись только на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста). Итак, это признаки следующего содержания:

1. Совершение деяний лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (пункт «а»).

Следует отметить, что этот признак был введен в 2012 году Федеральным законом от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Для разъяснения содержания этого признака необходимо обратиться к п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о пре-

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/77223651> (дата обращения: 25.04.2022).

² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» // Информационно-правовой портал «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/57267459> (дата обращения: 25.04.2022).

ступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности», где указано, что к имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ) относятся лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных чч. 3—5 ст. 131, чч. 3—5 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ст. 134, 135 УК РФ. При этом также учитываются судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет³.

Таким образом, правоприменитель устанавливает, что половая неприкосновенность, которая означает, по мнению большинства ученых, абсолютный правовой запрет на сексуальные контакты, распространяемый в отношении определенного круга лиц⁴, выступает в качестве объекта посягательства в том числе и при половом посягательстве на несовершеннолетних, которые достигли возраста шестнадцати лет. Данная позиция вызывает недоумение, так как по действующему законодательству лица, достигшие этого возраста, обладают половой свободой — это так называемый возраст сексуального согласия⁵.

Интересно, что действующее уголовное законодательство предусматривает немного иной подход к пониманию данной дефиниции. Так, в примечании к ст. 73 УК РФ можно обнаружить, что «для целей настоящей статьи, а также статей 79, 80, 82 и 97 настоящего кодекса к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, относятся преступления, предусмотренные статьями 131—135, 240, 241, 242, 242.1 и 242.2 настоящего кодек-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Верховный Суд Российской Федерации: [офциц. сайт]. URL: <https://www.vsrf.ru/files/14741/> (дата обращения: 25.04.2022).

⁴ Степанова М.А., Царев Е.В. Ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2. С. 21.

⁵ Климентьев Е.В. Понятие и сущность половой неприкосновенности как объекта уголовно-правовой охраны // Вестник науки и образования. 2019. № 9-1. С. 71.

са, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста». Однако Верховный Суд РФ не стал использовать законодательно закрепленную дефиницию, указав только на статьи 131—135, что представляется достаточно спорным, так как, с одной стороны, он расширил список преступлений, посягающих на половую неприкосновенность несовершеннолетних, включив преступления против шестнадцати- и семнадцатилетних, а с другой — ограничил, не включив несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, предусмотренных ст. 240, 241, 242, 242.1 и 242.2 УК РФ.

Следует отметить, что Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ предусмотрел такой же признак в п. «в» ч. 3 ст. 133 УК РФ, но при этом законодатель посчитал, что понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего следует наказывать лишением свободы на срок до пяти лет (ч. 2 ст. 133 УК РФ), а те же действия, совершенные лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, — до шести лет (ч. 3 ст. 133 УК РФ), хотя, например, за изнасилование несовершеннолетнего предусмотрено лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет (ч. 3 ст. 131 УК РФ), а за то же деяние, совершенное лицом, имеющим судимость, — лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 131 УК РФ). Если же обратиться к ст. 135 УК РФ, то можно обнаружить, что данный признак распространяется только на ограниченный круг несовершеннолетних — лиц, достигших двенадцатилетнего возраста, но не достигших четырнадцатилетнего возраста, и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет (ч. 5 ст. 135 УК РФ), тогда как при отсутствии этого признака назначается лишение свободы на срок от трех до восьми лет (ч. 2 ст. 135 УК РФ).

Таким образом, один и тот же квалифицирующий признак в половых преступлениях содержит абсолютно разное репрессивное содержание.

2. Совершение деяний в отношении двух или более несовершеннолетних (пункт «б»).

Введение данного квалифицирующего признака в ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, непонятно, чем обоснован такой избирательный подход законодателя к выделению в качестве квали-

фицированного состава только посягательства на двух и более несовершеннолетних, при отсутствии в качестве такого посягательства на двух или более совершеннолетних. Интересно, что в ст. 133 УК РФ о понуждении к действиям сексуального характера посягательство на двух и более несовершеннолетних не выступает в качестве квалифицирующего признака. Во-вторых, до сих пор подход правоприменителя к квалификации одновременного изнасилования или совершения насильственных действий сексуального характера в отношении двух и более потерпевших был спорным, встречались случаи квалификации без совокупности, но в большинстве случаев это рассматривалось как совокупность преступлений⁶. В-третьих, возникает вопрос о том, как квалифицировать одновременное изнасилование одной несовершеннолетней и покушение на изнасилование другой. В-четвертых, видится проблема квалификации, связанная с примечанием к ст. 131 УК РФ: получается, что половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, необходимо квалифицировать по п. «б» ч. 4 ст. 131 или п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, независимо от количества потерпевших, и следовательно, п. «б» ч. 5 ст. 131 или «б» ч. 5 ст. 132 УК РФ здесь неприменимы.

3. Сопряженность деяний с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (пункт «в»).

Прежде всего, следует отметить, что сопряженность как квалифицирующий признак долгое время присутствовала только в ч. 2 ст. 105 УК РФ «Убийство». Но с 2008 года законодатель стал вводить квалифицирующие признаки с сопряженностью. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2008 г. № 321-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия терроризму» в ч. 3 ст. 205 УК РФ была закреплена сопряженность «с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактив-

⁶ Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 21.

ного излучения либо ядовитых, отправляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ». Кроме того, следует согласиться с М.В. Бавсуном и Н.В. Вишняковой, которые считают, что в данном акте законодатель внес в квалифицированные составы ст. 205, 206 УК РФ признак «повлекли умышленное причинение смерти человеку», являющийся, по сути, не чем иным, как завуалированной сопряженностью⁷. Далее, Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава» и часть 4 выражена в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, сопряженные с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности, — наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненным лишением свободы».

Таким образом, можно наблюдать процесс эволюции квалифицирующего признака, в котором присутствует сопряженность, от деяний, сопряженных с конкретными составами преступлений, как это было в ч. 2 ст. 105 УК РФ, до сопряженности: 1) террористического акта с посягательствами на объекты использования опасных материалов и веществ (2008 г.); 2) угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава с осуществлением террористической деятельности (2014 г.); 3) изнасилования и насильственных действий сексуального характера с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности (2022 г.). Какую-либо логику в построении данных квалифицирующих признаков обнаружить сложно.

Более того, если обратиться к проекту Федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации», то можно обнаружить, что квалифицирующий признак предполагалось изложить следующим образом: «сопряжены с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления».

⁷ Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряженность как уголовно-правовая категория // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 64.

Интересно, что Верховным Судом РФ в официальном отзыве об этом законопроекте данное положение было предложено подкорректировать, указав в нем, что тяжкое или особо тяжкое преступление, с которым сопряжены изнасилование или насильственные действия сексуального характера, необходимо отнести только к преступлениям против личности⁸.

При этом представляется достаточно интересной позиция законодателя о необходимости исключения случаев, предусмотренных п. «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса РФ. Данное положение вызывает особенное непонимание на фоне сложившейся судебной практики. Так, например, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано: «Под убийством, сопряженным с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, следует понимать убийство в процессе совершения указанных преступлений или с целью их сокрытия, а также совершенное, например, по мотивам мести за оказанное сопротивление при совершении этих преступлений. Учитывая, что при этом совершаются два самостоятельных преступления, содеянное следует квалифицировать по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по соответствующим частям ст. 131 или ст. 132 УК РФ»⁹.

Аналогичная позиция закреплена в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»: «Убийство в процессе совершения изнасилования или насильственных действий сексуального характера, а также совершенное по окончании этих преступлений по мотивам мести за оказанное сопротивление или с целью их сокрытия, следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «к» час-

⁸ Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект Федерального закона № 1248305-7 «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://www.vscr.ru> (дата обращения: 25.04.2022).

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Верховный Суд Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://www.vscr.ru/documents/own/7794/> (дата обращения: 25.04.2022).

ти 2 статьи 105 УК РФ и соответствующими частями статьи 131 или статьи 132 УК РФ»¹⁰.

Возникает достаточно абсурдная ситуация, при которой изнасилование (насильственные действия сексуального характера) и сопряженное с ним убийство будет квалифицироваться по совокупности, если потерпевшая совершила насилие, и как единичное преступление, если потерпевшая несовершеннолетняя. Кроме того, если соотнести санкции, то обнаруживается, что часть 2 ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни, а ч. 5 ст. 131 УК РФ — в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненного лишения свободы. С учетом того, что смертная казнь не применяется, наказание по ч. 2 ст. 105 УК РФ за квалифицированное убийство мягче, чем наказание по ч. 5 ст. 131 или ч. 5 ст. 132 УК РФ.

Федеральный закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ ввел в ст. 133 УК РФ часть 3, где предусмотрел квалифицирующие признаки за принуждение к действиям сексуального характера, совершенное в отношении несовершеннолетнего, если оно совершено: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет; в) лицом, имеющим судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Здесь можно наблюдать такой же подход к квалифицирующим признакам, как и в Федеральном законе от 28 января 2022 г. № 3-ФЗ, а именно возможность применения квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 3 ст. 133 УК РФ, только при наличии несовершеннолетних потерпевших.

Таким образом, можно констатировать, что законодатель в насильственных половых преступлениях против несовершеннолетних изменил подход к формированию квалифицирующих

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Верховный Суд Российской Федерации: [офиц. сайт]. URL: <https://www.vsrif.ru/files/14741/> (дата обращения: 25.04.2022).

признаков: целый ряд традиционных квалифицирующих признаков (совершение преступления а) в отношении двух или более лиц; б) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в) с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет) предусмотрен только при наличии несовершеннолетнего потерпевшего. Кроме того, появился абсолютно новый квалифицирующий признак — сопряженность с совершением другого тяжкого или особо тяжкого преступления против личности, за исключением случаев, предусмотренных пунктом «к» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Список литературы

1. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Сопряженность как уголовно-правовая категория // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 64—70.
2. Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 18—24.
3. Климентьева Е.В. Понятие и сущность половой неприкосновенности как объекта уголовно-правовой охраны // Вестник науки и образования. 2019. № 9-1. С. 69—72.
4. Степанова М.А., Царев Е.В. Ответственность за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних по российскому уголовному законодательству // Проблемы правоохранительной деятельности. 2012. № 2. С. 20—27.

References

1. Bavsun, M.V. & Vishnjakova, N.V. (2014) Soprjazhennost' kak ugolovno-pravovaja kategorija [Conjugacy as the criminal law category]. *Society and Law*, no. 4, pp. 64–70. (In Russ.).
2. Bezverkhov, A.G. (2014) O nekotoryh voprosah kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti [On certain issues of classification of violent crimes against sexual integrity and sexual freedom of a person]. *Ugolovnoe pravo*, no. 5, pp. 18–24. (In Russ.).
3. Klementyeva, E.V. (2019) Ponjatie i sushchnost' polovoj neprikosnovennosti kak ob'ekta ugolovno-pravovoj ohrany [The concept and essence of sexual inviolability as an object of criminal law protection]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no. 9-1, pp. 69–72. (In Russ.).

4. Stepanova, M.A. & Tsarev, E.V. (2012) *Otvetstvennost' za prestuplenija protiv polovoj neprikosnovennosti nesovershennoletnih po rossijskomu ugolovnomu zakonodatel'stu* [Re-

sponsibility for crimes against sexual inviolability of minors under Russian criminal law]. *Problemy pravoohranitel'noj dejatel'nosti*, no. 2, pp. 20–27. (In Russ.).

Информация об авторах

А.С. Климов — доцент кафедры «Уголовное право, процесс и криминалистика» Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

С.Н. Хоряков — доцент кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Information about the authors

A.S. Klimov – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics of the Lipetsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Law, Associate Professor;

S.N. Khoryakov – Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor, Lieutenant Colonel of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Нотариат. 6-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили, Н.М. Илюшиной.

ISBN: 978-5-238-02629-9

Представлена история становления и организация нотариусов в Российской Федерации; дана характеристика норм права, регулирующих общественные отношения, возникающие при удостоверении нотариусами бесспорных прав и фактов; рассмотрены вопросы свидетельствования документов, выписок из них, оформления наследственных прав, придания документам исполнительной силы и выполнения других предусмотренных законом действий в целях обеспечения защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

Учтены последние изменения в законодательстве о нотариате и проанализированы новые нормативные акты, относящиеся к нотариальной деятельности.

Для студентов и аспирантов юридических вузов, а также руководителей хозяйствующих субъектов.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 101–105.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 101–105.

УДК 343.711
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.010

NIION: 2015-0065-03/22-063
MOSURED: 77/27-010-2022-03-262

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Причины и условия совершения краж в России на современном этапе

Ксения Николаевна Радченко

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Владимир, Россия, kseniya.radchenko@inbox.ru

Аннотация. Собственность во все времена развития нашего государства была предметом, в отношении которого складывались особые общественные отношения. Это обусловлено желанием граждан обладать той или иной собственностью. Некоторые делают это на законных основаниях, согласно предписаниям гражданского законодательства, а некоторые идут по преступному пути незаконного приобретения собственности. Последний представляет особую опасность, поскольку нарушает права и законные интересы граждан, общества и государства.

Целью исследования является комплексный анализ детерминантов преступлений против собственности, в частности краж, в России и классификация их по различным основаниям.

Методологической основой исследования выступили такие общенаучные методы, какialectический метод, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также частнонаучные методы — сравнительно-аналитический, статистический, историко-правовой, формально-юридический.

В исследовании опровергается тезис о том, что чем выше доход населения, тем меньше совершается преступлений против собственности, в том числе в форме кражи. Сопоставив нестабильность уровня доходов населения и планомерное снижение количества совершаемых краж, нельзя говорить об их корреляции. За период с 2016 по 2020 г. уровень доходов населения имел показатели роста только в 2018 и 2019 годах, в то время как количество совершаемых краж снижалось начиная с 2016 г. (рост отмечен только в 2019 г.).

Ключевые слова: преступление, детерминанты преступности, причины и условия преступлений, факторы преступности, кража

Для цитирования: Радченко К.Н. Причины и условия совершения краж в России на современном этапе // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 101—105. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.010.

Causes and conditions of thefts in Russia at the present stage

Ksenia N. Radchenko

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir,
Russia, kseniya.radchenko@inbox.ru

Abstract. Property at all times of the development of our state has been a subject in relation to which special social relations have developed. This is due to the desire of citizens to own this or that property. Some do it legally, according to the requirements of civil legislation, and some follow the criminal path of illegal acquisition of property. The latter is particularly dangerous because it violates the rights and legitimate interests of citizens, society and the state.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the determinants of crimes against property, in particular theft, in Russia and their classification on various grounds.

The methodological basis of the research was such general scientific methods as the dialectical method, the method of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as private scientific methods — comparative-analytical, statistical, historical-legal, formal-legal.

The study refutes the thesis that the higher the income of the population, the fewer crimes against property, including theft, are committed. Comparing the instability of the income level of the population and the systematic decrease in the number of thefts committed, it is impossible to talk about their correlation. For the period from 2016 to 2020, the income level of the population increased only in 2018 and 2019, while the number of thefts decreased starting in 2016 (the increase was noted only in 2019).

Keywords: crime, determinants of crime, causes and conditions of crime, crime factors, theft

For citation: Radchenko, K.N. (2022) Causes and conditions of thefts in Russia at the present stage. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 101 – 105. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.010.

Введение. Причины масштабности совершения краж обусловлены кризисами социального и экономического характера, подрывающими функционирование нашего государства на протяжении вот уже нескольких лет (санкционная политика, рост инфляции и т. п.). К тому же с 2020 года, в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19 и принимаемыми правоограничительными мерами по борьбе с ней, возросла безработица. Граждан вынужденно начали увольнять, в силу нехватки денежных средств для оплаты их труда, поскольку многие предприятия и организации малого и среднего бизнеса были переведены на дистанционный режим работы. Соответственно, некоторые из граждан, дабы обеспечить свое существование, начали совершать преступления, в том числе кражи чужого имущества. Кроме этого, на сегодняшний день наиболее актуальными являются проблемы хищений, совершаемых дистанционно, в том числе с использованием сети Интернет.

Обзор научной литературы в соответствии с проблемой исследования. Криминологические аспекты кражи затрагивались в исследованиях следующих авторов: С.В. Богданчикова¹, А.И. Бойцова², А.К. Гейна³, М.М. Гитиновой, А.А. Абдулаева⁴, А.Н. Ионова⁵, М.Г. Миненка⁶, А.И. Пещерова⁷, Е.В. Полягаловой, М.К. Ши-

¹ Богданчиков С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности: монография / под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 239 с.

² Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2018. 775 с.

³ Гейн А.К. Корыстная цель как криминообразующий признак преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1. С. 46—54.

⁴ Гитинова М.М., Абдулаев А.А. Криминологический анализ квалифицированных видов кражи и меры по их предупреждению // Современный ученый. 2020. № 2. С. 289—293.

⁵ Ионов А.Н. Специально-криминологические факторы, способствующие предупреждению краж личного имущества граждан, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Академический вестник. 2011. № 1 (15). С. 124—127.

⁶ Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 366 с.

⁷ Пещеров А.И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. 2016. № 3. С. 130—138.

баевой⁸, Б.А. Спасенникова, А.Н. Тихомирова⁹, А.Ю. Филаненко¹⁰.

Методологическая основа исследования.

В работе широко применяются методы логико-юридического анализа, активно используется статистический метод для изучения динамики преступлений против собственности, в частности краж, на территории России за период 2018—2021 гг.; метод правового моделирования используется для поиска оптимальных вариантов снижения показателей корыстной преступности в РФ.

Целью исследования является комплексное изучение показателей преступлений против собственности в России, а также выявление основных причин и условий, способствующих совершению данных преступлений.

Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить состояние корыстной преступности в России;
- 2) раскрыть причины и условия совершения краж;
- 3) классифицировать детерминанты преступлений против собственности.

Основная часть. Анализируя данные официальной статистики о ежегодно регистрируемых преступлениях против собственности, можно сказать, что они составляют абсолютное большинство среди прочих преступлений, совершаемых в России или против ее интересов. Так, МВД России на своем официальном сайте опубликовало статистические данные о том, что в 2018 г. было совершено 1 113 367 таких преступлений, что составило 56 % от общего числа преступлений, зарегистрированных в этот год, в 2019 г. — 1 172 290 (58 %), в 2020 г. — 1 220 806 (60 %), в 2021 г. — 1 195 838 (59,7 %)¹¹.

Вместе с тем преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ «Кража»¹², является лиде-

⁸ Полягалова Е.В., Шибаева М.К. Состояние преступности в период пандемии COVID-19 // E-Scio. 2021. № 3 (54). С. 401—405.

⁹ Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20—23.

¹⁰ Филаненко А.Ю. Хищение чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 38 с.

¹¹ Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 14.06.2022).

¹² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. № 292-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; 2021. № 27, ч. 1. Ст. 5120.

ром по количеству среди преступлений против собственности. В 2018 г. было совершено 756 395 краж, что составило 68 % от общего числа преступлений против собственности, зарегистрированных в этот год, в 2019 г. — 774 159 (66 %), в 2020 г. — 751 243 (61,5 %), в 2021 г. — 733 075 (61,3 %)¹³.

Причины совершения корыстных преступлений, в частности краж, кроются в существующих противоречиях общественно-экономического развития, в расслоении населения, просчетах в воспитании молодого поколения, недостатках духовной сферы и др. Все детерминанты краж можно разделить на два больших блока: социально-экономические и организационно-управленческие.

Экономические детерминанты краж порождают преступность в рамках различных процессов. С одной стороны, это негативные процессы, такие как:

- стагнация экономического развития Российской Федерации;
- инфляция;
- волатильность рубля и стоимости энергоресурсов на международном рынке;
- преобладание сырьевой направленности в экономике;
- устаревание и нерентабельность производственных мощностей;
- неконкурентоспособность товаров и услуг;
- санкционная политика, которая проводится с 2014 г. со стороны отдельных иностранных государств против интересов Российской Федерации.

Все это негативно влияет на доходы, уровень жизни и потребительскую способность населения. Это, в свою очередь, приводит к бедности и сложностям в достижении социально-экономического благополучия, что порождает стремление к обогащению незаконным путем, в том числе посредством совершения краж.

С другой стороны, на совершение краж влияют и позитивные процессы, такие как:

- глобализация экономических отношений;
- развитие рыночной экономики;
- развитие и укрепление финансового рынка;
- возникновение новых средств платежей;
- распространение безналичного денежного расчета;
- возникновение и развитие новых отраслей производства и распределения товаров и услуг.

¹³ Статистика и аналитика // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 14.06.2022).

Эти и другие схожие по социальной значимости факторы способствуют возникновению новых видов преступлений, совершенствованию или развитию криминального опыта. Примером является введение в 2016 году ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию».

Негативные экономические процессы, а также недостатки социальной политики экономической поддержки населения приводят к резкому социальному расслоению общества, развитию бедности и безработицы, росту социальной незащищенности значительной части населения, что детерминирует противоправное поведение.

Способствуют совершению корыстных преступлений, и краж в том числе, деформация досугово-бытовых интересов личности, выраженная в привычке к пьянству, наркотикам, азартным играм, и на этой основе происходящая деградация личности¹⁴. Провоцирующими факторами считаются недостаток защищенности жилища, виктимное поведение потерпевших, демонстрировавших сверхуровень своей имущественной состоятельности.

Вместе с тем усилия органов власти в части развития различных сфер общественных отношений, связанные с повышением субсидирования, подготовкой и реализацией национальных программ развития, приводят к резкому увеличению финансовых потоков, становящихся объектом преступных действий самых разных заинтересованных сторон.

Далее отметим организационно-управленческие детерминанты совершения краж. Они связаны с неэффективностью правоохранительной деятельности, которая проявляется как в проблемах профилактики преступности, так и в недостатках борьбы с данными преступлениями.

Так, раскрываемость краж составляет всего 35 %, в то время как средняя раскрываемость общей преступности составляет почти 52 %¹⁵. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что снижение фактической нагрузки на следственно-оперативные подразделения в связи со снижением количества регистрируемых преступлений не приводит к закономерному улучшению качества их деятельности. Напри-

¹⁴ Гитинова М.М., Абдулаев А.А. Указ. соч. С. 290.

¹⁵ Криминология (особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета / [А.А. Ашин, Н.А. Горшкова, Т.А. Зезюлина и др.]; под общ. ред. А.Е. Михайлова, А.В. Кудрявцева. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2021. С. 52.

мер, в 2019 г. раскрываемость краж снизилась по сравнению с 2018 г. на 4,5 %¹⁶.

Указанные факторы сказываются на формировании чувства безнаказанности у преступников, рецидивах преступлений, развитии профессионализма и организованности преступности.

В целом указанные детерминанты связаны:

- с некомпетентностью и непрофессионализмом сотрудников правоохранительных органов;
- снижением качества образования;
- недостатками в кадровой работе;
- отсутствием адекватной системы повышения квалификации;
- неприятием положительного опыта советской милиции, а также зарубежного опыта в области противодействия преступности;
- снижением авторитета прикладных правовых наук, ориентированных на разработку мер противодействия преступности (криминологии и криминастики).

Важное значение имеют и организационно-управленческие детерминанты, связанные с системой государственного, местного, экономического и общественного управления, такие как:

- сложность и запутанность процессов принятия и реализации управленческих решений;
- слабый и недостаточный контроль данных процессов;
- недостаточное или неэффективное взаимодействие между различными субъектами общественных отношений;
- запутанность финансовых отношений и т. д.

Эти факторы способствуют реализации преступных схем, направленных на хищение чужого имущества в форме кражи.

Выделим культурно-нравственные детерминанты, к которым отнесем следующие:

- деформацию духовно-нравственной сферы, связанную с преобладанием корыстно-эгоистических ориентиров в жизнедеятельности;
- формирование культа обеспеченности;
- культивирование, в том числе посредством массовой культуры, идеи обогащения без приложения усилий (включая хищение у «плохих людей»);
- неразвитость этики бизнеса;
- терпимость к хищению государственного имущества и имущества юридических лиц.

¹⁶ Криминология (особенная часть). С. 52.

Из социально-психологических детерминантов можно выделить:

- недоверие органам власти и экономике;
- страх перед экономическими кризисами;
- неуверенность в завтрашнем дне, выражаяющуюся в стремлении к ежеминутному обогащению в ущерб правомерному, социально полезному, постепенному развитию с большим результатом в перспективе.

Среди правовых детерминантов следует отметить:

- сложность, запутанность и недостаточную эффективность законодательства, регулирующего финансовый рынок, публичные закупки и другие сферы финансово-хозяйственных отношений;
- чрезмерную бюрократизацию правовой сферы, способствующую стремлению отдельных лиц решать свои проблемы самостоятельно.

Далее отметим детерминанты политического характера, которые также косвенно отражаются на том, что граждане совершают кражи. Они выражаются в слабой государственной воле относительно реализации принципов неотвратимости и справедливости наказания в отношении отдельных представителей политico-экономической элиты (наиболее ярким примером является дело «Оборонсервиса», результатами расследования которого недовольно подавляющее число населения страны), что сформировало общественное мнение о вседозволенности на самом высшем уровне государственного управления, а проецируется данная вседозволенность и на бытовой уровень простого обывателя.

Заключение. В заключение хотелось бы отметить, что на преступления против собственности, совершаемые в форме кражи, влияют разнообразные по своей социальной значимости факторы, как положительные, так и отрицательные. Но с точки зрения детерминации все они, безусловно, являются негативными, т. е. способствующими тому, чтобы данные преступления совершались. Наиболее распространеными среди причин и условий являются социально-экономические. Именно они стоят во главе угла в формировании стойкой корыстной мотивации у многих граждан, что приводит к совершению ими преступлений против собственности, в том числе и в форме кражи.

Список литературы

1. Богданчиков С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности: монография / под ред. Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 239 с.
2. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб: Юридический центр Пресс, 2018. 775 с.
3. Гейн А.К. Корыстная цель как криминообразующий признак преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. № 1. С. 46—54.
4. Гитинова М.М., Абдулаев А.А. Криминологический анализ квалифицированных видов кражи и меры по их предупреждению // Современный ученый. 2020. № 2. С. 289—293.
5. Ионов А.Н. Специально-криминологические факторы, способствующие предупреждению краж личного имущества граждан, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта // Академический вестник. 2011. № 1 (15). С. 124—127.
6. Миненок М.Г., Миненок Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. 366 с.
7. Пещеров А.И. Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. 2016. № 3. С. 130—138.
8. Полыгалова Е.В., Шибаева М.К. Состояние преступности в период пандемии COVID-19 // E-Scio. 2021. № 3 (54). С. 401—405.
9. Спасенников Б.А., Тихомиров А.Н. Психические расстройства и их уголовно-правовое значение // Российская юстиция. 2014. № 2. С. 20—23.
10. Филаненко А.Ю. Хищение чужого имущества: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 38 с.

References

1. Bogdanchikov, S.V. (2017) Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty prestuplenij protiv sobstvennosti [Criminal-legal and criminological aspects of crimes against property]. Moscow, UNITY-DANA, 239 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.Н. Радченко — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук.

Information about the author

K.N. Radchenko – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Law.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 106–121.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 106–121.

УДК 614.253.83:343
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.011

NIION: 2015-0065-03/22-064
MOSURED: 77/27-010-2022-03-263

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи

Виталий Билалуевич Хазизулин

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Москва, Россия, hazizulinvitali@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы общественной оценки качества медицинской помощи и уголовно-правовые последствия ненадлежащего ее оказания. Оцениваются статус медицинских работников и их функции. Приводится обоснование возможности привлечения работников к уголовной ответственности за преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи.

Анализируются соответствующие уголовно-правовые нормы, и определяется их перечень. Даётся уголовно-правовая характеристика элементов состава обозначенных преступлений, выделяющая их в самостоятельную группу.

Обращается внимание на необоснованность применения термина «ятрогения» в характеристике преступных действий медицинских работников. Формулируется авторское понятие преступлений, совершаемых при ненадлежащем оказании медицинской помощи. Обосновывается необходимость введения специальной уголовной ответственности за преступления в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинский работник, медицинская деятельность, здравоохранение, врачебная ошибка, ятрогения, ятrogenное преступление, уголовное дело

Научный руководитель: С.В. Харченко, заведующий кафедрой криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Для цитирования: Хазизулин В.Б. Понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 106–121. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.011.

The concept of crimes committed in the provision of health care

Vitaliy B. Khazizulin

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Moscow, Russia, hazizulinvitali@mail.ru

Abstract. The article deals with the issues of public assessment of the quality of medical care and the criminal law consequences of improper medical care. The status of medical workers and their functions are evaluated. The possibility of bringing medical workers to criminal liability for crimes committed during rendering medical care is substantiated.

The relevant criminal law provisions are analyzed and their list is determined. A criminal law description of the elements of these offences is given, which makes them a separate group.

The author draws attention to the unreasonableness of the use of the term "iatrogeny" in the description of criminal acts of medical workers. The article formulates the author's concept of crimes committed by improper rendering of medical care, and substantiates the necessity of introduction of the special criminal liability for the crimes in this sphere.

Keywords: medical aid, medical worker, medical activity, public health services, medical error, iatrogeny, iatrogenic crime, criminal case

Research supervisor: S.V. Kharchenko, Head of the Department of Criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

For citation: Khazizulin, V.B. (2022) The concept of crimes committed in the provision of health care. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 106–121. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.011.

Введение

Вопросы ответственности медицинских работников за неблагоприятные последствия, возникшие на почве необходимости оказания медицинской помощи, всегда привлекали к себе общественное внимание. При этом в нашей стране особую остроту эти вопросы обрели в последние годы, что обусловлено различными факторами: от качества оказываемой медицинской помощи и ее общественной оценки до повышения уровня правосознания, что влечет использование гражданами правовых механизмов в целях восстановления нарушенных, по их мнению, прав. Подтверждением этому, в частности, являются проводимые в последние годы социологические исследования, которые свидетельствуют о злободневности названных вопросов в общественном сознании.

Например, если в 2018 году отечественное здравоохранение возглавляло проблемный рейтинг с 28 % респондентов¹, то в 2021 году в среднем 44 % их числа называли его состояние неудовлетворительным². Аналогичная ситуация наблюдается и в других странах, что свидетельствует об актуальности обозначенных вопросов.

Согласно сведениям Всемирной организации здравоохранения, даже в странах с высоким доходом населения (например, Швейцарии, Норвегии, США³) каждому десятому пациенту наносится вред при оказании больничной помощи. Кроме того, можно ожидать, что 7 из каждого 100 госпитализированных пациентов будут инфицированы в связи с оказанием медицинской помощи. В связи с этим ключевым компонентом устойчивого государственного развития является качество медицинской помощи, под которым понимается степень, в которой

услуги здравоохранения, оказываемые отдельным лицам и группам населения, повышают вероятность достижения желаемых результатов в области здравоохранения и соответствуют профессиональным знаниям, основанным на фактических данных. Это определение распространяется на укрепление здоровья, профилактику, лечение, реабилитацию и паллиативную помощь и исходит из того, что качество медицинской помощи может измеряться и постоянно повышаться благодаря тому, что она оказывается на основе фактических данных и с учетом потребностей и предпочтений пользователей услуг — пациентов, семей и местных сообществ⁴. При этом безопасность в смысле непричинения вреда лицам, которым предназначается медицинская помощь, является одним из ее элементов.

Приведенные обстоятельства свидетельствуют об актуальности обозначенной темы, исследование которой необходимо для выработки действенной криминалистической методики расследования уголовных дел, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи.

Выводы автора основаны на трудах различных исследователей, среди которых В.А. Глушков, С.Я. Долецкий, П.Ф. Калитеевский, Ю.П. Лисицын, И.О. Никитина, Н.А. Огнерубов, В.Д. Пристанков, Е.К. Сенокосова, Л.В. Сухарникова, А.Е. Черных и др.

Цель настоящего исследования заключается в формулировании понятия преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Эта цель определяет следующие задачи: определение общественной опасности и уголовно-правовой характеристики элементов состава таких преступлений; оценку медицинских ятрогений, как фактора, влияющего на соответствующую их характеристику.

Основная часть

Оценивая существо и качество медицинской помощи, обратимся к высказыванию В.А. Глушкова, согласно которому в процессе ее оказания «являются социально полезными, а следовательно, не подпадающими под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, действия медицинских работников, совершаемые в процессе выполнения профессиональных функций в соответствии с положениями медицинской

¹ Проблемный фон страны: мониторинг / Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/problemnyj-fon-strany-monitoring> (дата обращения: 24.05.2022).

² Опрос: почти половина россиян недовольны здравоохранением и соцобеспечением // Агентство социальной информации: офиц. сайт. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2021/04/22/issledovanie-pochti-polovina-rossian-ne-dovolny-zdravooхранeniem-i-soczobespecheniem> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Рейтинг стран мира по уровню валового национального дохода на душу населения / World Bank Group // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/gross-national-income-ranking> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ Качественные услуги здравоохранения. 20.07.2020 // Всемирная организация здравоохранения: офиц. сайт. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/quality-health-services> (дата обращения: 24.05.2022).

науки и практики»⁵. Опираясь на это умозаключение, которое, безусловно, является справедливым, можно сделать вывод, что действия медицинских работников, совершенные в процессе профессиональной деятельности в нарушение указанных положений, могут подпадать под признаки уголовно наказуемых.

В таком случае следует отметить замечание академика С.Я. Долецкого, который, рассматривая нежелательные последствия действий врача в качестве ятрогений⁶, еще в 1988 г. отметил, что их «волна... захлестнула ныне весь мир», акцентируя внимание на возрастающей необходимости большей фиксации ятрогений в качестве основного или сопутствующего заболевания пациента⁷. С учетом приведенных выше статистических показателей ВОЗ можно констатировать, что такое утверждение остается актуальным и в настоящее время.

При этом, как утверждает Е.К. Сенокосова, «профессиональная некомпетентность при оказании медицинской помощи представляет угрозу личной и общественной безопасности, так как в силу особенностей медицинской деятельности она посягает как на жизнь и здоровье пациента, так и на здоровье населения в целом»⁸. Из этого можно сделать вывод, что медицинский работник в силу своей профессиональной деятельности осуществляет особую охранительную функцию, необходимую как для конкретного индивидуума, так и для общества в целом.

Определяя понятие здравоохранения, академик Ю.П. Лисицын рассматривал его в качестве «системы социально-экономических и медицинских мероприятий, имеющих цель сохранить и повысить уровень здоровья каждого отдельного человека и населения в целом»⁹. В результате

⁵ Глушков В.А. Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 25.

⁶ Термин «ятрогения» (от греч. iatros — *врач* и genes — *порождающий* — «болезни, порожденные врачом») введен в медицинский лексикон немецким психиатром и неврологом О. Бумке в 1925 г.

⁷ Долецкий С.Я. Ятрогения: клинический и социальный аспекты // Архив патологии. 1988. Т. 50, № 5. С. 16.

⁸ Сенокосова Е.К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 94.

⁹ Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М., 2010. С. 117.

охрана здоровья, как залога высшей человеческой ценности — его жизни, должна быть нацелена на защиту соответствующих субъективных прав каждого человека и, следовательно, общества в целом.

В то же время существует и несколько иная интерпретация соответствующей охраны. Так, А.Е. Черных при рассмотрении конституционного права на охрану здоровья в качестве права индивидуума подчеркивает, что народ и другие социальные общности не относятся к субъектам этого права, являясь лишь субъектами его обеспечения¹⁰. Однако даже при такой позиции очевиден общественный интерес в обеспечении коллективного здоровья, которое основано на здоровье каждого.

Таким образом, первое, что обращает на себя внимание, это специфическая общественная опасность деяний, совершаемых медицинскими работниками при оказании медицинской помощи, имеющих признаки преступлений. Ведь если качество медицинской помощи способно вызвать и вызывает общественную тревогу, то фактические преступления (не количество уголовных дел), совершенные в процессе ее оказания, надлежит рассматривать сквозь призму безопасности общества и государства, как свидетельство причинения существенного вреда (в том числе реальной угрозы его причинения) не только конституционно защищаемым общественным отношениям в сфере охраны жизни и здоровья, но и публичным интересам в обеспечении здоровья нации, как залога ее сохранения и дальнейшего развития.

Генезис человеческой цивилизации и последовательное ее развитие свидетельствуют о том, что медицинские работники всегда имели огромное значение в охране человеческого здоровья. Вместе с тем врачи, подобно всем людям, могут ошибаться в постановке диагноза, в выборе тактики лечения, в назначении лекарств и т. п. В настоящее время точный диагноз болезни, от которой умер человек, в большинстве случаев устанавливает патологоанатом и лишь примерно в 1/3 случаев — лечащий врач¹¹. Такие ошибки вызывают общественное недовольство качеством оказываемой медицинской по-

¹⁰ Черных А.Е. Конституционное право граждан на охрану здоровья и проблемы его реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 12.

¹¹ См.: Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И.Я. Ко-заченко, Д.Н. Сергеева. М., 2021. С. 57.

мощи, что порождает значительное количество обращений граждан в следственные органы в целях инициирования уголовного преследования медицинских работников¹².

С учетом достижений научно-технического прогресса в современной научной литературе при оценке опасности причиняемого медицинским работником вреда пациенту¹³ отмечается усложнение процесса оказания медицинской помощи, что влечет новые и более сложные ее дефекты¹⁴. Неслучайно в последние годы глава нашего государства В.В. Путин неоднократно определял медицинское обслуживание населения и систему здравоохранения в целом в качестве объекта особого внимания органов государственной власти¹⁵.

Об актуальности данного вопроса свидетельствует его выделение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, в соответствии с которой обеспечение устойчивости системы здравоохранения, ее адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний, повышение качества и доступности медицинской помощи являются одной из важнейших целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала (п. 33)¹⁶.

¹² Хазизуллин В.Б. Медицинская услуга ненадлежащего качества: некоторые аспекты методики расследования // Современная наука. 2021. № 6. С. 27—28.

¹³ Согласно п. 9 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» пациент — это физическое лицо, которому оказывается медицинская помощь или которое обратилось за оказанием медицинской помощи независимо от наличия у него заболевания и от его состояния. В силу этого определения и специфики родовспомогательной деятельности здесь и далее под пациентом также понимается новорожденный ребенок.

¹⁴ Багмет А.М. Медицина — во благо или во вред? // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М., 2018. С. 6.

¹⁵ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (дата обращения: 10.11.2021); Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.04.2021 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418> (дата обращения: 10.11.2021).

¹⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утверждена Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, причина особого общественного отношения к преступлениям, совершающимся при оказании медицинской помощи, заключается в самой их природе. Суть таких деяний заключается в статусе медицинского работника, призванного в силу своей компетенции, профессиональных и этических обязанностей осуществлять защиту важнейших для каждого естественных ценностей — жизни и здоровья и вносить тем самым свой персональный вклад в обеспечение здоровья нации. Следовательно, опасность рассматриваемых преступлений — в их совершении посредством реализации (либо игнорирования) специальной охранительной функции, присущей исключительно медицинским работникам. В этом и заключается особое положение профессиональных деликтов при оказании медицинской помощи среди иных запрещенных уголовным законом деяний, в том числе в профессиональной сфере. Кроме того, необходимо учитывать и факт существования воздействия, которое данные преступления оказывают на общественное мнение (пример — уголовное дело в отношении врача-гематолога Е.Н. Мисюриной, вызвавшее на протяжении нескольких лет огромный общественный резонанс и неоднозначную публичную оценку)¹⁷. В результате преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи, вне зависимости от наступившего от них результата, способны подорвать доверие к системе здравоохранения, дискредитировать медицинских работников в общественном сознании и понизить уровень уважения к ним, которое необходимо им в силу особой социальной направленности и специфики их профессиональной деятельности и без которого невозможно представить себе ее успешность.

Таким образом, учитывая общественную значимость рассматриваемых правоотношений, следует определить понятие преступления, совершающегося при оказании медицинской помощи, для установления фундамента проводимого исследования.

В целом понятие преступления дано в ст. 14 УК РФ¹⁸, согласно которой под ним понимается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказа-

¹⁷ См., напр.: Что надо знать о деле врача Елены Мисюриной. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10836283> (дата обращения: 28.03.2022).

¹⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

ния». Это понятие законодательно регламентировано и едино для всех преступлений, предусмотренных уголовным законом нашей страны. В то же время данный закон не выделяет преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи, в качестве отдельного уголовноправового запрета в виде специальной нормы, раздела или главы, в отличие от аналогичных законов в ряде других государств¹⁹. В связи с этим необходимо определить особенности таких преступлений, позволяющие рассматривать их в качестве самостоятельного объекта криминалистического исследования.

В целях решения поставленной задачи обратимся к результатам ранее проведенных в данном направлении исследований. Соответствующий их анализ показывает, что ученые, соглашаясь с необходимым наличием медицинского работника в качестве субъекта совершения рассматриваемых преступлений, применяют различные понятия таких преступных деяний.

Изучение научных работ в анализируемой сфере свидетельствует об отсутствии до настоящего времени единого подхода к определению соответствующего термина. В то же время в современной юридической науке уже есть сформулированные и устоявшиеся определения таких специфичных групп преступлений, как должностные²⁰, коррупционные²¹, налоговые²² и адвенальные²³, а также преступления на объектах морского транспорта²⁴ и пр., то есть таких, которые объединены общими уголовно-правовыми и криминалистическими признаками: объек-

¹⁹ См., напр.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-В. Алматы: LEM, 2022. 264 с.; Уголовный кодекс КНР от 14.03.1997 // Посольство КНР в РФ: офиц. сайт. URL: <https://www.mfa.gov.cn/cse/cerus/rus/zfhz/zgflyd/t1330730.htm> (дата обращения: 21.03.2022).

²⁰ См., напр.: Оздоев М.Т. Должностные преступления: уголовно-правовой анализ и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005.

²¹ См., напр.: Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018.

²² См., напр.: Коновод А.А. Расследование уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016.

²³ См., напр.: Фойгель Е.И. Методика расследования адвенальных преступлений: теоретическая модель и механизм реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2019.

²⁴ См., напр.: Михайлова Л.В. Оперативно-разыскное обеспечение раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.

том, определенным субъектом, деяниями, связанными с исполнением профессиональных и иных полномочий, формой вины и мотивом и др. Однако следует заметить, что такая групповая принадлежность этих преступлений не предусмотрена уголовным законом.

В этой связи необходимо рассмотреть основные взгляды по вопросу определения понятия преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи, как в юридической, так и в медицинской науке.

Так, еще в 1996 г. В.Д. Пристанков, рассматривая соответствующие преступления и основываясь в том числе на обозначенной позиции С.Я. Долецкого, применил к ним термин «ятрогенные», то есть «порождаемые действиями медицинских работников вследствие преступной небрежности и самонадеянности»²⁵. Позже он же расширил данное понятие, увязав его с «системой действий и их последствий, обусловленных ненадлежащим исполнением медицинским работником своих профессиональных обязанностей»²⁶. При этом автор рассматривал такие деяния только в неосторожной форме вины.

В развитие такой позиции Л.В. Сухарникова исключила из понятия «ятрогенные преступления» влекущие граждансскую, административную и дисциплинарную ответственность ятрогении, а также все варианты привлечения медицинских работников к уголовной ответственности с умышленной формой вины. При этом она выделила пять признаков, характеризующих данную группу преступлений: субъект — медицинский работник, нарушение им правил оказания медицинской помощи при выполнении профессиональных обязанностей (в том числе путем бездействия), последствие в виде вреда здоровью или смерти, отсутствие умысла

²⁵ Пристанков В.Д. Проблемы выявления неосторожных преступлений в медицине // Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях: международная научно-практическая конференция, 5—6 июля 1996 г.: тезисы выступлений. СПб, 1996. С. 179—180.

²⁶ См.: Пристанков В.Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. С. 44—47; Пристанков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию: монография. СПб, 2005. С. 74—75.

²⁷ Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 13—14.

к таким последствиям, а также наличие прямой причинно-следственной связи между деянием и последствиями. В результате все эти признаки она объединила в данном ею определении рассматриваемой категории преступлений, акцентируя внимание на их неосторожном посягательстве на жизнь и здоровье человека²⁷.

Следует отметить, что в своем исследовании Л.В. Сухарникова оценила деяния медицинских работников только по отношению к человеку, не рассматривая возможность виновного причинения гибели его плоду. При этом она отнесла к данной категории и преступления, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 238 УК РФ, влекущие неосторожные последствия в результате ненадлежащего оказания медицинской услуги, однако совершенные умышленно. В то же время она исключила из этого перечня ч. 1 ст. 238 УК РФ, не предусматривающую наступления общественно опасных последствий.

И.О. Никитина сформулировала подход о возможности совершения медицинским работником как умышленного, так и неосторожного общественно опасного действия в отношении пациента, с включением в используемое ею понятие ятогенного преступления акцента на нарушение принципов и условий оказания медицинской помощи, определенных как Основным законом нашей страны, так и нижестоящими нормативно-правовыми актами. При этом она отнесла к данной группе деяний те, которые в том числе угрожают причинением вреда пациенту²⁸.

В развитие такой позиции Я.И. Иванова, используя термин «ятогенное преступление», определила его как «общественно опасное противоправное действие, выраженное в умышленном или неосторожном нарушении медицинскими работниками правил оказания медицинской помощи, что повлекло наступление неблагоприятных последствий для жизни и здоровья пациента». В то же время она исключила возможность привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за деяния, фактически не причинившие вреда пациенту, то есть за угрозу его причинения²⁹.

Далее в процессе осмысления психического отношения деяний медицинских работников к неблагоприятным последствиям от их профес-

²⁸ Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 9.

²⁹ Иванова Я.И. Методика расследования ятогенных преступлений, совершаемых в сфере родовспоможения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 19.

сиональной деятельности формулировалась иная точка зрения, отличная от обозначенной позиции В.Д. Пристанкова и иных исследователей в части формы вины.

Например, по мнению Н.А. Огнерубова, соответствующие деяния следует рассматривать в качестве преступлений в сфере медицинской деятельности, которые непосредственно связаны с профессиональной деятельностью медицинских работников. В данном случае автор применяет понятие «криминальная ятогенация» в качестве «виновного профессионального медицинского воздействия на пациента, повлекшего за собой уголовно наказуемые общественно опасные последствия». При этом к таким преступлениям он относит как умышленные и неосторожные уголовно наказуемые деяния против жизни и здоровья (например, убийство, причинение смерти по неосторожности), так и преступления против конституционных прав и свобод граждан (ч. 2 ст. 128, ч. 2 ст. 137 УК РФ), выделив в качестве субъекта их совершения лиц, обладающих юридическим правом на медицинскую деятельность и осуществляющих соответствующие профессиональные функции³⁰. В данном случае на себя обращает внимание факт отнесения к преступлениям, связанным с профессиональной деятельностью медицинских работников по оказанию медицинской помощи, таких, которые выходят за рамки осуществления ими этой помощи (убийство, нарушение неприкосновенности частной жизни и др.). Полагаем, что с этим нельзя согласиться, так как совершение данных деяний не связано с особой охранительной функцией медицинских работников. В результате названные преступления теряют свою профессиональную составляющую.

Таким образом, можно констатировать, что термин «ятогенное преступление» получил достаточно широкое распространение в научной литературе. Помимо названных исследователей он находит свое отражение в трудах С.В. Замалеевой³¹, Г.П. Кулешовой³², М.В. Тузлуковой³³ и других авторов.

³⁰ Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 51—56.

³¹ См.: Замалеева С.В. Криминализация ятогенных преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 6—21.

³² См.: Ятогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты: монография / Н.А. Подольный, Г.П. Кулешова, Е.А. Коваль, А.В. Матюшкина, Н.Н. Подольная. М., 2020. С. 19—20.

³³ См.: Тузлукова М.В. Использование специальных знаний при расследовании ятогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. С. 28.

До недавних пор в системе СК России, уполномоченного осуществлять предварительное расследование по большинству составов анализируемых преступлений, данный термин также имел широкое применение³⁴. Вместе с тем результаты расследования подавляющего большинства уголовных дел, возбужденных по сообщениям о ненадлежащем оказании медицинской помощи, свидетельствуют об отсутствии фактов виновных ятрогений. Иными словами, не по каждому уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, совершающегося при оказании медицинской помощи, устанавливается факт противоправного действия медицинского работника, которое повлекло неблагоприятные последствия для пациента, ввиду объективного его отсутствия, в связи с чем такие уголовные дела подлежат прекращению за отсутствием события или состава преступления.

Однако, как отмечает ряд авторов, термин «ятрогенное преступление» получил расширительное толкование³⁵, которое способствует формированию заведомо обвинительного отношения к оцениваемому с юридической точки зрения событию³⁶.

При этом в современном отечественном правовом поле нет понятия «ятрогения» и, соответственно, понятия «ятрогенное преступление». В то же время, как отмечает В.Н. Чаплыгина, зачастую термин «ятрогения» используется в связи с причинением смерти и вреда здоровью, что приводит к тому, что он расценивается и медиками, и юристами как синоним юридической ответственности³⁷. Вместе с тем, со-

гласно установленному головным судебно-медицинским учреждением нашей страны Порядку проведения судебно-медицинской экспертизы, в судебно-экспертной среде под ятрогенией понимаются любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти; осложнения медицинских мероприятий, развивающиеся в результате как ошибочных, так и правильных действий или бездействия врача³⁸. Из этого следует, что ятрогения может быть порождена и надлежащими действиями медицинского работника. При этом в медицинской среде, в частности, различают ятрогению диагностических процедур, психогенные, госпитальные, лекарственные, имплантационные и трансплантационные ятрогении, ряд из которых напрямую не связан с действиями врача. Например, сам факт помещения больного в стационар способен оказать воздействие на его психосоматическое состояние³⁹ (в частности, посредством тревоги, переживания, страха). Представляется, что в данном случае как минимум необоснованно было бы утверждать о наличии в действиях медицинского работника, принялшего решение о госпитализации пациента, признаков состава преступления в связи с развитием у последнего указанного состояния.

В этой связи следует обратиться к введенной П.Ф. Калитеевским классификации, согласно которой под ятрогенией он понимал:

1) любое новое заболевание, связанное с действиями медицинских работников независимо от их правильности;

2) осложнения основного заболевания, вызванные ошибочными или неадекватными действиями врача⁴⁰.

Исходя из этой классификации, можно прийти к выводу, что не каждая ятрогения является прямым результатом ненадлежащего действия медицинского работника, так как его действия, соответствующие установленным тре-

³⁴ См., напр.: Проведение процессуальных проверок и расследование ятрогенных преступлений: сборник методических рекомендаций / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2017.

³⁵ См., напр.: Иванцова Н.В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 63.

³⁶ См.: Козлов С.В. Об отношении врачей и правоприменителей к проблеме ятрогенной патологии (результаты социологического опроса) // Медицинское право. 2011. № 3. С. 28—31.

³⁷ Чаплыгина В.Н. Терминологический подход к понятиям «врачебная ошибка» и «ятрогения» при расследовании ятрогенных преступлений // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, 3 марта 2017 г. / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия. СПб, 2017. С. 211—215.

³⁸ Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: методические рекомендации: утв. ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁹ Дворецкий Л.И. Ятрогения в практике интерниста // Терапевтический архив. 2019. Т. 91, № 1. С. 122.

⁴⁰ Там же. С. 127.

бованиям, также могут повлечь ятрогенное событие.

Кроме того, ятрогении могут возникнуть в результате врачебной ошибки, при осуществлении оказания медицинской помощи в условиях крайней необходимости или обоснованного риска, а также могут быть результатом несчастных случаев. Не исключено, что неблагоприятный исход оказания медицинской помощи может явиться результатом действий самого пациента⁴¹.

При таких обстоятельствах представляется не вполне оправданным использование термина «ятрогения» в характеристике преступных деяний медицинских работников, совершенных в процессе осуществления профессиональной деятельности.

В настоящее время в ряде источников по рассматриваемой тематике используются такие понятия, как «профессиональные преступления медицинских работников»⁴², «преступления, связанные с медицинской деятельностью»⁴³, «медицинские дела»⁴⁴, «преступления в сфере здравоохранения»⁴⁵ и некоторые другие, которые как расширяют, так и сужают перечень их субъектов. Так, преступления в сфере здравоохранения подразумеваются в том числе коррупционные преступления, совершенные медицинскими работниками, выступающими должностными лицами, а также преступления против собственности и ряд других, совершенных ме-

дицинским персоналом, которые не связаны с непосредственным процессом оказания медицинской помощи пациенту. В круг профессиональных преступлений медицинских работников можно с уверенностью включить внесение заведомо ложных сведений в листок нетрудоспособности, то есть служебный подлог. Профессиональное проведение медицинских экспертиз, осмотров и освидетельствований также относится к медицинской деятельности, однако не к профессиональной деятельности по оказанию медицинской помощи. В связи с этим полагаем, что в контексте рассматриваемых правоотношений применение таких понятий нецелесообразно.

В отличие от перечисленных авторов Е.К. Сенокосова производит классификацию преступлений, совершаемых в системе оказания медицинской помощи, с выделением среди них тех, при совершении которых не выполняются (ненадлежаще выполняются) возложенные на медицинского работника обязанности по оказанию и организации оказания медицинской помощи (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ст. 124, 238, 293 УК РФ), по поддержанию в надежном состоянии лекарств, оборудования и помещений, предназначенных для оказания медицинской помощи (ст. 171.1, 236 УК РФ), по сохранению врачебной тайны (ст. 137 УК РФ)⁴⁶. Однако, по нашему мнению, отнесение последних двух подгрупп к связанным с процессом оказания медицинской помощи преступлениям не вполне обоснованно, так как они не имеют прямого отношения к правоотношениям «врач — пациент» в процессе оказания медицинской помощи. Отнесение же деяний первой подгруппы к соответствующим преступлениям, исходя из существа обозначенных правоотношений, представляется убедительным.

И.В. Тимофеев определяет рассматриваемые преступления как «связанные с дефектами медицинской помощи». При этом под последними он понимает недостаток медицинской помощи в виде деяния лица медицинского персонала, являющегося нарушением действующих руководящих документов и выражавшегося в неправильном оказании (неоказании) медицинской помощи в определенный период времени в конкретных условиях⁴⁷.

⁴¹ Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф. Дискуссионные вопросы терминологической конструкции понятия «ятрогенное преступление» // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М., 2018. С. 158.

⁴² См.: Истоки и современное содержание уголовной политики в области здравоохранения: актуальные вопросы теории и практики: монография / под ред. А.В. Грошева, Е.В. Епифановой. М., 2013.

⁴³ См.: Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 11.

⁴⁴ См.: Эртель Л.А. Использование судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства по делам о ненадлежащем исполнении медицинскими работниками профессиональных обязанностей // Медицинское право. 2018. № 2. С. 52—55.

⁴⁵ См.: Ким Е.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере здравоохранения // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы: сборник статей. Вып. 15. Хабаровск, 2016. С. 81—86.

⁴⁶ Сенокосова Е.К. Указ. соч. С. 71.

⁴⁷ Тимофеев И.В. Дефект медицинской помощи: проблемы и пути правовой формализации понятия // Медицинское право. 2018. № 6. С. 8—15.

В практической судебно-медицинской деятельности на основе анализа проводимых экспертиз выделяют пять групп таких дефектов, которые связаны с диагностикой, лечением, тактикой, организацией оказания медицинской помощи и оформлением медицинской документации⁴⁸.

Е.О. Данилов обращает внимание, что дефект медицинской помощи — это многофакторное явление, представляющее собой результат сочетания разных обстоятельств. Для его точной квалификации исключительно важно выявить основной фактор — решающую движущую силу, ставшую главной причиной дефекта. При этом он классифицирует такие дефекты по родовому признаку на «медицинские деликты», рассматривая их как противоправные виновные нарушения правил медицины, и «медицинские казусы», понимая под ними нарушения правил медицинской деятельности, которые не зависят от воли лица и поэтому не могут быть предусмотрены в определенных условиях, обозначая характер отношения субъекта медицинской деятельности к своим обязанностям, свидетельствующий о наличии либо отсутствии его вины, в качестве основания для такого разделения⁴⁹.

При изучении относящейся к рассматриваемой тематике литературы также можно встретить термин «врачебная ошибка», которая, как пишут В.Н. Чаплыгина и В.Ф. Васюков, характеризуется наступлением неблагоприятного исхода оказания медицинской помощи при объективно неправильных действиях, но при отсутствии психического отношения медицинского работника к выполняемым им действиям в форме умысла и неосторожности⁵⁰. Такая дефиниция также не закреплена нормативно, что рождает различные толкования этого термина. Например, как указывает И.А. Сидакова, только основоположник отечественного медицинского права Ю.Д. Сергеев насчитывает не менее 65 промежуточных определений, понятий и признаков врачебных ошибок⁵¹.

⁴⁸ См.: Веселкина О.В. Дефекты оказания медицинской помощи с точки зрения судебно-медицинской экспертизы. URL: <http://nasci.ru/?id=40205> (дата обращения: 03.06.2022).

⁴⁹ Данилов Е.О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5. С. 123–138.

⁵⁰ Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф. Указ. соч. С. 158.

⁵¹ Сидакова И.А. К вопросу о дефиниции понятий врачебная ошибка, дефект оказания медицинской помощи, ятrogenное преступление // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.). М., 2018. С. 139.

Таким образом, как мы видим, единства в определении понятия преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи, и связанных с ним дефиниций — нет.

На этом фоне обращает на себя внимание формулировка, используемая в ведомственной статистической отчетности СК России по рассматриваемому направлению, в которой применяется термин «уголовные дела о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи»⁵². Представляется, что такая формулировка наиболее полно отражает особенность соответствующих уголовных дел, которые, как свидетельствует следственная практика, возбуждаются не только и не столько по фактам преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи, а для необходимости всестороннего установления преступления путем наличия или отсутствия таких фактов с использованием всего арсенала полномочий следователя, что в процессе проведения доследственной проверки невозможно.

Согласно указанному статистическому отчету к рассматриваемым преступлениям относятся следующие: ч. 1, 2, 3 ст. 109; ч. 1, 2 ст. 118; ч. 4 ст. 122; ч. 1, 2 ст. 124; ст. 125; ч. 1, 2 ст. 235; ч. 1, 2, 3 ст. 238; ч. 1, 2, 3 ст. 293 УК РФ. При этом предусмотренное ст. 293 УК РФ преступление рассматривается в данной группе только в части уголовно-правовой оценки действий медицинских работников, выступающих должностными лицами при организации ими процесса оказания медицинской помощи.

Например, по ч. 2 ст. 293 УК РФ квалифицировано бездействие заместителя главного врача центральной районной больницы по лечебной работе Г., который не предпринял надлежащих мер по организации экстренной медицинской помощи малолетней П., в результате чего наступила ее смерть. Кроме того, на момент события этот медицинский работник совмещал также должность врача-анестезиолога-реаниматолога, в связи с чем его действие дополнительно квалифицировано по ч. 2 ст. 124 УК РФ ввиду отказа от оказания медицинской помощи в соответствии с компетенцией по данной должности⁵³. Таким образом, при обо-

⁵² См.: Статистический отчет СК России (код формы 985): Статистические сведения о рассмотрении сообщений и расследовании уголовных дел о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи.

⁵³ Приговор Облученского районного суда Еврейской АО от 02.07.2015 (уголовное дело № 1-69/2015) // Облученский районный суд Еврейской АО: офиц. сайт. URL: https://obluchensky-brb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_del&srvid=1&name_op=doc&number=17492962&del_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.03.2022).

значенных обстоятельствах Г. выступал не только как врач, призванный оказать необходимую медицинскую помощь пациенту в рамках своей компетенции, но и как должностное лицо, обязанное организовать соответствующий процесс, вследствие чего его действия оценены судом в том числе с точки зрения халатности.

Учитывая отсутствие в уголовном законе специальных норм, относящихся к рассматриваемым правоотношениям, обозначенный перечень, по нашему мнению, учитывает особенности преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи, охватывая различные их варианты, за исключением виновного причинения гибели плода человека в процессе родового акта. В связи с этим полагаем возможным использовать этот перечень в ходе настоящего исследования с акцентом на обозначенный пробел.

Таким образом, исходя из приведенных выше формулировок понятия рассматриваемых преступлений, важно определить общие отличительные уголовно-правовые признаки элементов их составов, позволяющих охарактеризовать эти преступления по групповому признаку. Значение таких признаков заключается в необходимости вычленения из всего массива уголовно наказуемых деяний, в том числе совершаемых медицинскими работниками, именно таких, которые напрямую связаны с оказанием медицинской помощи, в целях определения этих деяний в рамках обозначенной групповой принадлежности.

Как отмечено выше, указанные признаки заключаются во взаимосвязи соответствующих преступных деяний с медицинской деятельностью. Очевидно, что в их характеристике основной является формулировка «оказание медицинской помощи», сама по себе выступающая в данном случае источником криминалистически значимой информации. Исходя из этого, следует обратиться к закрепленному в законе понятию «медицинская помощь», под которой понимается «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг»⁵⁴. При этом анализ взаимосвязанных с указанным понятием терминов «медицинская услуга» и «медицинское вмешательство»⁵⁵ позволяет сделать вывод, что меди-

цинская помощь оказывается медицинскими работниками и иными работниками, имеющими право на осуществление медицинской деятельности (далее эти лица — медицинские работники), по отношению к пациенту.

Тем самым законодатель определяет субъект оказания медицинской помощи, выделяя его профессиональную компетенцию в качестве необходимого основания для организации и осуществления такой помощи, чем констатирует сферу его профессиональной деятельности в качестве специфических отношений, участие в которых присуще только этому субъекту.

В данном случае обозначенная компетенция, трансформируясь в способность непосредственного оказания медицинской помощи пациенту, определяет характер отношений с последним, уровень соответствующих требований к их субъекту, то есть к медицинскому работнику, в том числе на уровне руководящего звена, порядок его действий, а также границы указанной помощи. Следовательно, там, где нет такого субъекта, нет и соответствующих отношений. Исключением из этого правила является лицо, незаконно занимающееся частной медицинской практикой, которое фактически выступает участником правоотношений по оказанию медицинской помощи пациенту, однако не имеет для этого необходимой лицензии, то есть права на осуществление соответствующей деятельности.

Приведенное обстоятельство позволяет отграничить медицинскую помощь от иной деятельности, в том числе внешне направленной на оздоровление (например, от народной медицины).

Таким образом, особая охранительная функция медицинского работника, связанная с обследованием и воздействием на организм пациента, сама по себе является тем общественным отношением, которое при ненадлежащем выполнении этой функции напрямую связано с преступлением, совершаемым при оказании медицинской помощи. В то же время, анализируя действующее уголовное законодательство, можно прийти к выводу, что такие преступления посягают на правоотношения, аналогичные для иных общих (не специальных) по соответствующей квалификации преступлений (например, связанных с причинением вреда здоровью, смерти по неосторожности), вследствие чего их в общем можно рассматривать в качестве идентичных с точки зрения общественной опасности.

С таким подходом нельзя согласиться, так как указанное обстоятельство только на первый взгляд является внешне не имеющим принци-

⁵⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.03.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁵ Там же.

пиального различия. В то же время оно имеет-
ся и обусловлено тем, что первые из названных
преступлений (за исключением ст. 235 УК РФ)
совершаются только специально уполномочен-
ными лицами — медицинскими работниками,
призванными в силу своей профессиональной
компетенции и полномочий организовывать и
оказывать медицинскую помощь в установлен-
ном порядке, то есть совершать исключительно
благую медицинскую функцию, в том числе для
общества и государства в целом. Вторые же —
совершаются иными лицами (в том числе в об-
щеуголовной сфере), включая имеющих другие
профессиональные компетенции и ненадлежа-
щие исполняющих свои профессиональные обя-
занности (например, главный инженер энерге-
тической компании, в результате профессио-
нального бездействия которого по устраниению
ненормативного провисания находящегося под
электрическим напряжением провода погиб ре-
бенок)⁵⁶, но не являющимися медицинскими
работниками и не в сфере соответствующих спе-
цифических правоотношений «врач — паци-
ент». Следовательно, такие преступления совер-
шаются не в процессе оказания медицинской
помощи и при отсутствии факта необходимости
ее оказания, в результате чего они имеют иную
степень общественной опасности, нежели та,
которая присуща для медицинского поддержа-
ния и восстановления человеческого здоровья
либо для рождения на свет новой жизни в про-
цессе медицинского родовспоможения, то есть
для обеспечения названных специфичных пра-
воотношений общественной жизнедеятельности.

Анализ действующих уголовно-правовых
норм свидетельствует, что основным объектом
указанных преступлений выступают обществен-
ные отношения в сфере обеспечения безопасно-
сти жизни и здоровья. Однако, учитывая обоз-
наченные цели здравоохранения, следует кон-
статировать, что дополнительным их объектом
также является и здоровье населения в целом,
что подтверждается, в частности, отнесением
некоторыми авторами предусмотренного ст. 238
УК РФ преступления (входит в гл. 25 — против
здравья населения) к соответствующим уголов-
ным наказуемым деяниям.

В то же время можно сделать вывод о нали-
чии необходимости выделения преступлений,
совершаемых при оказании медицинской помо-
щи, в самостоятельную разновидность вслед-

⁵⁶ Контрольное производство по уголовному делу № 121 02050018000008 // Архив СУ СК России по Приморс-
кому краю. 2022.

ствие специфики затрагиваемых ими пра-
воотношений, наличия объединяющего их
субъекта и объекта, а также отсутствия в дей-
ствующем уголовном законе норм, учитываю-
щих специфику профессиональной медицинской
деятельности, что предполагает проведение от-
дельного соответствующего исследования.

Рассматривая особенности объективной сто-
роны анализируемых преступлений, следует
также вернуться к их специфике. Профессио-
нальная практика медицинских работников осу-
ществляется при наличии медицинского образ-
ования и сертификата специалиста (за исключе-
нием чрезвычайной ситуации и (или) возник-
новения угрозы распространения заболевания,
представляющего опасность для окружающих)⁵⁷,
в рамках компетенции каждого из них (напри-
мер, врач-терапевт не может и не должен осу-
ществлять полномочия врача-анестезиолога), в
соответствии с требованиями, установленными
нормативно-правовыми и правовыми актами в
сфере здравоохранения, а также согласно стан-
дартам, порядкам оказания медицинской помо-
щи, клиническим рекомендациям, должност-
ным инструкциям и пр. При этом нарушение
специальных медицинских правил является
отличительным признаком рассматриваемых
преступлений. Таким образом, медицинскому
работнику необходимо выполнять свои профес-
сиональные обязанности в рамках тех полно-
мочий, которые входят в сферу его компетен-
ции и возложены на него. То есть такая дея-
тельность не является произвольной. В связи с
этим виновное нарушение указанных условий
и требований (при наличии реальной возмож-
ности для их соблюдения), то есть недостаток
(дефект) оказания медицинской помощи, по-
влиявший наступление общественно опасного ре-
зультата либо в некоторых случаях (ст. 125,
ч. 1 ст. 238 УК РФ) угрозы его наступления,
находящееся в прямой причинно-следственной
связи с деянием медицинского работника, об-
разует соответствующее преступление. При
этом, как справедливо отмечает М.В. Тузлукова,
определение содержания (механизма) при-
чинной связи между действием медика и на-

⁵⁷ Приказ Минздрава России от 23.12.2021 № 1179н (ред. от 31.01.2022) «Об особенностях допуска физи-
ческих лиц к осуществлению медицинской деятель-
ности и (или) фармацевтической деятельности без сер-
тификата специалиста или прохождения аккредита-
ции специалиста и (или) по специальностям, не пре-
дусмотренным сертификатом специалиста или акkre-
дитацией специалиста» // СПС «КонсультантПлюс».

ступившим последствием имеет важное криминалистическое значение, так как позволяет установить субъект и степень его виновности путем проведения анализа ятрогенного процесса с целью выяснения его характера и динамики развития⁵⁸.

Субъективная сторона преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи, характеризуется как умышленной (ст. 125 УК РФ), так и неосторожной формой вины (ч. 1, 2, 3 ст. 109; ч. 1, 2 ст. 118; ч. 4 ст. 122; ч. 1, 2 ст. 124; ч. 1, 2, 3 ст. 293 УК РФ). Кроме того, ряд соответствующих преступлений (ч. 1, 2 ст. 235; ч. 1, 2, 3 ст. 238 УК РФ) совершаются с двумя формами вины: умышленно по отношению к действиям и неосторожно по отношению к последствиям. По общему правилу, установленному ст. 27 УК РФ, при причинении тяжких последствий эти преступления признаются совершенными умышленно.

Перечисленные посягательства в большинстве своем выражаются в неосторожной форме вины в виде легкомыслия (самонадеянности) или небрежности. Тем самым, как отмечает Б.Б. Галиев, основным критерием преступных деяний работников медицины следует считать недобросовестность их действий и отсутствие стремления выполнить все требования врачебного долга⁵⁹.

Подводя итог вышеизложенному и резюмируя результаты проведенного анализа, полагаем возможным определить рассматриваемые преступления как виновные общественно опасные деяния медицинских работников либо лиц, незаконно занимающихся частной медицинской практикой, совершенные ими в процессе фактического оказания медицинской помощи либо при необходимости ее оказания вопреки установленным правилам и требованиям, а также положениям медицинской науки и практики, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом интересов общества и государства либо создавшие реальную угрозу их нарушения.

Такое понятие, по нашему мнению, включает в себя необходимые признаки и особенности преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи, в том числе связанные с фактическим отсутствием в современных уголовно-

правовых нормах прямого указания на ответственность за виновное причинение гибели плода человека в процессе родоразрешения, позволяющие выделить такие преступления в самостоятельную группу, а также выражает их суть.

Приведенные обстоятельства обуславливают необходимость введения специальной уголовной ответственности за преступления в рассматриваемой сфере, позволяющей в том числе особо отметить признак профессионального долга и специфику общественной опасности.

Заключение

В рамках настоящей работы проведено исследование таких специфичных правоотношений, как оказание медицинской помощи. Определены общественная опасность и уголовно-правовая характеристика элементов состава преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи. В процессе оценки медицинских ятрогений, как фактора, влияющего на характеристику указанных преступлений, сделан вывод о необоснованном использовании термина «ятрогенные преступления». В связи с этим дано авторское понятие преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи.

Список литературы

1. Багмет А.М. Медицина — во благо или во вред? // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2018. С. 6—9.

2. Веселкина О.В. Дефекты оказания медицинской помощи с точки зрения судебно-медицинской экспертизы. URL: <http://nasci.ru/?id=40205> (дата обращения: 03.06.2022).

3. Галиев Б.Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 38—42. doi: 10.24411/2587-4926-2018-10012.

4. Гармаев Ю.П. Основы методики расследования коррупционных преступлений: курс лекций. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2018. 49 с.

5. Генетические исследования: законодательство и уголовная политика: монография / под ред. И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 200 с.

⁵⁸ Тузлукова М.В. Указ. соч. С. 16—17.

⁵⁹ См.: Галиев Б.Б. Актуальные вопросы юридической оценки деяний, связанных с осуществлением медицинской деятельности // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 39.

6. Глушков В.А. Проблемы уголовной ответственности за общественно опасные деяния в сфере медицинского обслуживания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 40 с.
7. Данилов Е.О. Юридическая квалификация дефектов медицинской помощи // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5. С. 123—138. doi: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.123-138.
8. Дворецкий Л.И. Ятрогения в практике интерниста // Терапевтический архив. 2019. Т. 91, № 1. С. 121—128. doi: 10.26442/00403660.2019.01.000041.
9. Долецкий С.Я. Ятрогения: клинический и социальный аспекты // Архив патологии. 1988. Т. 50, № 5. С. 16—20.
10. Замалеева С.В. Криминализация ятrogenных преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 169 с.
11. Иванова Я.И. Методика расследования ятrogenных преступлений, совершаемых в сфере родовспоможения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 177 с.
12. Иванцова Н.В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы разграничения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 1. С. 61—67. doi: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-61-67.
13. Истоки и современное содержание уголовной политики в области здравоохранения: актуальные вопросы теории и практики: монография / под ред. А.В. Грошева, Е.В. Епифановой. М.: Юрлитинформ, 2013. 456 с.
14. Ким Е.П. Уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере здравоохранения // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы: сборник статей. Вып. 15. Хабаровск: Дальневосточный государственный медицинский университет, 2016. С. 81—86.
15. Козлов С.В. Об отношении врачей и правоимитаторов к проблеме ятrogenной патологии (результаты социологического опроса) // Медицинское право. 2011. № 3. С. 28—31.
16. Коновод А.А. Расследование уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 31 с.
17. Лисицын Ю.П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. 2-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 512 с.
18. Михайлова Л.В. Оперативно-разыскное обеспечение раскрытия и расследования хищений на объектах морского транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 26 с.
19. Никитина И.О. Преступления в сфере здравоохранения (законодательство, юридический анализ, квалификация, причины и меры предупреждения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 32 с.
20. Огнерубов Н.А. Профессиональные преступления медицинских работников: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 167 с.
21. Оздоев М.Т. Должностные преступления: уголовно-правовой анализ и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2005. 207 с.
22. Пристанков В.Д. Проблемы выявления неосторожных преступлений в медицине // Проблемы прокурорской и следственной деятельности в сфере борьбы с преступностью в современных условиях: международная научно-практическая конференция, 5—6 июля 1996 г.: тезисы выступлений. СПб, 1996. С. 179—180.
23. Пристанков В.Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятrogenных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2000. 122 с.
24. Пристанков В.Д. Ятrogenные преступления: понятие, подходы к исследованию: монография. СПб, 2005. 329 с.
25. Проведение процессуальных проверок и расследование ятrogenных преступлений: сборник методических рекомендаций / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2017. 169 с.
26. Сенокосова Е.К. Профессиональная некомпетентность и недобросовестность при оказании медицинской помощи: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 234 с.
27. Сидакова И.А. К вопросу о дефиниции понятий врачебная ошибка, дефект оказания медицинской помощи, ятrogenное преступление // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2018. С. 138—140.
28. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006. 25 с.
29. Тимофеев И.В. Дефект медицинской помощи: проблемы и пути правовой формализации понятия // Медицинское право. 2018. № 6. С. 8—15.

30. Тузлукова М.В. Использование специальных знаний при расследовании ятогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 200 с.

31. Фойгель Е.И. Методика расследования адвентальных преступлений: теоретическая модель и механизм реализации: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2019. 525 с.

32. Хазизулин В.Б. Медицинская услуга не-надлежащего качества: некоторые аспекты методики расследования // Современная наука. 2021. № 6. С. 27—31. doi: 10.53039/2079-4401.2021.8.6.006.

33. Чаплыгина В.Н. Терминологический подход к понятиям «врачебная ошибка» и «ятогения» при расследовании ятогенных преступлений // Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола, 3 марта 2017 г. / под общ. ред. Е.Н. Рахмановой; Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия. СПб: Петрополис, 2017. С. 211—215.

34. Чаплыгина В.Н., Васюков В.Ф. Дискуссионные вопросы терминологической конструкции понятия «ятогенное преступление» // До-судебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия СК России, 2018. С. 157—159.

35. Черных А.Е. Конституционное право граждан на охрану здоровья и проблемы его реализации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 18 с.

36. Эртель Л.А. Использование судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства по делам о ненадлежащем исполнении медицинскими работниками профессиональных обязанностей // Медицинское право. 2018. № 2. С. 52—55.

37. Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 55 с.

38. Ятогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты: монография / Н.А. Подольный, Г.П. Кулешова, Е.А. Коваль, А.В. Матюшкина, Н.Н. Подольная. М.: Юрлитинформ, 2020. 208 с.

References

1. Bagmet, A.M. (2018) Medicina – vo blago ili vo vred? [Medicine – for good or for harm?]. In: Bagmet, A.M. (ed.) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam o professional'nyh prestuplenijah, sovershennyh medicinskimi rabotnikami. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moscow, February 15, 2018*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 6–9. (In Russ.).

2. Veselkina, O.V. Defekty okazanija medicinskoj pomoshhi s tochki zrenija sudebno-medicinskoj ekspertizy [Defects in the provision of medical care from the point of view of forensic medical examination]. URL: <http://nasci.ru/?id=40205> (accessed June 3, 2022). (In Russ.).

3. Galiev, B.B. (2018) Aktual'nye voprosy juridicheskoy ocenki dejanij, sviazannyh s osushhestvleniem medicinskoj dejatel'nosti [Topical issues of legal assessment of acts related to the implementation of medical activities]. *Actual problems of medicine and biology*, no. 2, pp. 38–42. (In Russ.). doi: 10.24411/2587-4926-2018-10012.

4. Garmaev, Ju.P. (2018) Osnovy metodiki rassledovanija korrupcionnyh prestuplenij [Fundamentals of the methodology of investigation of corruption crimes]. Ulan-Udje, Dorzhi Banzarov Buryat State University, 49 p. (In Russ.).

5. Kozachenko, I.Ja. & Sergeev, D.N. (eds.) (2021) *Geneticheskie issledovaniya: zakonodatel'stvo i ugolovnaja politika* [Genetic research: legislation and criminal policy]. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 200 p. (In Russ.).

6. Glushkov, V.A. (1990) Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za obshhestvenno opasnye dejanija v sfere medicinskogo obsluzhivanija [Problems of criminal liability for socially dangerous acts in the field of medical care]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Kiev, 40 p. (In Russ.).

7. Danilov, E.O. (2021) Juridicheskaja kvalifikacija defektov medicinskoj pomoshhi [Legal classification of defects in medical care]. *Actual Problems of Russian Law*, vol. 16, no. 5, pp. 123–138. (In Russ.). doi: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.123-138.

8. Dvoretsky, L.I. (2019) Jatrogenija v praktike internista [Iatrogenia in internist practice]. *Therapeutic Archive*, vol. 91, no. 1, pp. 121–128. (In Russ.). doi: 10.26442/00403660.2019.01.000041.

9. Doleckij, S.Ja. (1988) Jatrogenija: klinicheskij i social'nyj aspekty [Iatrogenic disease: the clinical and social aspects]. *Arkhiv Patologii*, vol. 50, no. 5, pp. 16–20. (In Russ.).

10. Zamaleeva, S.V. (2018) Kriminalizacija iatrogennyh prestuplenij [Criminalization of iatrogenic crimes]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 169 p. (In Russ.).
11. Ivanova, Ja.I. (2017) Metodika rassledovanija iatrogennyh prestuplenij, sovershaemyh v sfere rodovspomozhenija [Methods of investigation of iatrogenic crimes committed in the field of maternity care]. Ph. D. thesis. Moscow, 177 p. (In Russ.).
12. Ivantsova, N.V. (2020) Medicinskoe prestuplenie i medicinskaja oshibka: problemy razgraničenija [Medical crime and medical error: problems of differentiation]. *Juridical Journal of Samara University*, vol. 6, no. 1, pp. 61–67. (In Russ.). doi: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-61-67.
13. Groshev, A.V. & Epifanova, E.V. (eds.) (2013) Iстoki i современное содержание уголовной политики в области здравоохранения: актуальные вопросы теории и практики [The origins and modern content of criminal policy in the field of healthcare: topical issues of theory and practice]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 456 p. (In Russ.).
14. Kim, E.P. (2016) Ugolovno-pravovaja harakteristika prestuplenij v sfere zdravoohranenija [Criminal and legal characteristics of crimes in the field of healthcare]. In: *Izbrannye voprosy sudebno-medicinskoy jekspertizy. Iss. 15.* Harbinovsk, Far Eastern State Medical University, pp. 81–86. (In Russ.).
15. Kozlov, S.V. (2011) Ob otnoshenii vrachej i pravoprimeitelej k probleme iatrogennoj patologii (rezul'taty sociologicheskogo oprosa) [On the attitude of doctors and law enforcement officers to the problem of iatrogenic pathology (results of a sociological survey)]. *Medicinskoje pravo*, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.).
16. Konovod, A.A. (2016) Rassledovanie uklonenija ot uplaty nalogov i (ili) sborov s fizičeskogo lica [Investigation of tax evasion from an individual]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 31 p. (In Russ.).
17. Lisicyn, Ju.P. (2010) Obshhestvennoe zdorov'e i zdravoohranenie [Public health and healthcare]. Textbook. 2nd ed. Moscow, GEOTAR-Media, 512 p. (In Russ.).
18. Mihajlova, L.V. (2015) Operativno-razysknoe obespechenie raskrytija i rassledovaniya hishhej na ob'ektah morskogo transporta [Operational search support for the disclosure and investigation of theft at sea transport facilities]. Abstract of Ph. D. thesis. Krasnodar, 26 p. (In Russ.).
19. Nikitina, I.O. (2007) Prestuplenija v sfere zdravoohranenija (zakonodatel'stvo, juridicheskij analiz, kvalifikacija, prichiny i mery predupreždenija) [Crimes in the field of healthcare (legislation, legal analysis, qualification, causes and preventive measures)]. Abstract of Ph. D. thesis. Nizhniy Novgorod, 32 p. (In Russ.).
20. Ognerubov, N.A. (2014) Professional'nye prestuplenija medicinskikh rabotnikov [Professional crimes of medical workers]. Ph. D. thesis. Moscow, 167 p. (In Russ.).
21. Ozdoev, M.T. (2005) Dolzhnostnye prestuplenija: ugolovno-pravovoij analiz i predupreždenie [Official crimes: criminal law analysis and prevention]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 207 p. (In Russ.).
22. Pristanskov, V.D. (1996) Problemy vyjavlenija neostorozhnyh prestuplenij v medicine [Problems of detecting careless crimes in medicine]. In: *Problemy prokurorskoj i sledstvennoj dejatel'nosti v sfere bor'by s prestupnost'ju v sovremennych uslovijah. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, July 5–6, 1996.* Saint Petersburg, pp. 179–180. (In Russ.).
23. Pristanskov, V.D. (2000) Teoreticheskie i metodologicheskie problemy rassledovaniya iatrogennyh prestuplenij [Theoretical and methodological problems of investigation of iatrogenic crimes]. Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 122 p. (In Russ.).
24. Pristanskov, V.D. (2005) Iatrogennye prestuplenija: ponjatie, podhody k issledovaniju [Iatrogenic crimes: the concept, approaches to research]. Monograph. Saint Petersburg, 329 p. (In Russ.).
25. Bagmet, A.M. (ed.) (2017) Provedenie processual'nyh proverok i rassledovanie iatrogennyh prestuplenij [Conducting procedural checks and investigating iatrogenic crimes]. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 169 p. (In Russ.).
26. Senokosova, E.K. (2018) Professional'naja nekompetentnost' i nedobrosovestnost' pri okazanii medicinskoj pomoshi: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty [Professional incompetence and dishonesty in the provision of medical care: criminological and criminal-legal aspects]. Ph. D. thesis. Omsk, 234 p. (In Russ.).
27. Sidakova, I.A. (2018) K voprosu o definiciji ponjatiij vrachebnaja oshibka, defekt okazanija medicinskoj pomoshi, iatrogennoe prestuplenie [On the question of the definition of the concepts of medical error, a defect in the provision of medical care, iatrogenic crime]. In: Bagmet, A.M. (ed.) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam o professional'nyh prestuplenijah, sovershennyh medicinskimi rabotnikami. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moscow, February 15, 2018.* Moscow, Moscow Academy of

- the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 138–140. (In Russ.).
28. Suharnikova, L.V. (2006) Osobennosti rassledovanija neostorozhnogo prichinenija vreda zhizni i zdorov'ju grazhdan medicinskimi rabotnikami v processe professional'noj dejatel'nosti [Features of the investigation of negligent harm to the life and health of citizens by medical workers in the course of professional activity]. Abstract of Ph. D. thesis. Saint Petersburg, 25 p. (In Russ.).
29. Timofeev, I.V. (2018) Defekt medicinskoj pomoshchi: problemy i puti pravovoj formalizacii ponjatija [Medical treatment defect: issues and ways of legal formalization of the concept]. *Medicinskoje pravo*, no. 6, pp. 8–15. (In Russ.).
30. Tuzlukova, M.V. (2015) Ispol'zovanie special'nyh znanij pri rassledovanii jatrogennyh prestuplenij [The use of special knowledge in the investigation of iatrogenic crimes]. Ph. D. thesis. Kazan', 200 p. (In Russ.).
31. Fojgel', E.I. (2019) Metodika rassledovaniya advenal'nyh prestuplenij: teoreticheskaja model' i mehanizm realizacii [Methods of investigation of advenal crimes: theoretical model and mechanism of implementation]. Doctor's degree dissertation. Irkutsk, 525 p. (In Russ.).
32. Hazizulin, V.B. (2021) Medicinskaja usluga nenaslezhshego kachestva: nekotorye aspekty metodiki rassledovanija [A medical service of improper quality: some aspects of the investigation methodology]. *Modern Science*, no. 6, pp. 27–31. (In Russ.). doi: 10.53039/2079-4401.2021.8.6.006.
33. Chaplygina, V.N. (2017) Terminologicheskij podhod k ponjatijam "vrachebnaja oshibka" i "jatrogenija" pri rassledovanii jatrogennyh prestuplenij [Terminological approach to the concepts of "medical error" and "iatrogeny" in the investigation of iatrogenic crimes]. In: Rahmanova, E.N. (ed.) *Ugolovnaja otvetstvennost' medicinskikh rabotnikov: voprosy teorii i praktiki. Sbornik statej po materialam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola, March 3, 2017. Saint Petersburg, Petropolis*, pp. 211–215. (In Russ.).
34. Chaplygina, V.N. & Vasjukov, V.F. (2018) Diskussionnye voprosy terminologicheskoy konstrukcii ponjatija "jatrogennoe prestuplenie" [Controversial issues of terminological construction of the concept of "iatrogenic crime"]. In: Bagmet, A.M. (ed.) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam o professional'nyh prestuplenijah, sovershennyh medicinskimi rabotnikami. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moscow, February 15, 2018*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, pp. 157–159. (In Russ.).
35. Chernyh, A.E. (2012) Konstitucionnoe pravo grazhdan na ohranu zdorov'ja i problemy ego realizacii v Rossijskoj Federacii [The constitutional right of citizens to health care and the problems of its implementation in the Russian Federation]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 18 p. (In Russ.).
36. Ertel, L.A. (2018) Ispol'zovanie sudebno-medicinskoj jekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve v kachestve dokazatel'stva po delam o nenaslezhshem ispolnenii medicinskimi rabotnikami professional'nyh obyazannostej [Commissioning of forensic examination in criminal proceedings as an evidence in cases on inadequate healthcare delivery by healthcare professionals]. *Medicinskoje pravo*, no. 2, pp. 52–55. (In Russ.).
37. Jakovlev, M.M. (2008) Problemy teorii i praktiki vyjavlenija i rassledovanija prestuplenij, svyazannyh s professional'noj dejatel'nost'ju [Problems of theory and practice of detection and investigation of crimes related to professional activity]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Krasnodar, 55 p. (In Russ.).
38. Podo'lnyyj, N.A., Kuleshova, G.P., Koval', E.A., Matjushkina, A.V. & Podol'naja, N.N. (2020) Jatrogennye prestuplenija: ugolovno-pravovoje, kriminologicheskij i kriminalisticheskij aspekty [Iatrogenic crimes: criminal law, criminological and forensic aspects]. Monograph. Moscow, Jurlitinform, 208 p. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Б. Хазизулин – аспирант кафедры криминалистики Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, старший преподаватель Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, руководитель третьего отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Приморскому краю, полковник юстиции.

Information about the author

V.B. Khazizulin – Postgraduate student of the Department of Criminalistics of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Senior Lecturer of the Vladivostok State University of Economics and Service, Head of the Third Department for Investigation of Particularly Important Cases of the Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Primorsky Territory, Colonel of Justice.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 122–127.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 122–127.

УДК 343.615
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.012

NIION: 2015-0065-03/22-065
MOSURED: 77/27-010-2022-03-264

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве

Вадим Андреевич Чукреев

Прокуратура Свердловской области, Екатеринбург,
Россия, chukreevva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с криминализацией незаконной торговли органами в международном уголовном праве, особенности регламентации этого вопроса на международном уровне, а также систематизированы основные правовые подходы к данной проблеме.

Ключевые слова: международное уголовное право, незаконная трансплантация, органы человека, торговля органами и тканями, имплементация

Для цитирования: Чукреев В.А. Незаконная трансплантация органов в международном уголовном праве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 122–127. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.012.

Illegal organ transplantation in international criminal law

Vadim A. Chukreev

Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region,
Ekaterinburg, Russia, chukreevva@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the criminalization of illegal organ trafficking in international criminal law, the features of regulating this issue at the international level, and systematizes the main legal approaches to this problem.

Keywords: international criminal law, illegal transplantation, human organs, trade in organs and tissues, implementation.

For citation: Chukreev, V.A. (2022) Illegal organ transplantation in international criminal law. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 122–127. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.012.

В международном уголовном праве, так же, как и в праве многих зарубежных стран, под незаконной трансплантацией органов понимают непосредственно незаконную торговлю органами. Торговля органами (также известная как «красный рынок») — это торговля человеческими органами, тканями или другими продуктами тела, обычно напрямую предназначенными для трансплантации. Незаконное привлечение с целью изъятия органов признано серьезной международной проблемой. Тем не менее, в отличие от торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации или торговли детьми, торговля органами в значительной степени ис-

ключена из режимов международного уголовного права, хотя в 2017 году во всем мире было проведено почти 140 000 трансплантаций паренхиматозных органов. Несмотря на впечатляющие масштабы, эта деятельность обеспечила лишь 10 % мировой потребности в органах для пересадки. Несоответствие между спросом и предложением привело к возникновению преступлений, связанных с трансплантацией, включая торговлю людьми с целью извлечения органов и торговлю человеческими органами.

Такие преступления нарушают основные права человека и представляют серьезную опасность как для индивидуального, так и для общественного здоровья. Истинные масштабы преступлений, связанных с трансплантацией, ос-

© Чукреев В.А., 2022

таются неизвестными, но, по различным оценкам, от 5 % до 10 % трансплантаций во всем мире происходят в контексте международной торговли органами, часто с участием трансплантионного туризма в места, где действуют законы, запрещающие куплю-продажу человеческих органов. Торговля людьми с целью изъятия органов и торговля человеческими органами также могут иметь место в пределах одной страны и быть не связанными с поездками в целях трансплантации за границу. Во всех случаях наиболее уязвимые слои населения часто становятся жертвами эксплуатации и принуждения.

Торговля органами может рассматриваться как часть более широкого рынка, включающего ткани, клетки или другие части либо продукты человеческого тела, — «красного рынка». Известные международные правовые системы и многие национальные системы, в том числе в Соединенных Штатах Америки, запрещают любую продажу человеческих органов (за исключением компенсации расходов, понесенных донорами органов). Широкомасштабный запрет на продажу органов делает торговлю органами уникальной среди других транснациональных преступлений, поскольку, за редким исключением, не существует параллельной законной торговли. Спрос на трансплантацию органов, который не удовлетворяется за счет законного донорства органов, способствует образованию преступных организаций и незаконной деятельности.

Как и во многих случаях преступной деятельности, оценка финансовых масштабов международной торговли органами осложняется отсутствием информации. По оценкам неправительственной организации Global Financial Integrity (GFI), годовая стоимость торговли органами во всем мире колеблется от 840 млн до более чем 1,7 млрд долларов. Трансплантация может стоить покупателю от десятков до сотен тысяч долларов, в зависимости от задействованного органа и связанного с этим медицинского обслуживания, не включая самой перевозки. Оценки количества проведенных незаконных трансплантаций и предлагаемых цен на органы разнятся. По оценкам GFI, каждый год происходит около 12 000 нелегальных трансплантаций, из них около 8000 трансплантаций, при которых пересаживают почки, затем следуют печень, сердце, легкие и поджелудочная железа. По оценкам GFI, цены, выплачиваемые отдельным лицам за их органы, значительно различаются: платежи за почки колеблются от сотен долларов для лиц из менее развитых стран

до 20 000—30 000 долларов США в более развитых странах. Некоторые люди могут не получить никакой оплаты за орган или могут получить меньше, чем было первоначально согласовано. В отчетах также описываются случаи, когда люди предоставляют органы, а впоследствии несут значительные медицинские расходы или теряют средства к существованию из-за неудачных операций или непредвиденных побочных явлений. Согласно анализу GFI, наценки для реципиентов часто составляют 500—1900 %, при этом стоимость органа для реципиента составляет от 100 тыс. до 237 тыс. долларов.

Лицами, которые продают или иным образом предоставляют органы для незаконной торговли, могут быть:

- умершие лица, не давшие согласия на использование их органов, или лица, убитые ради получения их органов;
- живые лица, которые не соглашаются на использование или извлечение их органов или подвергаются принуждению, в том числе угрозе применения силы или предложениям оплаты с использованием экономического положения потерпевшего;
- живые лица, дающие согласие на продажу органа (в некоторых случаях такие лица могут быть введены в заблуждение относительно характера медицинской процедуры и восстановления).

Международные усилия по борьбе с незаконным оборотом органов достаточно обширны, и возглавляет их Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). В 1991 г. Всемирная ассамблея здравоохранения одобрила Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации органов¹. Эти принципы подчеркивали важность защиты доноров посредством информированного согласия, запрета на конфликты интересов со стороны врачей-трансплантологов и предпочтения умерших или родственников. Руководящие принципы прямо запрещали продажу органов и незаконный оборот органов, но оставляли методы правоприменения на усмотрение отдельных стран. В 2004 г. Всемирная ассамблея здравоохранения приняла измененную версию принципов в контексте глобального роста трансплантации органов и нехватки органов. Резолюция призывала государства-члены внедрить эффективные режимы надзора и сотрудничать в гармонизации мировой практики, а также расширить

¹ WHO Guiding Principles on Human Organ Transplantation: Resolution WHA44.25. May 13, 1991.

использование живых доноров почки, где это возможно. Резолюция призывала Генерального директора ВОЗ оказать поддержку государственным членам в предотвращении торговли органами и разработать руководящие принципы для защиты уязвимых групп от этих посягательств, принять меры против трансплантионного туризма и международной торговли органами².

ВОЗ продолжает отслеживать и поддерживать усилия по борьбе с торговлей людьми. Иллюстрацией этих усилий стала консультационная встреча, проведенная с национальными органами здравоохранения Западно-Тихоокеанского региона в 2005 г. в Маниле, известном центре торговли людьми. В отчете о встрече содержится призыв к прозрачности практики трансплантации, включая данные о стране происхождения доноров и реципиентов, что необходимо для «подотчетности и прослеживаемости». Несмотря на резкое осуждение коммерческой продажи органов, отчет разрешал оплату расходов донорам, включая расходы на здравоохранение и упущеный доход, а также «умеренную не денежную помощь». Однако любая поддержка должна быть прозрачной и соответствовать правилам принимающей страны. Получатели органов должны были нести ответственность за знание о том, получены ли их органы из законных источников, а их страны должны были принять меры для предотвращения эксплуатации доноров из других стран или нарушений правил донорства органов других стран.

В 2000 году Организация Объединенных Наций выпустила Протокол о предотвращении и пресечении торговли людьми и наказании за нее в качестве дополнения к Конвенции против транснациональной организованной преступности³. Определение торговли людьми в Протоко-

² Human Organ and Tissue Transplantation: Resolution WHA57.18. May 22, 2004.

³ Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime / U.N. Office of the High Commissioner for Human Rights.

На русском языке см.: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. // Организация Объединенных Наций: [офиц. сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml (дата обращения: 26.04.2022).

ле прямо включает изъятие органов и прямо отвергает согласие жертвы на эксплуатацию как несущественное. Государствам-участникам настоятельно рекомендуется защищать жертв торговли людьми в той мере, в какой это допускается внутренним законодательством, и они должны разработать комплексную политику по предотвращению торговли людьми и борьбе с ней. Примечательно, что Соединенные Штаты Америки прямо оставили за собой право брать на себя обязательства по Протоколу в порядке, соответствующем федералистским принципам.

Международные медицинские ассоциации также активно осуждают торговлю органами. Саммит 2008 года, проведенный Обществом трансплантологов и Международным обществом нефрологов в Турции, привел к принятию Стамбульской декларации. Декларация осуждает торговлю органами и трансплантионный туризм как нарушение принципов справедливости и уважения человеческого достоинства и рекомендует запретить их. По мнению Декларации, практика, побуждающая уязвимых лиц или группы лиц (например, неграмотных и бедных, иммигрантов без документов, заключенных, политических или экономических беженцев) становиться живыми донорами, несовместима с целью борьбы с торговлей органами, трансплантионным туризмом и коммерциализацией трансплантации. Странам было настоятельно рекомендовано внедрить программы по снижению частоты отказов органов и расширению законных методов донорства⁴.

Несколько международных документов содержат определения и описания торговли органами или связанной с ней деятельности, руководящие принципы этической и законной трансплантации органов, а также приоритеты правоохранительных органов в борьбе с незаконной торговлей:

1. Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, также известный как Палермский протокол, вступил в силу 29 сентября 2003 года.

Протокол включает изъятие органов как вид эксплуатации в определение торговли людьми: «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, пе-

⁴ The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism // Clinical Journal of the American Society of Nephrology. 2008. Vol. 3, no. 5. P. 1227–1231.

редачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов⁵.

2. Впервые одобренные органом ВОЗ, принимающим решения, — Всемирной ассамблей здравоохранения в 1991 г. и обновленные в 2010 г. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации клеток, тканей и органов человека (Руководящие принципы ВОЗ).

Руководящие принципы «предназначены для обеспечения упорядоченной, этичной и приемлемой основы для приобретения и трансплантации человеческих клеток, тканей и органов для лечебных целей». В преамбуле говорится о росте «комерческой торговли человеческими органами» и «сопутствующей торговли людьми». Несколько руководящих принципов касаются торговли органами, в том числе положения о том, что:

- живое донорство должно происходить с информированного и добровольного согласия донора, а донорам должна быть предоставлена профессиональная медицинская помощь (Руководящий принцип 3);
- клетки, ткани и органы должны передаваться в дар, а не продаваться, а продажа должна быть запрещена, хотя компенсация за донорство разрешена (Руководящий принцип 5);
- медицинские работники не должны проводить или обеспечивать страховое покрытие трансплантаций, связанных с «эксплуатацией, принуждением либо оплатой донору или ближайшему родственнику умершего донора» (Руководящий принцип 7)⁶.

Кроме того, резолюция Всемирной ассамблеи здравоохранения 2004 года призывает го-

⁵ Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons Especially Women and Children, supplementing the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. См. ст. 3 «Термины».

⁶ WHO Guiding Principles on Human Cell, Tissue and Organ Transplantation // Transplantation. 2010. Vol. 90, no. 3. P. 229–233.

сударства-члены принять меры для защиты самых бедных и уязвимых групп от транспланационного туризма и продажи тканей и органов⁷.

3. Стамбульская декларация о торговле органами и транспланационном туризме (Стамбульская декларация), появившаяся в результате Международного саммита по транспланционному туризму и торговле органами, который был проведен Обществом трансплантологов и Международным обществом нефрологов с 30 апреля по 2 мая 2008 года.

Саммит стремился решить «неотложные и растущие проблемы продажи органов, транспланционного туризма и торговли донорами органов», а итоговая Стамбульская декларация включала принципы и предложения, касающиеся укрепления законности и этичности трансплантации органов и предотвращения торговли органами, коммерциализации трансплантации и транспланционного туризма. Положения включали призывы к странам максимально увеличить количество органов, доступных для трансплантации, и запретить рекламу торговли органами. Декларация была обновлена в 2018 году⁸.

4. Некоторые региональные организации создали механизмы, касающиеся торговли органами. Например, Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей человеческими органами, вступившая в силу в марте 2018 года, направлена на «предотвращение торговли человеческими органами и борьбу с ней», защиту жертв и содействие национальному и международному сотрудничеству⁹. Конвенция открыта для государств-членов, не входящих в Европейский союз (ЕС). Стратегия и план действий Панамериканской организации здравоохранения (ПАОЗ) и Регионального бюро ВОЗ для стран Америки по донорству и равному доступу к трансплантации органов, тканей и клеток на 2019–2030 гг. включают показатели, касающиеся национальных стандартов по борьбе с незаконным оборотом органов и транспланционным туризмом. В стратегии утверждается, что «высокий индекс бедности и низкий уровень образования предрасполагают регион к риску торговли органами»¹⁰.

⁷ Human Organ and Tissue Transplantation: Resolution WHA57.18. May 22, 2004.

⁸ The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism // Clinical Journal of the American Society of Nephrology. 2008. Vol. 3, no. 5. P. 1227–1231.

⁹ Convention against Trafficking in Human Organs / Council of Europe. Treaty series no. 216, March 25, 2015.

¹⁰ Strategy and Plan of Action on Donation and Equitable Access to Organ, Tissue, and Cell Transplants 2019–2030 / PAHO and WHO Regional Office for the Americas. CD57/11, August 19, 2019.

Таким образом, торговля органами иллюстрирует несостоятельность как международного, так и национального уголовного права, эту сферу можно рассматривать как область несовершенного или «частично соблюденного» правосудия. Как утверждал А. Бьюкенен, в таких условиях может не быть ясного идеального решения, но можно улучшить положение созданием институтов, прежде чем будет достигнуто правосудие¹¹.

Рассмотрим значимость судебных решений. Транснациональная несправедливость, такая как торговля органами, ежегодно причиняет вред людям во многих странах. Тем не менее эти постоянные несправедливости остаются в полутени как международного, так и внутреннего права в том виде, в каком они существуют сегодня. Если бы международный суд, будь то сам Международный уголовный суд или международный суд, созданный специально для борьбы с торговлей людьми, сосредоточил свое внимание на судебных системах в отношении черного рынка, привлекая эффективное правовое внимание к проблеме, которая могла бы решаться только с помощью международных действий, тогда бы суд смог усилить борьбу со сложившейся ситуацией в мировом сообществе. Или рассмотрим вопрос об эффективности режимов правоприменения. Благонамеренные заявления, такие как усилия ВОЗ или Стамбульская декларация, в значительной степени являются увещеваниями, а не санкционированием международного судебного органа. Государства с уязвимым населением приняли меры для защиты своих граждан от тех, кто наживается на малоимущих, чтобы получить органы. Но в более благополучных странах наблюдается хронический дисбаланс между серьезным недостатком местных запасов и растущим спросом со стороны стареющего населения. Неспособность государств разрабатывать и обеспечивать соблюдение ограничений на торговлю людьми угрожает подорвать зарождающиеся усилия стран-доноров по ограничению торговли как людьми, так и органами. Создание эффективного международного правоприменительного режима могло бы помочь противостоять этому.

Подумаем, наконец, о том, как на легитимность режима международного уголовного права может повлиять разработка системы для борьбы с трансграничными преступлениями, таки-

¹¹ Buchanan A. Justice, legitimacy, and self-determination: moral foundations for international law. Oxford: Oxford University Press, 2004.

ми как незаконный оборот органов. Разработка международного правоприменительного режима, который мог бы повысить эффективность борьбы с данным преступлением, помогла бы решить эту проблему.

Прогресса в этом вопросе можно было бы достичь и другими путями. На национальном или даже международном уровне можно было бы решить проблемы снабжения органами, хотя в настоящее время их нехватка кажется неизбежной. Могут быть установлены соответствующие режимы регулирования, чтобы эффективно ограничить гражданам выезд из своей страны в поисках органа для трансплантации в другом месте. Но в государствах, которые «экспортируют» людей в поисках органов, существует нежелание осуждать людей или криминализировать их поступки, даже если это способствует практике, наносящей большой вред.

Конечно, остается неясным, целесообразно ли ожидать разработки такого глобального правоприменительного режима. Давление на внутренние правовые режимы может быть просто слишком велико. Но незаконный оборот органов является серьезной международной проблемой, которая по-прежнему недостаточно решается как призывами международных организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения, так и внутренними законами отдельных государств.

Список литературы

1. Buchanan A. Justice, legitimacy, and self-determination: moral foundations for international law. Oxford: Oxford University Press, 2004. 507 p.
2. Francis L, Francis J. Stateless crimes, legitimacy, and international criminal law: the case of organ trafficking // Criminal Law and Philosophy. 2010. Vol. 4, no. 3. P. 283—296. doi: 10.1007/s11572-010-9100-y.
3. International organ trafficking: in brief. December 22, 2021 / Congressional Research Service. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R46996.pdf> (accessed April 26, 2022).
4. The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism / Participants in the International Summit on Transplant Tourism and Organ Trafficking // Clinical Journal of the American Society of Nephrology. 2008. Vol. 3, no. 5. P. 1227—1231. doi: 10.2215/CJN.03320708.
5. WHO Guiding Principles on Human Cell, Tissue and Organ Transplantation / World Health Organization // Transplantation. 2010. Vol. 90,

no. 3. P. 229—233. doi: 10.1097/TP.0b013e3181ec29f0.

References

1. Buchanan, A. (2004) Justice, legitimacy, and self-determination: moral foundations for international law. Oxford, Oxford University Press, 507 p.
2. Francis, L. & Francis, J. (2010) Stateless crimes, legitimacy, and international criminal law: the case of organ trafficking. *Criminal Law and Philosophy*, vol. 4, no. 3, pp. 283–296. doi: 10.1007/s11572-010-9100-y.
3. Congressional Research Service. (2021) *International organ trafficking: in brief*. December 22, 2021. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R46996.pdf> (accessed April 26, 2022).
4. Participants in the International Summit on Transplant Tourism and Organ Trafficking. (2008) “The Declaration of Istanbul on Organ Trafficking and Transplant Tourism.” *Clinical Journal of the American Society of Nephrology*, vol. 3, no. 5, pp. 1227–1231. doi: 10.2215/CJN.03320708.
5. World Health Organization. (2010) “WHO Guiding Principles on Human Cell, Tissue and Organ Transplantation.” *Transplantation*, vol. 90, no. 3, pp. 229–233. doi: 10.1097/TP.0b013e3181ec29f0.

Информация об авторе

В.А. Чукреев — заместитель прокурора Свердловской области, кандидат юридических наук.

Information about the author

V.A. Chukreev – Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region, Candidate of Law.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Криминология: Учеб. пособие. 5-е изд. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований / Под ред. С.В. Иванцова, Е.А. Антоняна [Я.Л. Алиев и др.]

ISBN: 978-5-238-03433-1

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильтвенной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 128–133.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 128–133.

УДК 343.136
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.013

NIION: 2015-0065-03/22-066
MOSURED: 77/27-010-2022-03-265

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Процессуальный контроль руководителя следственного органа в обеспечении качества и результативности предварительного следствия по уголовным делам, по которым предусматривается возможность их рассмотрения судом присяжных заседателей

Алексей Александрович Ильюхов^{1, 2}

¹Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, alexsmol672019@yandex.ru

²Саратовская государственная юридическая академия (Смоленский филиал), Смоленск, Россия

Аннотация. В статье исследуются вопросы эффективности процессуального контроля по уголовным делам, которые в силу закона могут быть рассмотрены судом присяжных заседателей. Раскрываются и анализируются различные направления данного вида процессуальной деятельности, и отмечается, что часть из них, отраженная в ведомственных инструкциях, приказах и распоряжениях, отсутствует в уголовно-процессуальном законе.

С учетом стадий досудебного производства полномочия руководителя следственного органа по процессуальному контролю за предварительным следствием классифицируются в зависимости от объекта и предмета процессуального контроля, исходя из направлений процессуального контроля и принимаемых решений.

Методы: анализ, обобщение, сравнение, описание, системный анализ.

Выводы: Решить проблему низкой эффективности процессуального контроля за качеством предварительного следствия по уголовным делам, которые в силу закона могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей, возможно, определив оптимальные механизмы применения форм процессуального контроля руководителями следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации в регионах. При этом сам процессуальный контроль должен носить упреждающий характер и отвечать требованиям систематичности и своевременности.

Ключевые слова: уголовный процесс, процессуальный контроль, качество предварительного следствия, суд присяжных заседателей

Для цитирования: Ильюхов А.А. Процессуальный контроль руководителя следственного органа в обеспечении качества и результативности предварительного следствия по уголовным делам, по которым предусматривается возможность их рассмотрения судом присяжных заседателей // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 128—133. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.013.

Procedural control of the head of the investigative body in ensuring the quality and effectiveness of the preliminary investigation in criminal cases, which provide for the possibility of their consideration by a jury

Alexey A. Ilyukhov^{1, 2}

¹Smolensk State University, Smolensk, Russia, alexsmol672019@yandex.ru

²Saratov State Law Academy (Smolensk branch), Smolensk, Russia

Abstract. The article examines the effectiveness of procedural control in criminal cases, which, by virtue of the law, can be considered by a jury. The article reveals and analyzes various directions of this type of procedural activity, and notes that some of them, reflected in departmental instructions and orders, are not in the criminal procedure law.

Taking into account the stages of pre-trial proceedings, the powers of the head of the investigative body for procedural control over the preliminary investigation are classified depending on the object and subject of procedural control, based on the directions of procedural control and decisions made.

Methods: analysis, generalization, comparison, description, system analysis.

Conclusions: It is possible to solve the problem of low efficiency of procedural control over the quality of preliminary investigation in criminal cases, which, by virtue of the law, can be considered by a court with the participation of jurors,

by determining the optimal mechanisms for applying forms of procedural control by the heads of investigative units of the Investigative Committee of the Russian Federation in the regions. At the same time, the procedural control itself must be proactive and meet the requirements of consistency and timeliness.

Keywords: criminal process, procedural control, quality of preliminary investigation, jury trial

For citation: Ilyukhov, A.A. (2022) Procedural control of the head of the investigative body in ensuring the quality and effectiveness of the preliminary investigation in criminal cases, which provide for the possibility of their consideration by a jury. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 128 – 133. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.013.

Повышение качества предварительного следствия по уголовным делам, отнесенными к подсудности суда присяжных заседателей, в значительной мере обусловлено уровнем процессуального контроля руководителя следственного органа за процессуальной деятельностью следователя по расследованию уголовного дела, и полномочия руководителя следственного органа в этом направлении находят свое проявление на стадии предварительного следствия.

Эти полномочия в целом касаются проверки законности проводимых следственных действий и обоснованности принимаемых процессуальных решений, правильности систематизации полученных по уголовному делу доказательств, что находит отражение в нормах уголовно-процессуального закона и в нормативных правовых актах по организации деятельности следственного аппарата, например приказах Председателя Следственного комитета Российской Федерации¹. Но и этим процессуальный контроль не ограничивается.

Так, осуществляя процессуальный контроль заявленных следователем перед судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и иных мер пресечения,

касающихся ограничения конституционных прав граждан, руководитель следственного органа проверяет основания, в силу которых возникла необходимость применения данной меры пресечения при невозможности избрания иной меры пресечения. В качестве материалов, необходимых для изучения со стороны руководителя следственного органа, выступают постановление о возбуждении уголовного дела и привлечение лица в качестве обвиняемого, протокол задержания, допрос подозреваемого, обвиняемого, иные материалы, подтверждающие необходимость применения указанной меры пресечения. Обоснованность заявленного следователем ходатайства проверяется также и личным допросом (или участием в нем руководителя следственного органа) обвиняемого без принятия уголовного дела к своему производству, и при подтверждении обоснованности доводов следователя руководителем дается согласие на возбуждение ходатайства перед судом об избрании указанной меры пресечения. В случае необходимости продления обвиняемому срока заключения под стражей руководитель следственного органа также оценивает законность выдвинутого следователем ходатайства о продлении срока заключения под стражу и разрешает данное ходатайство.

Следующим из направлений процессуальной деятельности руководителя следственного органа на этапе предварительного расследования выступает проверка доказательств, полученных в ходе производства следственных действий, на предмет их соответствия критериям относимости, допустимости, достоверности и в совокупности достаточности. При этом достаточность доказательств руководителем следственного органа оценивается в ходе проверки постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, а уже затем и обвинительного заключения. Проверяя доказательства на предмет их достаточности, руководитель следственного органа устанавливает, все ли следственные действия были выполнены, объединены ли в логической последовательности друг с другом полученные доказательства, вытекая одно из другого.

¹ Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 07.06.2013 № 35; Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 1; Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 17.09.2014 № 89; Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 3 // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru>.

го, подтверждаются ли они совокупностью собранных по уголовному делу доказательств. Разрешение этих вопросов воспринимается руководителем следственного органа как критерий оценки достаточности собранных по уголовному делу доказательств.

Указанные выше предписания более полно отражены в ведомственных приказах, указаниях, инструкциях и распоряжениях Следственного комитета Российской Федерации, где с целью повышения качества предварительного следствия, снижения нарушений закона со стороны следователя руководству следственных органов предписывается в рамках процессуального контроля на систематической основе проверять уголовные дела; отменять незаконные и необоснованные решения следователя; в письменной форме определять направление хода расследования; проверять качество следственных действий, в том числе и тех, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан; контролировать соблюдение процессуальных сроков; осуществлять иные виды контроля, с тем чтобы своевременно выявлять и устранять процессуальные нарушения².

Вместе с тем в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации законодатель изложенные выше полномочия руководителя следственного органа не прописал, ограничив его в возможности определять, какие из представленных доказательств позволяют сформировать обвинение с позиции достаточности. В этой связи предлагается дополнить ч. 2 ст. 171 УПК РФ пунктом 7: «п. 7. Вся совокупность доказательств, позволяющих предъявить обвинение, раскрывая сущность каждого из них».

Данное предложение обусловлено также и тем обстоятельством, что в ст. 87—88 УПК РФ нет указаний на правомочия руководителя следственного органа по участию в оценке доказательств, на что также обращает внимание в своем исследовании С.А. Минаева³. Хотя дан-

² Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 07.06.2013 № 35; Об организации процессуального контроля при возбуждении ходатайств о продлении срока предварительного следствия, избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 3.

³ Минаева С.А. Актуальные направления процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности при производстве предварительного следствия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 176.

ные правомочия, по сути, присутствуют, поскольку такого рода содействие руководителем следственного органа следователю реально оказывается. Из чего следует закономерный вывод, что руководителя следственного органа логично, в рамках процессуального контроля, наделить правом проверки доказательств на предмет их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Для чего нужно, чтобы за 5 суток до извещения следователем участников процесса об окончании предварительного следствия (ч. 2 ст. 215 УПК РФ) руководитель следственного органа изучил уголовное дело и дал по мере необходимости обязательные для исполнения письменные указания по нему.

После чего должна начаться процедура ознакомления обвиняемого с уголовным делом, и, по справедливому мнению Г.М. Миньковского, ее проведением обязанности следователя не ограничиваются. Они проявляются в разъяснении обвиняемому его прав, которые позволяют тому эффективно защищаться⁴, в том числе и права на рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей. Соблюдение указанного порядка также подлежит контролю руководства следственного органа, и при выявлении нарушений руководитель следственного органа возвращает уголовное дело следователю для их устранения. Одновременно им организуется проведение служебных проверок с целью установления причин выявленных нарушений и в случае необходимости разрешается вопрос о привлечении следователя к дисциплинарной ответственности, после чего не позднее, чем в 10-дневный срок со дня проведения проверки, он информирует подразделения процессуального контроля центрального аппарата Следственного комитета Российской Федерации о ее результатах⁵.

Значимую роль в таких проверках играют не столько административные методы в отношении следователя, сколько, как справедливо полагает Б.Я Гаврилов, своевременность контроля, которая выступает критерием оценки де-

⁴ Миньковский Г.М. Окончание предварительного расследования и осуществление права обвиняемого на защиту / Всесоюз. ин-т юрид. наук. М., 1957. С. 90.

⁵ О дополнительных мерах по повышению качества предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации: указания Следственного комитета Российской Федерации от 08.06.2013 № 2/247 // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://www.sledcom.ru> (дата обращения: 12.03.2022).

ятельности и самого руководителя следственного органа⁶.

Своевременность контроля носит упреждающий характер, выступая его составным элементом, направленным на выявление и устранение волокиты и нарушений уголовно-процессуального законодательства следователем, что отражается и в ведомственных нормативных правовых актах следственных управлений Следственного комитета Российской Федерации по субъектам Российской Федерации. К примеру, распоряжение следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия от 06.12.2013 № 40/216р «О дополнительных мерах по повышению качества предварительного следствия»⁷, с тем чтобы пресечь волокиту и нарушения уголовно-процессуального законодательства, обязывает применять меры упреждающего характера руководителями следственных подразделений.

Аналогичным образом регламентируются эти вопросы и руководством следственного управления СК России по Забайкальскому краю (распоряжение от 12.12.2013 № 241/207 «О дополнительных мерах по повышению качества предварительного расследования»). В указанном распоряжении руководителям следственного управления предписывается ежемесячно проводить упреждающие выезды для проверки соблюдения процессуальных сроков расследования, проверки планов расследования по уголовным делам с заслушиванием отчетов по их выполнению, а в случае их невыполнения — устанавливать причины этого. На совещаниях по результатам проведения такого рода выездов до следователей доводятся изменения действующего законодательства, обсуждаются новые тактические приемы расследования. После чего готовятся аналитические обзоры, справки, отражающие причины и условия, послужившие, например, основанием возвращения прокурором и судом

уголовных дел в соответствии со ст. 221 УПК РФ и ст. 237 УПК РФ⁸.

Кроме своевременности, значимую роль в проведении процессуального контроля играет и его систематичность, определяемая самим руководителем следственного органа, а обеспечивается она заслушиванием еженедельных отчетов следователей о ходе и результатах их расследования, выездами зональных сотрудников отделов процессуального контроля следственных органов по субъектам Российской Федерации в следственные подразделения с целью изучения уголовных дел и дачи рекомендаций по направлению дальнейшего хода их расследования.

Так, в Уральском следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации руководство следственного органа по сложным и многоэпизодным уголовным делам требует от следователя согласования с отделами процессуального контроля СК России и надзирающими прокурорами постановлений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста⁹.

Представленные выше предписания, касающиеся своевременности, системности проведения процессуального контроля, имеют универсальный характер, а значит, применимы и по категориям уголовных дел, подлежащих рассмотрению судом присяжных заседателей.

Однако реализовать требования систематичности и своевременности процессуального контроля со стороны руководителя следственного органа не всегда представляется возможным по причине высокой загруженности в работе, на что указали в ходе проведенного опроса 75 % руководителей следственных органов¹⁰, что, од-

⁶ Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волонтаризм в праве // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35—44.

⁷ Распоряжение следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия от 06.12.2013 № 40/216р «О дополнительных мерах по повышению качества предварительного следствия» // Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Калмыкия. 2013. С. 28.

⁸ Информационное письмо о положительном опыте организации работы в следственном управлении по Удмуртской Республике следственного управления Следственного комитета Российской Федерации // Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Удмуртской Республике. 2013. С. 124.

⁹ Информационное письмо о положительном опыте организации работы в следственном управлении следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Уральскому округу // Вестник следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Уральскому округу. 2013. С. 124.

¹⁰ Багмет А.М., Османова Н.В. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору: процессуальный контроль в органах Следственного комитета Российской Федерации. М., 2015. С. 128.

нако, не служит основанием снижения качества процессуального контроля.

Следует отметить, что следственная практика выработала эффективные механизмы реализации системности и своевременности процессуального контроля, введя единый реестр движения уголовных дел, который выступает разновидностью организационно-административной деятельности, именуемой бенчмаркингом (непрерывный поиск новых идей). Он учитывает уголовные дела, их движение, начиная с возбуждения уголовного дела и до его направления прокурору для утверждения обвинительного заключения. Такой метод процессуального контроля позволяет определять оптимальные способы эффективного расследования, оценивать и сопоставлять передовой опыт тех следственных подразделений, которые уже успешно работают в схожих условиях. В том числе он позволяет, по мнению А. Александрова, С. Белова и А. Кухты, своевременно выявить нарушения следователя, касающиеся незаконного и необоснованного принятия процессуальных решений, связанных с возбуждением уголовного дела, предъявлением лицу обвинения, принятия решения о применении мер пресечения, прекращении уголовного дела или его приостановлении¹¹.

В качестве вывода можно констатировать, что контроль руководителя следственного органа за следствием должен носить систематичный, своевременный и упреждающий характер, что отражено в ведомственных предписаниях, но должным образом не отражено на законодательном уровне, по причине чего снижается уровень процессуального контроля за деятельностью следователей по расследованию уголовных дел.

С учетом стадий досудебного производства полномочия руководителя следственного органа по процессуальному контролю за предварительным следствием классифицируются следующим образом:

1. Объектом процессуального контроля руководителя следственного органа выступают:

- проверка законности и обоснованности проводимых следователем следственных и процессуальных действий;
- проверка законности и обоснованности оснований, в силу которых возникла необходимость для проведения следственных и процессуальных действий и при-

нимаемых следователем процессуальных решений.

2. Предметом процессуального контроля руководителя следственного органа выступают:

- действия следователя, облеченные в протоколы следственных действий (протокол осмотра места происшествия, протокол предъявления для опознания, протокол следственного эксперимента и проверки показаний на месте и др.);
- решения следователя, облеченные в процессуальную форму в виде постановлений (постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, постановление о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, приостановлении производства по уголовному делу и др.).

3. По решениям, принимаемым руководителем следственного органа в рамках процессуального контроля:

- продление сроков предварительного следствия;
- отмена незаконных и необоснованных решений, принимаемых следователем в ходе производства по уголовному делу.

4. Направления процессуального контроля руководителя следственного органа на стадии предварительного следствия:

- проверка собранных доказательств по уголовному делу на предмет их соответствия критериям относимости, допустимости и достоверности и в совокупности достаточности;
- проверка оснований, в силу которых возникла необходимость применения в ходе производства по уголовному делу мер пресечения, связанных с ограничением конституционных прав граждан;
- дача следователю указаний на проведение следственных действий с использованием технических средств фиксации доказательств, с тем чтобы присяжные заседатели лучше уяснили картину произошедшего;
- проверка соблюдения следователем порядка разъяснения участникам процесса их процессуальных прав при производстве следственных действий, в частности при ознакомлении обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, права на рассмотрение уголовного дела судом присяжных заседателей.

¹¹ Александров А.С., Белов С.И., Кухта А.А. Реформа предварительного расследования // Уголовное право. 2007. № 5. С. 69.

Список литературы

1. Александров А.С., Белов С.И., Кухта А.А. Реформа предварительного расследования // Уголовное право. 2007. № 5. С. 66—70.
 2. Багмет А.М., Османова Н.В. Направление уголовного дела с обвинительным заключением прокурору: процессуальный контроль в органах Следственного комитета Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2015. 197 с.
 3. Гаврилов Б.Я. Перераспределение процессуальных и надзорных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа: объективная необходимость или волюнтаризм в праве // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 35—44.
 4. Минаева С.А. Актуальные направления процессуальной деятельности руководителя следственного органа по обеспечению законности при производстве предварительного следствия // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. С. 173—179.
 5. Миньковский Г.М. Окончание предварительного расследования и осуществление права обвиняемого на защиту / Всесоюз. ин-т юрид. наук. М.: Госюриздат, 1957. 211 с.
-
2. Bagmet, A.M. & Osmanova, N.V. (2015) Napravlenie ugolovnogo dela s obvinitel'nym zaklucheniem prokuroru: processual'nyj kontrol' v organah Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii [Referral of a criminal case with an indictment to the prosecutor: procedural control in the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation]. Moscow, Jurlitinform, 197 p. (In Russ.).
 3. Gavrillov, B.Ya. (2009) Pereraspredelenie processual'nyh i nadzornyh polnomochij mezhdu prokurorom i rukovoditelem sledstvennogo organa: ob''ektivnaja neobhodimost' ili voljuntarizm v prave [Redistribution of procedural and supervisory powers between the prosecutor and the head of the investigative body: objective necessity or voluntarism in law]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, no. 4, pp. 35–44. (In Russ.).
 4. Minaeva, S.A. (2014) Aktual'nye napravlenija processual'noj dejatel'nosti rukovoditelja sledstvennogo organa po obespecheniju zakonnosti pri proizvodstve predvaritel'nogo sledstvija [The actual directions of procedural activity of the head of investigative body on law enforcement by production of preliminary investigation]. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*, no. 2-2, pp. 173–179. (In Russ.).
 5. Min'kovskij, G.M. (1957) Okonchanie predvaritel'nogo rassledovanija i osushhestvlenie prava obvinjaemogo na zashhitu [The end of the preliminary investigation and the right of the accused to defense]. Moscow, Gosjurizdat, 211 p. (In Russ.).

References

1. Aleksandrov, A.S., Belov, S.I. & Kuhta, A.A. (2007) Reforma predvaritel'nogo rassledovaniya [Reform of the preliminary investigation]. *Ugolovnoe pravo*, no. 5, pp. 66–70. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Ильюхов — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Смоленского государственного университета, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Саратовской государственной юридической академии (Смоленского филиала), кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A.A. Ilyukhov – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Smolensk State University, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Saratov State Law Academy (Smolensk branch), Candidate of Law, Associate Professor.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 134–142.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 134–142.

УДК 336.717
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.014

NIION: 2015-0065-03/22-067
MOSURED: 77/27-010-2022-03-266

Группа научных специальностей: 5.2. Экономика

Развитие финансовых технологий в сфере кредитования

Андрей Владимирович Минаков¹, Нодари Дарчоевич Эриашвили²

^{1, 2}Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹minakov-info@yandex.ru

²office@unity-dana.ru

Аннотация. Предмет исследования — финансовые технологии в сфере кредитования. Цель статьи — изучение развития финансовых технологий в сфере кредитования. Актуальность исследования обусловлена тем, что финансовые технологии, применяемые в банковской сфере, включают технологии, направленные на улучшение и автоматизацию предоставления и использования финансовых услуг: платежные системы, мобильный банкинг, блокчейн, онлайн-кредитование и т. д.

Одной из главных функций банков является кредитование. FinTech пересматривает процессы, связанные с выдачей кредитов, оптимизируя оценку рисков, облегчая доступ клиентов к кредитованию и ускоряя процессы подтверждения. Поэтому использование финансовых технологий в процессе кредитования является актуальной задачей. Научная новизна статьи заключается в изучении актуальных тенденций развития финансовых технологий в сфере кредитования.

К ведущим методам исследования проблемы статьи можно отнести анализ теоретических источников, анализ показателей статистики, сравнение. Исследование статистических показателей основано на анализе данных Центробанка РФ и Национального бюро кредитных историй.

Результаты исследования. Была дана оценка развитию финансовых технологий в сфере кредитования в России. Сделан вывод, что в последние годы в Российской Федерации финансовые технологии активно развиваются, однако необходимы дальнейшие исследования направлений развития финансовых технологий в сфере кредитования. **Выводы.** Банкам следует разрабатывать среднесрочную стратегию использования финтех-инструментов и на этой основе планировать развитие инжиниринга и капиталовложения в развитие материально-технической базы. **Рекомендации.** Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований по теме статьи является изучение успешного опыта применения финансовых технологий в сфере кредитования.

Ключевые слова: финансовые технологии, большие данные, скоринг, FinTech, цифровизация, диджитализация, цифровая трансформация, автоматизация кредитования

Вклад авторов: авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Развитие финансовых технологий в сфере кредитования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 134—142. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.014.

Development of financial technologies in the field of lending

Andrey V. Minakov¹, Nodari D. Eriashvili²

^{1, 2}Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹minakov-info@yandex.ru

²office@unity-dana.ru

Abstract. The subject of the research is financial technologies in the field of lending. The purpose of the article is to study the development of financial technologies in the field of lending. The relevance of the research is due to the fact that financial technologies used in the banking sector include technologies aimed at improving and automating the provision and use of financial services: payment systems, mobile banking, blockchain, online lending, etc.

Lending is one of the main functions of banks. Fintech is redefining lending processes, streamlining risk assessments, speeding up approval processes and making it easier for clients to access credit. Therefore, the use of financial

technologies in the lending process is an urgent task. *The scientific novelty* of the article lies in the study of current trends in the development of financial technologies in the field of lending.

The leading methods of researching the problem of the article include the analysis of theoretical sources, analysis of statistics, comparison. The study of statistical indicators is based on the analysis of data from the Central Bank of the Russian Federation and the National Bureau of Credit Histories.

Research results. An assessment was made of the development of financial technologies in the field of lending in Russia. It is concluded that financial technologies have been actively developing in the Russian Federation in recent years, but further research is needed on the directions of development of financial technologies in the field of lending. *Conclusions.* Banks should develop a medium-term strategy for the use of fintech instruments and, on this basis, plan the development of engineering and capital investments in the development of the material and technical base. *Recommendations.* The most promising area of further research on the topic of the article is to study the successful experience of using financial technologies in the field of lending.

Keywords: financial technology, Big Data, scoring, FinTech, digitalization, digitalization, digital transformation, lending automation

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

For citation: Minakov, A.V. & Eriashvili, N.D. (2022) Development of financial technologies in the field of lending. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 134 – 142. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.014.

Введение

Научная новизна статьи заключается в изучении актуальных тенденций развития финансовых технологий в сфере кредитования. Новые технологии меняют то, как население и организации используют финансовые услуги. Новшества в финансовой сфере, связанные с цифровизацией деятельности, развиваются в настоящее время достаточно быстро. Этим изменениям свойственны большие масштабы, высокая скорость и глобальный характер. В связи с чем меняются как банковские бизнес-модели, так и принципы предоставления финансовых услуг, включая кредитование.

Кредитная деятельность, как правило, является главным источником доходов банка и одной из главных функций банков. Кредитование — востребованная услуга, так как оно позволяет субъектам экономики, нуждающимся в финансах, получать временно свободные денежные средства других субъектов, аккумулируемые в кредитном учреждении. Поэтому применение финансовых технологий в процессе кредитования — это актуальная задача. Для клиентов важно получать кредиты в более быстрые сроки, более удобными способами, а использование финансовых технологий способствует выполнению этих условий. Без использования в своей кредитной деятельности финтех-новшества банки могут потерять клиентов, которые перейдут к обслуживанию в более технологичных организациях.

Научная значимость исследования состоит в систематизации материалов по развитию финансовых технологий в сфере кредитования, изучении проблем и перспектив развития данной сферы.

Материалы статьи имеют практическую ценность для развития финансовых технологий в сфере банковского кредитования в Российской Федерации.

Многими авторами рассматриваются вопросы развития финансовых технологий. Теоретическую основу статьи составляют фундаментальные разработки по исследуемой теме, которые были представлены в трудах отечественных и зарубежных авторов, таких как Ш.У. Ниязбекова, О.С. Иванова, А.И. Молоканов, Р. Sironi, Ch. Holloman, L. Morris, T. Boobier и др.

Однако в литературе не исследуются актуальные вопросы развития финансовых технологий в сфере кредитования в России, которые будут раскрыты в данной статье.

Целью статьи является изучение развития финансовых технологий в сфере кредитования. Для этого необходимо изучить теоретические аспекты развития финансовых технологий в кредитной сфере, провести анализ развития финансовых технологий в Российской Федерации и выявить проблемы в данной сфере.

Материалы и методы

К ведущим методам исследования проблемы статьи можно отнести анализ теоретических источников, анализ показателей статистики, сравнение. Основной метод, применяемый при анализе развития финансовых технологий в кредитной сфере, — анализ статистических показателей. В России Центральный банк РФ и Национальное бюро кредитных историй собирают, хранят и публикуют данные о кредитах. Для анализа развития финансовых технологий в сфере кредитования авторами выбраны следующие показатели: динамика выдачи новых

кредитных карт, динамика доли онлайн-заявок на кредиты, динамика доли онлайн-заявок по сегментам розничного кредитования, динамика доли онлайн-займов, выданных микрофинансовыми институтами. При этом для анализа отдельных показателей необходимо исследовать данные за последние два-три года.

Исследование проблемы проводилось в три этапа: на первом этапе осуществлялся теоретический анализ существующих методологических подходов к управлению финансовыми технологиями в сфере кредитования; на втором этапе проведено изучение выбранных показателей в динамике; на третьем этапе были сделаны обобщающие выводы относительно эффективности управления финансовыми технологиями в сфере кредитования.

Результаты и обсуждение

Финансы и технологии имеют долгую историю взаимного усиления. Финансовые технологии (FinTech) — это не новая концепция. Эволюция FinTech проходила в три этапа.

На первом этапе, с 1866 по 1967 год, отрасль финансовых услуг оставалась в основном аналоговой, несмотря на то, что она была тесно связана с технологиями. Финансовые связи через границы налаживали благодаря телеграфу, железным дорогам и пароходам. К концу первого этапа удалось создать глобальную телекинскую сеть, которая обеспечила коммуникационную основу.

Второй этап, с 1968 по 2008 год, — период развития цифровых технологий для коммуникаций и транзакций. Получили стремительное развитие электронные платежные системы.

На третьем этапе, с 2009 года, новые стартапы и устоявшиеся компании, занимающиеся технологиями, электронной коммерцией и социальными сетями, начали предоставлять финансовые продукты и услуги непосредственно населению, а также предприятиям, включая банки. Ключевые отличительные факторы данного этапа — это быстрые темпы развития технологий (особенно в последнее десятилетие), меняющаяся идентичность поставщиков финансовых услуг, переосмысление ландшафта финансовых услуг¹.

И. В. Понкин и соавторы считают, что финансовые технологии — это отрасль, основан-

ная на цифровых технологиях и платформах². III. З. Соломонова пишет о том, что финансовые технологии позволяют предлагать клиентам более целенаправленные продукты и услуги³.

Ю. С. Захаров и О. В. Захарова считают, что внедрение финансовых технологий дает возможность принимать решения на основе больших данных; увеличивать скорость обслуживания клиентов и минимизировать издержки; создавать системы многоканального круглосуточного обслуживания⁴. По мнению Е. Б. Парушкина и Г. И. Хотинской, финансовые технологии формируют новое финансовое мышление экономических агентов⁵.

Развитию финтех-индустрии в настоящее время способствует поддержка на государственном уровне (гибкая система налогообложения, формирование адекватного законодательного поля)⁶.

Сегодня финансовые технологии (FinTech) затрагивают все области глобальной финансовой системы, включая банковскую сферу.

Банковская отрасль в различных формах существует и развивается на протяжении веков и охватывает весь земной шар. Банки создавались, росли и консолидировались во все более крупные организации. Благодаря появлению компьютеров, затем Интернету и новым финансовым технологиям банки изменили свои продукты и услуги, разработали кредитные и дебетовые карты, создали многоканальные платформы цифрового банкинга, добились снижения затрат на обслуживание, стали предлагать более качественные продукты и услуги и более удобный доступ для клиентов⁷.

В настоящее время финансовые технологии преобразуют мир банковских и финансовых ус-

² Понкин И. В., Куприяновский В. П., Понкин Д. И. Fintech, Regtech и регуляторные песочницы: понятие, цифровая онтология, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16, № 1. С. 227.

³ Соломонова III. З. Перспективы развития fintech-индустрии // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2018. № 3. С. 109.

⁴ Захаров Ю. С., Захарова О. В. Финтех и развитие кредитной инфраструктуры // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1. С. 70.

⁵ Парушин Е. Б., Хотинская Г. И. FinTech: технологии будущего или ловушка для инвестора? // Финансовая жизнь. 2019. № 3. С. 79.

⁶ Жданова О. А. Финтех-акселераторы — институты финтех-экосистемы // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 34.

⁷ Walker T., Morris L. The handbook of banking technology. New York: Wiley, 2021.

¹ Мирзоян М. Б. Fintech и ICO: факторы и тенденции развития // Хроноэкономика. 2019. № 2. С. 131.

луг до неузнаваемости⁸. В банковском секторе стали появляться новые игроки — «цифровые» банки, не имеющие физических офисов, и финтех-компании⁹.

Партнерские отношения в сфере FinTech и стратегическое приобретение технологий могут способствовать новому росту с минимальными нарушениями¹⁰. Многие банки выбрали партнерство с финтех-компаниями, которое позволяет банкам увеличивать доход в тех областях, в которых им не хватает опыта или масштаба. Банковская отрасль в последние годы стала широко использовать искусственный интеллект для аналитики клиентов и консультирования клиентов по вопросам благосостояния¹¹. Ш.У. Ниязбекова и О.С. Иванова считают, что помогает конкурировать на рынке финансовых услуг и удовлетворять потребительский спрос использование больших данных и облачных решений¹².

Финансовые технологии можно разделить по секторам: платежи и переводы; инвестиционное консультирование и управление активами; управление финансами; предоставление заемного и акционерного капитала; страхование.

Одной из главных функций банков является кредитование. FinTech пересматривает процессы, связанные с выдачей кредитов, оптимизируя оценку рисков, ускоряя процессы утверждения и облегчая доступ клиентов к кредитованию.

Рассмотрим отдельные финансовые технологии в сфере кредитования. Мобильные приложения и интернет-сайты банков дают возможность подать заявку на кредит и кредитную карту дистанционно, погашать кредит, контролировать средства. Big Data и искусственный интеллект позволяют в процессе кредитования анализировать информацию из широкого круга

⁸ Panzarino H., Hatami A. Reinventing banking and finance: frameworks to navigate global fintech innovation. London: Kogan Page, 2020.

⁹ Червоный К.И., Миргородская М.Г. «Цифровые» банки и небанковские финансовые организации: вопросы и перспективы налогообложения // Colloquium-journal. 2019. № 27-8. С. 65–66.

¹⁰ Best J. Breaking digital gridlock: improving your bank's digital future by making technology changes now. New York: Wiley, 2018.

¹¹ Boobier T. AI and the future of banking. New York: Wiley, 2020.

¹² Ниязбекова Ш.У., Иванова О.С. Развитие FinTech и Big Data в финансовой сфере: особенности, проблемы, возможности // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2020. № 1. С. 31.

источников¹³. Чат-боты банков консультируют клиентов по наиболее популярным и простым вопросам. Скоринг позволяет проводить оценку заемщика по заранее заданным параметрам. Погашение кредита может осуществляться через мобильный и интернет-банк, через банкоматы, путем внешнего перевода (с карты или по номеру счета/договора).

Существует ряд проблем развития финансовых технологий в сфере кредитования. Е.С. Кшукина считает, что из-за больших финансовых затрат наиболее эффективно внедрять финансовые технологии могут себе позволить только крупные банки с большими возможностями расширения и привлечения квалифицированных кадров¹⁴.

По мнению А.И. Молоканова, процесс развития финансовых инноваций сопряжен с комплексом факторов, предопределяющих сложность формируемой системы, — устаревшие технологии банков и каналы сбыта, обременительные для маневра в новых условиях¹⁵.

Помимо этого, негативными факторами являются угроза киберпреступности, необходимость переобучения сотрудников, несовершенство законодательного регулирования инновационных процессов, высокая зависимость функционирования технологий от Интернета, недостаточный уровень финансовой грамотности населения.

Б. Кинг считает, что наступает эра, когда банк либо будет встроен в мир клиентов с помощью технологий, либо прекратит свое существование¹⁶. Схожая точка зрения у Т.Н. Зверьковой, которая считает, что сохранить клиентов возможно только благодаря активному использованию современных технических методов¹⁷.

¹³ Кораблева О.Н., Гусева М.И. Влияние FinTech на трансформацию бизнес-процессов банков и формирование новой потребительской ценности // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 8. С. 63.

¹⁴ Кшукина Е.С. Риски современных банков в связи с появлением на рынке новых игроков – FinTech компаний: регулирование индустрии FinTech на банковском рынке // Финансовые рынки и банки. 2018. № 3. С. 60.

¹⁵ Молоканов А.И. Драйверы развития финтех-компаний и их влияние на финансовые институты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 6. С. 65.

¹⁶ King B. Bank 4.0: banking everywhere, never at a bank. New York: Wiley, 2018.

¹⁷ Зверькова Т.Н. Банки, FinTech, экосистемы: новые формы взаимодействия в финансовом посредничестве // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 2. С. 162.

А.А. Бакулина и В.В. Попова считают, что для снижения рисков, связанных с финансовыми технологиями, надзорные и регулирующие органы должны пересмотреть действующие стандарты по обеспечению стабильности и безопасности в банковской сфере¹⁸.

П. Сирони пишет, что банкам необходимо сместить акцент с интересов бизнеса на интересы клиентов¹⁹. Банки должны продолжать адаптироваться к изменениям в поведении клиентов, к технологической конкуренции и регулированию. Их предложения должны отвечать повышенным ожиданиям клиентов в отношении простоты доступа к банковским услугам и персонализации²⁰.

Рассмотрим показатели развития финансовых технологий в сфере кредитования. Общее число выданных новых кредитных карт в 2020 г. сни-

зилось относительно 2019 г. на 21,5 % из-за пандемии, хотя до этого рост наблюдался в течение трех лет²¹.

Консалтинговое агентство Markswebb провело исследование десяти популярных российских банков, в ходе которого выяснилось, что мобильный браузер стал ключевым каналом заявок на кредиты. Скорость ответа на заявку в данных банках составляет до 120 минут: в Промсвязьбанке и Тинькофф Банке время ожидания составляет менее минуты, в Альфа-Банке — 1,5 минуты, в Райффайзенбанке — 2 минуты, в Банке «Открытие», ВТБ, Почта Банке и Хоум Кредит Банке — 3 минуты, в Газпромбанке — 13 минут, в Россельхозбанке — 120 минут. В таблице 1 представим, по каким мобильным каналам можно отправить заявку на кредит в разных банках.

Таблица 1

Наличие в популярных российских банках мобильных каналов для отправки заявки на кредит в 2021 г.

Банк	Услуга «Мобильный банк»	Услуга «Подача заявки через интернет-сайт»
Альфа-Банк	есть	есть
Хоум Кредит Банк	есть	есть
Почта Банк	есть	есть
Тинькофф Банк	есть	есть
Банк «Открытие»	нет	есть
ВТБ	нет	есть
Газпромбанк	нет	есть
Промсвязьбанк	нет	есть
Райффайзенбанк	нет	есть
Россельхозбанк	нет	есть

Источник: Сайт Ассоциации российских банков. URL: https://arb.ru/banks/analitycs/kredity_perekhodyat_v_onlays-10469255 (дата обращения: 25.05.2022)

Из данных, представленных в таблице 1, видно, что в таких банках, как Альфа-Банк, Хоум Кредит Банк, Почта Банк, Тинькофф

¹⁸ Бакулина А.А., Попова В.В. Влияние финтех на безопасность банковского сектора // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 2. С. 88.

¹⁹ Sironi P. Banks and fintech on platform economies: contextual and conscious banking. New York: Wiley, 2021.

²⁰ Holloman Ch. Transactional to transformational: how banks innovate. New York: Wiley, 2021.

Банк, клиент может отправить заявку на кредит как через мобильное приложение, так и через интернет-сайт банка. В остальных представленных в таблице банках подача заявки на кредит по мобильному каналу возможна только через интернет-сайт.

В 2020 г. относительно 2019 г. банки активно наращивали онлайн-кредитование. Если рас-

²¹ См.: Национальное бюро кредитных историй: [сайт]. URL: <https://www.nbki.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

сматривать отдельные российские банки, то, например, в Банке ВТБ в мае 2021 г. было дистанционно оформлено 62 тыс. кредитов наличными на сумму около 40 млрд рублей, что в 3,5 раза превысило показатели мая 2020 г.²²

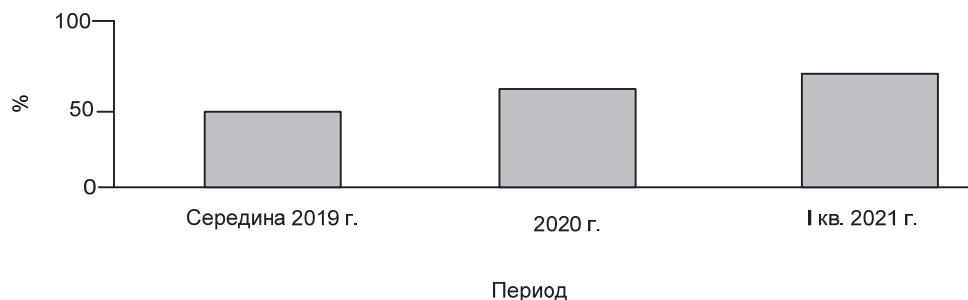

Рис. 1. Динамика доли кредитов, оформленных через цифровые каналы, в Банке «Санкт-Петербург» в 2019—2021 гг., %²⁴

Рассмотрим статистику по оформлению онлайн-кредитов в целом по банковскому сектору России в 2020 г. (рис. 2).

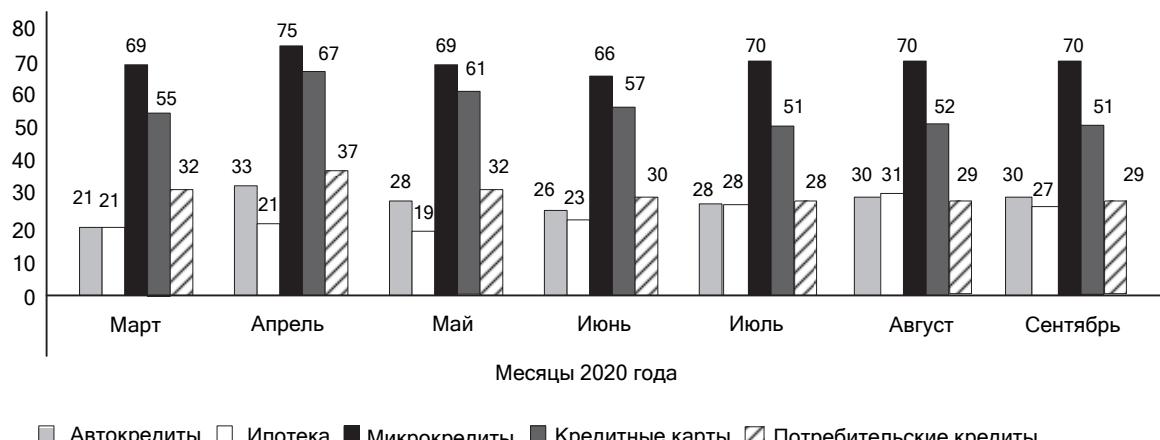

Рис. 2. Динамика доли онлайн-заявок по сегментам розничного кредитования в 2020 г., %²⁵

За период с марта по сентябрь 2020 г. был выявлен рост онлайн-заявок на автокредиты на 9 п. п., по ипотечным кредитам на 6 п. п., по микрокредитам на 1 п. п. Снижение отмечено только по кредитным картам и потребительским кредитам.

Наибольшая доля онлайн-заявок по розничному кредитованию выявлена по микрокредитам — 70 % в сентябре 2020 г., велика доля

в Альфа-Банке в 2020 г. доля онлайн-заявок выросла более чем на 15 п. п. по сравнению с 2019 г.²³

В Банке «Санкт-Петербург» доля кредитов, которые оформляют через цифровые каналы, выросла последние 3 года (рис. 1).

²² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4867489> (дата обращения: 25.05.2022).

онлайн-заявок также по кредитным картам — 51 %. Среднее значение по розничному кредитованию за 2020 г. — 41,9 %.

²³ URL: <https://www.comnews.ru/content/209548/2020-10-14/2020-w42/kreditovanie-ushlo-onlayn> (дата обращения: 25.05.2022).

²⁴ Источник: ComNews. URL: <https://www.comnews.ru/content/209548/2020-10-14/2020-w42/kreditovanie-ushlo-onlayn> (дата обращения: 25.05.2022).

²⁵ Источник: Сайт Национального бюро кредитных историй. URL: <https://www.nbki.ru/company/news/?id=188476> (дата обращения: 25.05.2022).

Конкурентами банков по микрокредитам являются микрофинансовые организации. Рассмотрим динамику доли онлайн-займов, выдан-

ных микрофинансовыми институтами в 2018—2020 гг. (рис. 3).

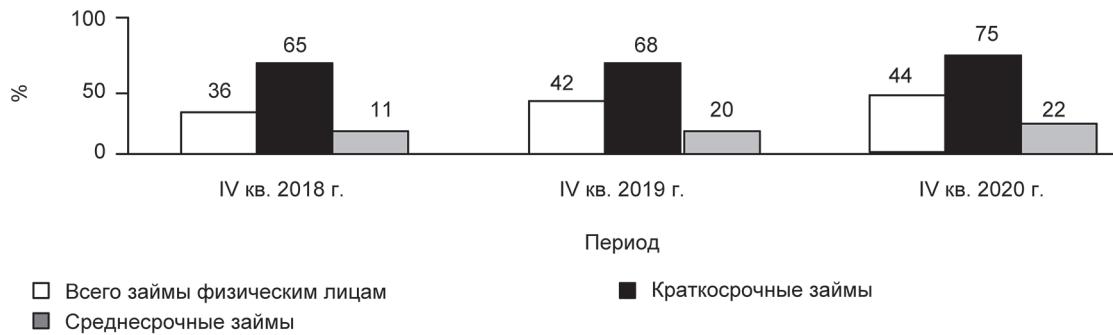

Рис. 3. Динамика доли онлайн-займов, выданных микрофинансовыми институтами в IV квартале 2018—2020 гг., %²⁶

Рост доли онлайн-займов, выданных микрофинансовыми институтами, в 2018—2020 гг. составил 8 п. п., что объясняется увеличением инвестиций в развитие информационных технологий и удаленных каналов обслуживания. Если сравнить имеющиеся данные за 2020 г. по банковскому кредитованию и данные за IV кв. 2020 г. по микрофинансовым институтам, то у последних доля онлайн-займов немного выше — на 2,1 п. п., но динамика развития онлайн-кредитования у них схожая.

Выходы

Финансовые технологии — это технологические инновации, направленные на предоставление новых и улучшенных финансовых услуг. Сегодня финансовые технологии затрагивают все области глобальной финансовой системы, включая банковскую сферу, где они применяются для оптимизации процессов выдачи и погашения кредитов, оценки рисков, контроля процесса погашения кредитов, консультирования клиентов.

Проведя анализ развития финансовых технологий в сфере кредитования в Российской Федерации, можно сделать ряд выводов. В 2020 г. относительно 2019 г. снизилось количество выданных новых кредитных карт, однако банки активно наращивали онлайн-кредитование. Конкурентами банков по микрокредитам являются микрофинансовые организации. Если сравнить имеющиеся данные за 2020 г. по банковскому кредитованию и по микрофинансовым инсти-

тутам, то у последних доля онлайн-займов немного выше — на 2,1 п. п.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что необходимы дальнейшие исследования направлений развития финансовых технологий в сфере кредитования в Российской Федерации: у банков в данной сфере имеются конкуренты, из-за которых банковские учреждения могут в дальнейшем потерять значительную часть клиентов, что негативно скажется на результатах их работы. По мнению авторов, банкам следует разрабатывать среднесрочную стратегию использования финтех-инструментов и на этой основе планировать развитие инжиниринга и капиталовложения в развитие материально-технической базы.

Наиболее перспективным направлением дальнейших исследований по теме статьи является изучение успешного опыта применения финансовых технологий в сфере кредитования с целью совершенствования работы финансовых организаций в России, что позволит решить, какие механизмы необходимо использовать в дальнейшем в условиях цифровизации.

Список литературы

1. Бакулина А.А., Попова В.В. Влияние финтех на безопасность банковского сектора // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11, № 2. С. 84—89. doi: 10.26794/1999-849X_2018-11-2-84-89.
2. Жданова О.А. Финтех-акселераторы — институты финтех-экосистемы // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 4. С. 34—36. doi: 10.24158/реп.2018.4.6.

²⁶ Источник: Сайт Центрального банка РФ. URL: https://cbk.ru/Collection/Collection/File/32187/review_mfi_20Q4.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

3. Захаров Ю.С., Захарова О.В. Финтех и развитие кредитной инфраструктуры // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1. С. 68—73. doi: 10.24411/2411-0450-2020-10170.
4. Зверькова Т.Н. Банки, FinTech, экосистемы: новые формы взаимодействия в финансовом посредничестве // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 2. С. 159—163. doi: 10.26140/anie-2020-0902-0036.
5. Кораблева О.Н., Гусева М.И. Влияние FinTech на трансформацию бизнес-процессов банков и формирование новой потребительской ценности // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2019. № 8. С. 62—72.
6. Кшукина Е.С. Риски современных банков в связи с появлением на рынке новых игроков — FinTech компаний: регулирование индустрии FinTech на банковском рынке // Финансовые рынки и банки. 2018. № 3. С. 56—63.
7. Мирзоян М.Б. Fintech и ICO: факторы и тенденции развития // Хроноэкономика. 2019. № 2. С. 130—135.
8. Молоканов А.И. Драйверы развития финтех-компаний и их влияние на финансовые институты // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 6. С. 61—67. doi: 10.25198/2077-7175-2019-6-61.
9. Ниязбекова Ш.У., Иванова О.С. Развитие FinTech и Big Data в финансовой сфере: особенности, проблемы, возможности // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2020. № 1. С. 30—36. doi: 10.21777/2587-554X-2020-1-30-36.
10. Парушин Е.Б., Хотинская Г.И. FinTech: технологии будущего или ловушка для инвестора? // Финансовая жизнь. 2019. № 3. С. 78—82.
11. Понкин И.В., Куприяновский В.П., Понкин Д.И. Fintech, Regtech и регуляторные пеконы: понятие, цифровая онтология, перспективы // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16, № 1. С. 224—234. doi: 10.25559/SITITO.16.202001.224-234.
12. Соломонова Ш.З. Перспективы развития fintech-индустрии // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2018. № 3. С. 108—118.
13. Червоный К.И., Миргородская М.Г. «Цифровые» банки и небанковские финансовые организации: вопросы и перспективы налогообложения // Colloquium-journal. 2019. № 27-8. С. 65—66.
14. Best J. Breaking digital gridlock: improving your bank's digital future by making technology changes now. New York: Wiley, 2018. 336 p.
15. Boobier T. AI and the future of banking. New York: Wiley, 2020. 304 p.
16. Holloman Ch. Transactional to transformational: how banks innovate. New York: Wiley, 2021. 272 p.
17. King B. Bank 4.0: banking everywhere, never at a bank. New York: Wiley, 2018. 352 p.
18. Panzarino H., Hatami A. Reinventing banking and finance: frameworks to navigate global fintech innovation. London: Kogan Page, 2020. 288 p.
19. Sironi P. Banks and fintech on platform economies: contextual and conscious banking. New York: Wiley, 2021. 300 p.
20. Walker T., Morris L. The handbook of banking technology. New York: Wiley, 2021. 400 p.

References

1. Bakulina, A.A. & Popova, V.V. (2018) Vlijanie finteha na bezopasnost' bankovskogo sektora [The influence of FinTech on the banking sector security]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo*, vol. 11, no. 2, pp. 84—89. (In Russ.). doi: 10.26794/1999-849X 2018-11-2-84-89.
2. Zhdanova, O.A. (2018) Finteh-akseleratory – instituty finteh-jekosistemy [Fintech accelerators as the institutions of fintech ecosystem]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*, no. 4, pp. 34—36. (In Russ.). doi: 10.24158/pep.2018.4.6.
3. Zakharov, Yu.S. & Zakharova, O.V. (2020) Finteh i razvitiye kreditnoj infrastruktury [FinTech and credit infrastructure development]. *Journal of Economy and Business*, no. 3-1, pp. 68—73. (In Russ.). doi: 10.24411/2411-0450-2020-10170.
4. Zverkova, T.N. (2020) Banki, FinTech, jekosistemy: novye formy vzaimodejstvija v finansovom posrednichestve [Banks, FinTech, ecosystems: new forms of interaction in financial mediation]. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 9, no. 2, pp. 159—163. (In Russ.). doi: 10.26140/anie-2020-0902-0036.
5. Korableva, O.N. & Guseva, M.I. (2019) Vlijanie FinTech na transformaciju biznes-processov bankov i formirovanie novoj potrebitel'skoj cennosti [The influence of FinTech on the transformation of bank's business processes and the formation of new consumer values]. *Vestnik of Samara State University of Economics*, no. 8, pp. 62—72. (In Russ.).
6. Kshukina, E.S. (2018) Riski sovremennyh bankov v svjazi s pojavljeniem na rynke novyh igrokov – FinTech kompanij: regulirovanie industrii FinTech na bankovskom rynke [Risks of modern banks in connection with the advent of new

- players on the market – FinTech companies: FinTech industry regulation in the banking market]. *Finansovye rynki i banki*, no. 3, pp. 56–63. (In Russ.).
7. Mirzajan, M.B. (2019) Fintech i ICO: faktory i tendencii razvitiya [Fintech and ICO: factors and development trends]. *Chronoeconomics*, no. 2, pp. 130–135. (In Russ.).
8. Molokanov, A.I. (2019) Drajvery razvitiya finteh-kompanij i ih vlijanie na finansovye instituty [Drivers of fintech companies and their impact on financial institutions]. *Intellect. Innovation. Investments*, no. 6, pp. 61–67. (In Russ.). doi: 10.25198/2077-7175-2019-6-61.
9. Niyazbekova, Sh.U. & Ivanova, O.S. (2020) Razvitie FinTech i Big Data v finansovoj sfere: osobennosti, problemy, vozmozhnosti [Development of FinTech and Big Data in the financial sphere: features, problems, opportunities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Ju. Vitte. Serija 1. Jekonomika i upravlenie*, no. 1, pp. 30–36. (In Russ.). doi: 10.21777/2587-554X-2020-1-30-36.
10. Parushin, E.B. & Khotinskaya, G.I. (2019) FinTech: tehnologii budushhego ili lovushka dlja investora? [FinTech: technologies of a future or trap for investor?] *Finansovaja zhizn'*, no. 3, pp. 78–82. (In Russ.).
11. Ponkin, I.V., Kupriyanovsky, V.P. & Ponkin, D.I. (2020) Fintech, Regtech i reguljatornye pesochnicy: ponjatie, cifrovaja ontologija, perspektivy [Fintech, Regtech and regulatory sandboxes: concept, digital ontology, perspectives]. *Modern Information Technology and IT-Educa-*
tion, vol. 16, no. 1, pp. 224–234. (In Russ.). doi: 10.25559/SITITO.16.202001.224-234.
12. Solomonova, Sh.Z. (2018) Perspektivy razvitiya fintech-industrii [Prospects of fintech-industry development]. *Vestnik Rossijskogo jekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plehanova*, no. 3, pp. 108–118. (In Russ.).
13. Chervony, K.I. & Mirgorodskaya, M.G. (2019) "Cifrovye" banki i nebankovskie finansovye organizacii: voprosy i perspektivy nalogooobloženija ["Digital" banks and non-bank financial institutions: issues and prospects of taxation]. *Colloquium-journal*, no. 27-8, pp. 65–66. (In Russ.).
14. Best, J. (2018) Breaking digital gridlock: improving your bank's digital future by making technology changes now. New York, Wiley, 336 p.
15. Boobier, T. (2020) AI and the future of banking. New York, Wiley, 304 p.
16. Holloman, Ch. (2021) Transactional to transformational: how banks innovate. New York, Wiley, 272 p.
17. King, B. (2018) Bank 4.0: banking everywhere, never at a bank. New York, Wiley, 352 p.
18. Panzarino, H. & Hatami, A. (2020) Reinventing banking and finance: frameworks to navigate global fintech innovation. London, Kogan Page, 288 p.
19. Sironi, P. (2021) Banks and fintech on platform economies: contextual and conscious banking. New York, Wiley, 300 p.
20. Walker, T. & Morris, L. (2021) The handbook of banking technology. New York, Wiley, 400 p.

Информация об авторах

А.В. Минаков – профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор;

Н.Д. Эриашвили – главный редактор издательства «ЮНИТИ-ДАНА», профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, Почетный адвокат России.

Information about the authors

A.V. Minakov – Professor of the Department of Economics and Accounting of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor;

N.D. Eriashvili – Editor-in-Chief of the UNITI-DANA Publishing House, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences, Candidate of Law, Doctor of Economic Sciences, Professor, Laureate of the Russian Government prize in science and technology, Honorary Lawyer of Russia.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 143–148.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 143–148.

УДК 336.5
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.015

NIION: 2015-0065-03/22-068
MOSURED: 77/27-010-2022-03-267

Научная специальность: 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы экономики

Совершенствование критериев оценки эффективности государственных закупок, осуществленных путем проведения конкурса

Валерий Александрович Перов¹, Анна Анатольевна Шибанова²

^{1, 2}Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия

¹geck.on@yandex.ru

²a.shibanova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2832-9361>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования критериев оценки эффективности государственных закупок, осуществленных путем проведения конкурса в рамках государственных закупок с целью определения поставщика с учетом изменений, вступивших в силу в 2022 году. Представлены результаты анализа отдельных показателей данной процедуры и других конкурентных процедур определения поставщика (подрядчика, исполнителя). Особое внимание уделяется механизму осуществления конкурсов, как наиболее универсального способа определения лучшего поставщика и подрядчика в современных условиях с учетом особенностей, преимуществ и недостатков, присущих данному способу, отмечены основные этапы и сроки осуществления конкурса. Также представлены результаты исследования эволюции данного способа определения поставщика в рамках реализации государственных закупок в постсоветский период.

Ключевые слова: государственные закупки, экономическая эффективность, открытый конкурс в электронной форме, закрытый конкурс, закрытый конкурс в электронной форме, участник, заявка на участие в открытом конкурсе, порядок проведения открытого конкурса в электронной форме

Вклад авторов: Перов В.А. — концепция и дизайн исследования, сбор и обработка материалов; Шибанова А.А. — анализ полученных данных, написание текста.

Для цитирования: Перов В.А., Шибанова А.А. Совершенствование критериев оценки эффективности государственных закупок, осуществленных путем проведения конкурса // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 143–148. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.015.

Improvement of criteria for evaluating the effectiveness of public procurement carried out through a tender

Valery A. Perov¹, Anna A. Shibanova²

^{1, 2}Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹geck.on@yandex.ru

²a.shibanova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-2832-9361>

Abstract. The article discusses the features of using the criteria for assessing the effectiveness in the implementation of tenders in the framework of public procurement in order to determine the supplier, taking into account the changes that came into force in 2022. The results of the analysis of individual indicators of this procedure and other procedures for determining the supplier are presented. The authors pay special attention to the mechanism of tenders, as the most universal way to determine the best supplier and contractor in modern conditions, taking into account the features, advantages and disadvantages inherent in this method, and note the main stages and timing of the competition. The article also presents the results of a study of the evolution of this method of determining a supplier in the framework of public procurement in the post-Soviet period.

Keywords: public procurement, economic efficiency, open competition in electronic form, closed competition, closed competition in electronic form, participant, application for participation in an open competition, procedure for conducting an open competition in electronic form

Contribution of the authors: Perov V.A. — research concept and design, collection and processing of materials; Shibanova A.A. — data analysis, text writing.

For citation: Perov, V.A. & Shibanova, A.A. (2022) Improvement of criteria for evaluating the effectiveness of public procurement carried out through a tender. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 143–148. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.015.

В современных реалиях значение своевременного приобретения качественных товаров по адекватной цене для нужд государственных организаций многократно возросло. Существенные изменения на товарных рынках привели к стремительному росту цен. Эффективность действующего механизма определения лучшего поставщика в рамках реализации государственных закупок во многом связана с такими явлениями, как манипулирование рынком, предварительныйговор с участием заказчика либо без такового, низкий уровень конкуренции, и другими не менее важными факторами, к которым, в частности, можно отнести низкую правовую и исполнительную культуру участников закупок. С целью минимизации влияния указанных явлений действующее законодательство регламентирует порядок осуществления закупочных процедур и определяет допустимые способы принятия заказчиками решений, которые должны быть нацелены на достижение лучшего результата.

Законодательство в сфере государственных и муниципальных закупок направлено на повышение эффективности использования публичных средств, в том числе за счет повышения результативности и экономичности закупок путем обеспечения конкурентной борьбы потенциальных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) за государственный заказ. К конкурентным способам определения поставщика при осуществлении государственной закупки в настоящий момент относятся запрос котировок, аукцион и конкурс. Последний, с одной стороны, является более сложным в организационном плане, а с другой — позволяет выработать решение относительно реализации закупки с учетом большего количества факторов. Более сложный механизм проведения, а также проблемы в толковании отдельных норм в отношении конкурсов снижают их привлека-

тельность для государственных заказчиков и требуют более детального изучения с целью выработки обоснованных предложений, направленных на совершенствование данного конкурентного способа определения поставщика.

Так, конкурсная процедура представляет собой конкурентный способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором победителем признается участник закупки, предложивший лучшие условия исполнения контракта. В 2020 году в рамках данного способа осуществлено 27 % закупок и реализовано 3,3 трлн рублей бюджетных средств¹. Характерной особенностью данного способа определения поставщика является возможность выбора победителя по совокупности предложенных им условий исполнения контракта, а не только исходя из критерия предложенной им цены.

При этом предложенные участниками условия оцениваются по заранее определенным критериям, перечень которых регламентирован в статье 32 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон 44-ФЗ).

Сводные аналитические данные, представленные в таблице 1, подтверждают эффективность конкурсов в части обеспечения более высокого относительного уровня конкуренции в сравнении с другими способами. Однако представленные данные подтверждают, что среднее количество заявок участников во всех конкурентных способах менее 2 свидетельствует о крайне низкой конкуренции в рамках всей контрактной системы в сфере государственных закупок. Проведенное ранее исследование в отношении уровня конкуренции в разрезе различных процедур определения поставщика свидетельствовало, что в 2016 году в 32 % открытых конкурсов было допущено 4 и более заявки².

Таблица 1

Среднее количество заявок участников на участие в процедуре определения поставщика в разрезе различных способов в 2020 году³

Способ определения поставщика	Аукцион	Запрос котировок	Запрос предложений	Конкурс	Прочие способы
Среднее количество заявок	1,88	1,98	1,85	1,98	1,74

¹ Отчет о результатах экспертурно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год»: утвержден Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 22 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/123/442w02xo0vq4unq199jwxnr9mpow972c.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).

² Крамин Т.В., Григорьев Р.А., Крамин М.В. К вопросу об оценке экономической эффективности госзакупок в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 4. С. 96—114.

³ Отчет о результатах экспертурно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год».

С 1 января 2022 года вступили в силу изменения в отношении как порядка проведения конкурсов, так и их видов, в числе которых открытый конкурс в электронной форме, закрытый конкурс и закрытый конкурс в электронной форме. Таким

образом, законодатель в большей степени упорядочил особенности проведения отдельных видов конкурсов с учетом их актуальности. Необходимо также отметить, что большая часть конкурсов проводится в электронной форме (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнительная характеристика показателей проведения конкурсов
в электронной и не электронной форме⁴**

Форма проведения	Количество закупок		Сумма	
	тыс. руб.	%	тыс. руб.	%
Электронная	36,5	86	2,7	82
Не электронная	5,9	14	0,579	18

Результаты исследования моделей проведения конкурсных процедур в рамках реализации государственных закупок позволяют отнести конкурсы к аукциону первой цены, с учетом того, что заявки на участие в конкурсах имеют многомерный характер⁵.

Основными условиями, единовременное соблюдение которых необходимо для возможности проведения государственным заказчиком конкурса любого из указанных выше видов, являются наличие доведенных лимитов бюджетных обязательств, наступление срока закупки в соответствии с планом-графиком, наличие разработанной конкурсной документации и наличие созданной комиссии по закупкам.

Отдельные исследователи отмечают, что конкурс как способ определения поставщика в рамках государственных закупок является одним из важнейших элементов в обеспечении прозрачности сделок⁶. Во многом это справедливо благодаря переходу к электронной форме на всех этапах реализации процедуры. Так, размещение извещения о проведении электронного конкурса и конкурсной документации осуществляется в Единой информационной системе в сфере госзакупок (ЕИС). Заказчик вправе также опубликовать извещение о проведении конкур-

са в любых других средствах массовой информации или на сайтах в сети Интернет. Ранее, как утверждают ученые, прозрачность проведения конкурсов достигалась только возможностью присутствия поставщика и его представителей на процедуре вскрытия конвертов⁷.

Участник подает заказчику заявку на участие в электронном конкурсе по форме и в порядке, которые указаны в конкурсной документации. Заявка должна содержать всю указанную заказчиком в конкурсной документации информацию в соответствии с требованиями Закона 44-ФЗ. До истечения срока подачи заявок участник вправе изменить или отозвать заявку.

В установленный законодательством о контрактной системе срок члены комиссии по осуществлению закупок рассматривают первые части заявок на участие в закупке и принимают решение о признании их соответствующими извещению об осуществлении закупки или об их отклонении, после чего производится процедура их оценки.

Заказчик формирует с использованием электронной площадки протокол рассмотрения и оценки первых частей заявок на участие в закупке, после подписания членами комиссии по осуществлению закупок такого протокола усиленными электронными подписями подписывает его усиленной электронной подписью лица, имеющего такое право, и направляет оператору электронной площадки. Протокол рассмотрения и оценки первых частей заявок на участие в закупке должен содержать информацию и сведения, указанные в п. 6 ст. 48 Закона 44-ФЗ.

⁴ Отчет о результатах экспертурно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год».

⁵ Хвалынский Д.С. Повышение результативности аукционов первой цены в России // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 3 (57). С. 18—26.

⁶ Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В. Правовые основы использования конкурса как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 124—134.

⁷ Мельников В.В. Эволюция механизма открытого конкурса при государственных закупках в постсоветской России // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 2. С. 18—41.

Как отмечается в научной литературе, электронизация конкурсов ставит вопрос о доступности подготовки заявок участниками и их проверок заказчиками⁸.

Участники закупки, первые части заявок которых признаны соответствующими извещению об осуществлении закупки, вправе в течение процедуры подачи предложений о цене контракта либо о сумме цен единиц товара, работы, услуги подать с использованием электронной площадки одно ценовое предложение.

При подаче участником закупки ценового предложения не допускается подача предложения, равного или превышающего предложение, содержащееся в третьей части заявки на участие в закупке, а также не допускается подача предложения, равного нулю.

При уклонении победителя от заключения контракта заказчик вправе заключить контракт с участником конкурса, заявке которого был присвоен второй номер. При этом участник, заявке которого был присвоен второй номер, может отказаться от заключения контракта без каких-либо санкций.

При уклонении заказчика от заключения контракта участник вправе обратиться в суд с иском о понуждении заказчика заключить контракт и о взыскании с заказчика убытков. Кроме того, действующим правовым механизмом регулирования отношений в области государственных закупок предусмотрена возможность участников обращаться в контролирующий орган с жалобой на нарушения законодательства в сфере закупок. Необходимо отметить, что такие жалобы подаются ежегодно в отношении практически 30 % государственных закупок и большинство из них необоснованны⁹, что само по себе свидетельствует о сложности указанной конкурентной процедуры и неоднозначности законодательных требований к ее проведению для одной трети потенциальных участников. В настоящий момент в России законодательно не установлена оплата рассмотрения жалобы в контрольном органе, тогда как во многих странах стоимость, как отмечают исследователи, может достигать 37 % от стоимости контрак-

⁸ Цыганков С.С. Электронизация контрактной системы в сфере закупок с 1 июля 2018 г.: компаративистский анализ электронного и открытого конкурсов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, № 5А. С. 195.

⁹ Отчет о результатах экспертизно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год».

та¹⁰, что создает дополнительные и подчас необоснованные расходы.

Открытый конкурс в электронной форме проводится при необходимости сравнить не только цену, но и предложения, квалификацию участника. Результаты сравнительного анализа процедур проведения конкурса и аукциона свидетельствуют также о больших затратах, как финансовых, так и трудовых, в первом случае¹¹.

Не допускается проведение конкурса в электронной форме (электронного конкурса) в случаях, если объект закупки включен в auctionный перечень либо дополнительный перечень для субъектов РФ (ч. 6 ст. 24 Закона 44-ФЗ), либо при необходимости проведения закрытого конкурса (ч. 11 ст. 24 Закона 44-ФЗ).

Изучение требований законодательства в сфере государственных закупок позволяет сделать вывод о наличии значительного количества фактов, которые необходимо учесть на этапе планирования проведения данной процедуры. Минимизировать риски отчасти можно посредством применения различных информационных систем сопровождения закупочной деятельности государственных заказчиков, разработка которых также является актуальным направлением исследований, реализуемых отдельными учеными¹².

Оценка эффективности проведения той или иной закупочной процедуры, в том числе и конкурса, вызывает сложности в части выбора соответствующих критериев. Чаще всего в научной литературе эффективность оценивается на основе разницы между начальной максимальной ценой контракта и ценой контракта, заключенного по результатам процедуры определения поставщика. Научные исследования подтверждают наличие ряда неоднозначных вопросов в отношении корректности принятого порядка расчета начальной максимальной цены контракта¹³.

¹⁰ Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование закупок товаров, работ, услуг путем проведения торгов в форме конкурсов и аукционов // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 111.

¹¹ Ушаков А.А., Дуплий Е.В. Современные способы подготовки закупочной документации на примере сравнения открытого конкурса и электронного аукциона // Новое поколение. 2018. № 18. С. 22–31.

¹² Осипова М.С., Осипов С.Н. Разработка информационной системы сопровождения государственных закупок в бюджетной организации // Вестник технологического университета. 2021. Т. 24, № 8. С. 56–61.

¹³ Шибанова А.А. Эффективность контрактной системы в сфере закупок России и расчет начальной максимальной цены контракта // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 167–170.

Сравнение показателей снижения цены в разрезе различных способов определения поставщика показало, что проведение конкурсов

в 2020 году в абсолютном выражении обеспечивает максимальное значение — снижение на 25,7 млрд руб.¹⁴ (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительная характеристика различных способов определения поставщика в рамках реализации государственных закупок в 2020 году

Наименование способа определения поставщика	Абсолютное снижение цены, млрд руб.	Относительное снижение цены, %
Аукцион	17,4	1,62
Конкурс	25,7	0,84
Запрос котировок	5	1,4
Запрос предложений	2,9	0,68

Отдельные ученые, в частности А.А. Налбандян¹⁵, предлагают оценивать эффективность государственных закупок на основе затрат, связанных с заключением и исполнением контракта. Однако оценка эффективности, в том числе и экономической эффективности, на основании только разницы между начальной ценой закупки и ценой контракта, заключенного по результатам процедуры определения поставщика, является некорректной, поскольку зависит от множества факторов, в том числе и от корректности определения первого значения, от сопутствующих затрат, связанных с эксплуатацией, обслуживанием и утилизацией объекта закупки, величины альтернативных издержек, потенциальной выгоды от приобретения объекта, его рыночной стоимости и многих других факторов.

С целью комплексной оценки целесообразности определения поставщика в рамках государственной закупки путем проведения конкурса, а также последующей оценки эффективности такой процедуры необходимо применять комплексный интегральный показатель, учитывающий влияние вышеуказанных факторов.

Процедура определения поставщика при реализации государственных закупок путем проведения конкурса позволяет оценить предложение участника более объективно по различным критериям. Изменение порядка регулирования такой процедуры обоснованно и требует от практикующих специалистов и участников учитывать в своей деятельности новые нормы, обозначает перед учеными и исследователями отдельные проблемные аспекты, в том числе и порядок определения эффективности проведения конкурсов.

тикующих специалистов и участников учитывать в своей деятельности новые нормы, обозначает перед учеными и исследователями отдельные проблемные аспекты, в том числе и порядок определения эффективности проведения конкурсов.

Список литературы

1. Крамин Т.В., Григорьев Р.А., Крамин М.В. К вопросу об оценке экономической эффективности госзакупок в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 4. С. 96—114. doi: 10.21202/1993-047X.11.2017.4. 96-114.
2. Мельников В.В. Эволюция механизма открытого конкурса при государственных закупках в постсоветской России // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6, № 2. С. 18—41. doi: 10.17835/2078-5429.2015.6.2.018-041.
3. Налбандян А.А. Современные подходы к решению проблемы повышения эффективности государственных расходов // Экономические и гуманитарные науки. 2014. № 7 (270). С. 78—85.
4. Осипова М.С., Осипов С.Н. Разработка информационной системы сопровождения государственных закупок в бюджетной организации // Вестник технологического университета. 2021. Т. 24, № 8. С. 56—61.
5. Пяткин Д.А., Андрейчук Т.В. Правовые основы использования конкурса как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 124—134.
6. Ситдикова Л.Б. Правовое регулирование закупок товаров, работ, услуг путем проведения торгов в форме конкурсов и аукционов // Проблемы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 109—111.

¹⁴ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Мониторинг развития системы государственных и корпоративных закупок в Российской Федерации за 2020 год».

¹⁵ Налбандян А.А. Современные подходы к решению проблемы повышения эффективности государственных расходов // Экономические и гуманитарные науки. 2014. № 7 (270). С. 78—85.

7. Ушаков А.А., Дуплий Е.В. Современные способы подготовки закупочной документации на примере сравнения открытого конкурса и электронного аукциона // Новое поколение. 2018. № 18. С. 22—31.

8. Хвалынский Д.С. Повышение результативности аукционов первой цены в России // Современная конкуренция. 2016. Т. 10, № 3 (57). С. 18—26.

9. Цыганков С.С. Электронизация контрактной системы в сфере закупок с 1 июля 2018 г.: компаративистский анализ электронного и открытого конкурсов // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8, № 5А. С. 191—197.

10. Шибанова А.А. Эффективность контрактной системы в сфере закупок России и расчет начальной максимальной цены контракта // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 167—170.

References

1. Kramin, T.V., Grigoryev, R.A. & Kramin, M.V. (2017) K voprosu ob ocenke jekonomiceskoy jefektivnosti goszakupok v Rossii [To the public procurement cost-effectiveness evaluation in Russia]. *Actual Problems of Economics and Law*, vol. 11, no. 4, pp. 96–114. (In Russ.). doi: 10.21202/1993-047X.11.2017.4.96-114.

2. Mel'nikov, V.V. (2015) Jevoljucija mehanizma otkrytogo konkursa pri gosudarstvennyh zakupkah v postsovetskoj Rossii [Evolution of open tender mechanism in public procurement in post-Soviet Russia]. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 2, pp. 18–41. (In Russ.). doi: 10.17835/2078-5429.2015.6.2.018-041.

3. Nalbandyan, A.A. (2014) Sovremennye podhody k resheniju problemy povyshenija jeffektivnosti gosudarstvennyh rashodov [Modern approaches to the problem of increasing the efficiency of public spending]. *Jekonomiceskie i gumanitarnye nauki*, no. 7, pp. 78–85. (In Russ.).

4. Osipova, M.S. & Osipov, S.N. (2021) Razrabotka informacionnoj sistemy soprovozhdenija gosudarstvennyh zakupok v bjudzhetnoj organizacii [Development of an information sys-

tem for supporting public procurement in a budget organization]. *Herald of Technological University*, vol. 24, no. 8, pp. 56–61. (In Russ.).

5. Pjatkin, D.A. & Andrejchuk, T.V. (2016) Pravovye osnovy ispol'zovanija konkursa kak sposoba opredelenija postavshchika (podrjadchika, ispolnitelja) [Legal basis for the use of the competition as a way to determine the supplier]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal*, no. 3, pp. 124–134. (In Russ.).

6. Situdikova, L.B. (2016) Pravovoe regulirovanie zakupok tovarov, rabot, uslug putem provedenija torgov v forme konkursov i aukcionov [Legal regulation of the procurement of goods, works, services by tendering in the form of tenders and auctions]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, no. 5, pp. 109–111. (In Russ.).

7. Ushakov, A.A. & Duplyi, E.V. (2018) Sovremennye sposoby podgotovki zakupochnoj dokumentacii na primere sravnjenija otkrytogo konkursa i jelektronnogo aukciona [Modern methods of preparing the purchasing documentation on the example of comparison of the open competition and electron auction]. *Novoe pokolenie*, no. 18, pp. 22–31. (In Russ.).

8. Khvalynskiy, D. (2016) Povyshenie rezul'tativnosti aukcionov pervoj ceny v Rossii [Improving the performance of first-price auctions in Russian public procurement]. *Journal of Modern Competition*, vol. 10, no. 3, pp. 18–26. (In Russ.).

9. Tsygankov, S.S. (2018) Jelektronizacija kontraktnoj sistemy v sfere zakupok s 1 iulja 2018 g.: komparativistskij analiz jelektronnogo i otkrytogo konkursov [Electronization of the contract system in the field of procurement from July 1, 2018: comparative analysis of electronic and open competitions]. *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 8, no. 5A, pp. 191–197. (In Russ.).

10. Shibanova, A.A. (2019) Jeffektivnost' kontraktnoj sistemy v sfere zakupok Rossii i raschet nachal'noj maksimal'noj ceny kontrakta [The effectiveness of the contract system in procurement and calculation initial maximum price of the contract]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 1, pp. 167–170. (In Russ.).

Информация об авторах

В.А. Перов — профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации;

А.А. Шибанова — старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the authors

V.A. Perov – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

A.A. Shibanova – Senior Lecturer of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 149–154.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 149–154.

УДК 343.9
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.016

NIION: 2015-0065-03/22-069
MOSURED: 77/27-010-2022-03-268

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Современные аспекты криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий

Иван Александрович Иванин

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,
ivanin2008@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время существенное значение имеет противодействие преступности сотрудников органов внутренних дел в целом и совершению ими злоупотреблений должностными полномочиями и превышения должностных полномочий в частности. Одним из направлений противодействия преступлениям рассматриваемого вида является их предупреждение. Эффективность предупреждения данных преступлений в значительной степени зависит от изучения криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, и использования этих данных в практической деятельности субъектов предупредительной деятельности.

В процессе исследования в работе выделены и проанализированы основные группы современных характеристик личности преступников, совершающих указанные виды преступлений, к которым относятся социально-демографические, нравственно-психологические, уголовно-правовые характеристики. В процессе исследования рассмотрены современные данные, характеризующие личность сотрудников органов внутренних дел, совершающих злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. При этом отмечены как позитивные с точки зрения влияния на предупреждение данных преступлений характеристики, так и негативные.

Проведённое исследование позволило сделать вывод о существенном влиянии на совершение злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий со стороны сотрудников органов внутренних дел такой личностной характеристики, как уровень правовой культуры субъектов этих преступлений.

Также делается вывод о том, что различные современные личностные характеристики преступников из числа сотрудников органов внутренних дел требуют более углублённого изучения в целях разработки рекомендаций по реализации мер предупреждения совершения ими злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий.

Ключевые слова: личность, злоупотребление, превышение, должностные полномочия, органы внутренних дел, преступность

Научный руководитель: Л.А. Букалевова, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Иванин И.А. Современные аспекты криминологической характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 149–154. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.016.

Modern aspects of the criminological characteristics of the personality of employees of internal affairs bodies who have committed abuse of power

Ivan A. Ivanin

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
ivanin2008@yandex.ru

© Иванин И.А., 2022

Abstract. At present, countering the crime of employees of the internal affairs bodies in general and their abuse of power in particular is of significant importance. One of the ways to counter crimes of this type is their prevention. The effectiveness of the prevention of these crimes largely depends on the study of the criminological characteristics of the personality of employees of internal affairs bodies who have committed abuse of power, and the use of these data in the practical activities of the subjects of preventive activities.

In the process of research, the main groups of modern characteristics of the personality of criminals who commit these types of crimes, which include socio-demographic, moral and psychological, criminal law characteristics, are identified and analyzed. In the course of the study, modern data are considered that characterize the personality of employees of internal affairs bodies who abuse their official powers and exceed their official powers. At the same time, both positive and negative characteristics in terms of the impact on the prevention of these crimes are noted.

The study made it possible to conclude that there is a significant impact on the commission of abuse of power by employees of the internal affairs bodies of such a personal characteristic as the level of legal culture of the subjects of these crimes.

The article concludes that various modern personal characteristics of criminals from among the employees of the internal affairs bodies require a more in-depth study in order to develop recommendations for the implementation of measures to prevent them from committing abuses of official powers and exceeding official powers.

Keywords: personality, abuse, excess, official powers, internal affairs bodies, crime

Research supervisor: L.A. Bukalerova, Head of the Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University, Doctor of Law, Professor.

For citation: Ivanin, I.A. (2022) Modern aspects of the criminological characteristics of the personality of employees of internal affairs bodies who have committed abuse of power. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 149–154. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.016.

Задачи, решаемые правоохранительными органами в Российской Федерации, являются весьма значимыми для общества и государства. В системе данных органов наиболее многочисленными с точки зрения количества лиц, проходящих службу, являются органы внутренних дел. Оценивая степень взаимодействия с населением, можно также отметить наибольшую активность в этом отношении сотрудников данного ведомства. Не случайно по итогам 2021 года 93,2 % всех зарегистрированных преступлений было выявлено именно органами внутренних дел, причем 4,8 % из них — на стадии приготовления и покушения. Всего на этих стадиях выявлено 89,9 тыс. преступлений, что превысило аналогичный показатель 2020 года на 1,9 %¹.

В то же время сотрудники органов внутренних дел сами в определённых ситуациях становятся субъектами совершения преступлений. По результатам некоторых исследований, сотрудники МВД становятся субъектами до 98 % всех совершаемых в правоохранительной сфере преступлений².

В научной литературе отмечается, что преступность сотрудников органов внутренних дел

представляет собой самостоятельный, специфический вид преступности, который характеризуется такими признаками, как относительная массовость, устойчивость, обусловленность особенностями личности преступников, которыми являются сотрудники данных органов³.

Структура преступности сотрудников органов внутренних дел в значительном объёме представлена коррупционными и иными должностными преступлениями. Данные преступления помимо указанных выше признаков характеризуются высокой степенью латентности. Являясь реальной, но скрытой или незарегистрированной частью фактически совершенных преступлений, латентная преступность в России, как отмечается в литературе, превышает зарегистрированную часть в 3—5 раз⁴.

Кроме того, преступность сотрудников органов внутренних дел, в особенности должностная, имеет крайне негативные последствия. Такие преступления, как правило, вызывают серьёзный негативный общественный резонанс, недоверие к правоохранительным органам и, как следствие, отрицательное отношение к органам власти в целом. Должностная преступность рассматриваемого вида имеет крайне негативное

¹ Состояние преступности в России за январь — декабрь 2021 года. URL: <https://mvd.rf/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 15.07.2022).

² Организация противодействия коррупции: учебное пособие / Н.Э. Мартыненко [и др.]; под. общ. науч. рук. В.Ф. Цепелева. М., 2020. С. 67.

³ Варыгин А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на неё: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 7.

⁴ Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Общая часть: в 3 кн. Кн. 2: учебник для вузов. М., 2022.

влияние на результативность борьбы с преступностью в целом.

Традиционно в структуре преступности сотрудников органов внутренних дел существенное количество составляют злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий.

В частности, это подтверждает проведённый нами опрос следователей Следственного комитета Российской Федерации, участвовавших в расследовании преступлений, совершённых сотрудниками органов внутренних дел. При ответе на вопрос: «Как часто вам приходится расследовать уголовные дела по преступлениям, совершающимся сотрудниками органов внутренних дел?» — 57 % сказали, что довольно часто участвуют в расследованиях данных преступлений. При ответе на вопрос: «Какие преступления, совершённые сотрудниками органов внутренних дел, чаще всего расследуются следователями Следственного комитета Российской Федерации?» — респондентами были названы получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий.

Следует отметить, что одним из направлений противодействия должностным преступлениям рассматриваемого вида является их предупреждение, которое в прикладном значении можно рассматривать как деятельность, имеющую целью недопущение их совершения посредством выявления и устранения причин и условий, оказывающих влияние на их совершение, а также оказания предупредительного воздействия на лиц, демонстрирующих тем или иным образом противоправное поведение⁵.

Следует отметить, что в научной литературе наряду с термином «предупреждение» используется понятие «профилактика». Несмотря на различные подходы к содержанию данных терминов, достаточно часто, что, на наш взгляд, является верным, они используются как синонимы. Что касается объектов профилактики, то наряду с детерминантами преступности в целом, причинами и условиями совершения групп преступлений, причинами и условиями совершения конкретного преступления к ним относят и личность преступника⁶.

⁵ Криминология: учебник для вузов / В.И. Авдийский [и др.]; под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалевой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 100.

⁶ Криминология (общая часть): учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А.В. Курдявлева и А.Е. Михайлова. Владимир, 2020. С. 152—153.

В свою очередь, существенное значение для реализации такого направления, как индивидуальная профилактика преступлений рассматриваемого вида, имеет изучение личностных характеристик сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий.

Этот тезис приобретает особенную актуальность в ситуации, когда речь ведётся именно о должностной преступности. Неслучайным в этой связи является то, что в научной литературе указывается на особый и повышенный интерес в криминолого-психологическом плане к изучению свойств личности субъектов коррупционной деятельности⁷. Это подтверждается и приведённым ранее определением преступности сотрудников органов внутренних дел, в котором подчёркивается обусловленность данного негативного явления особенностями личности преступников.

В этой связи не вызывает сомнений мнение, согласно которому отсутствие знаний о свойствах и характерных особенностях личности преступника делает невозможным понимание причин всей преступности и ее отдельных видов, что, как следствие, не позволяет результативно противодействовать преступности⁸.

Не вдаваясь в анализ понятия личности преступника, отметим, что в науке существуют различные подходы к его содержанию. Приведём одно из определений, в рамках которого отмечается, что данная криминологическая категория представляет собой совокупность типичных социальных, психологических и нравственных характеристик лиц, совершающих преступления, что, в свою очередь, является следствием деформации нравственного и правового сознания, негативной социальной направленности⁹.

Традиционной особенностью личностной характеристики, когда субъектом преступления выступает сотрудник органов внутренних дел, является наличие ряда весьма позитивных её элементов (например, таких, как высокий уровень образования, деловые качества, отсутствие

⁷ Подробнее см.: Эминов В.Е., Максимов С.В., Мацкевич И.М. Коррупционная преступность и борьба с ней. М., 2001.

⁸ Фесунов В.А. Криминологическое изучение личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 3.

⁹ Воронин Ю.А. Личность преступника: концептуальные аспекты // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 27.

судимости, семейное положение, стрессоустойчивость, отсутствие ярко выраженных вредных привычек, необходимый уровень состояния здоровья и т. п.). Это связано с наличием системы требований, только при соответствии которым принимается решение о приёме на службу в органы внутренних дел.

В криминологии к основным группам личностных характеристик субъекта преступления отдельные авторы относят такие, как социально-демографический, нравственно-психологический, правовой, криминологический и биологический элементы¹⁰. Однако в аспекте рассматриваемых преступлений наиболее значимыми, на наш взгляд, следует признать социально-демографические, нравственно-психологические и уголовно-правовые характеристики личности субъектов, их совершивших.

Что касается социально-демографических характеристик сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, то можно отметить следующее. Судебная практика свидетельствует, что рассматриваемые преступления чаще совершаются мужчинами. Однако в перспективе, если учитывать увеличивающееся количество женщин, поступающих на службу в органы внутренних дел, можно прогнозировать увеличение количества лиц женского пола, совершающих злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. В некоторых подразделениях МВД России количество женщин составляет 30-50 % от общего количества сотрудников, а в ведомственных образовательных организациях обучается около 50 % курсантов-девушек¹¹. В различных регионах Российской Федерации количественное соотношение сотрудников органов внутренних дел по признакам пола может быть различным.

Говоря о возрастных характеристиках лиц, совершающих рассматриваемые преступления, следует указать на преобладание среди них лиц достаточно молодого возраста. Чаще всего данные преступления совершаются лицами в возрастной группе 25—45 лет, на неё приходится около двух третей всех совершённых преступлений. В этой связи можно говорить о высокой

степени криминогенности представителей сотрудников органов внутренних дел именно данной возрастной группы.

Этот вывод подтверждается и объективными причинами, которые связаны с возрастом лиц, проходящих службу в органах внутренних дел. Именно на данную возрастную группу приходится значительное количество сотрудников данного правоохранительного органа. Также данное суждение отчасти подтверждается и данными о возрастных характеристиках сотрудников органов внутренних дел, совершающих преступления. Так, в научных публикациях в качестве наиболее криминогенной отмечена группа мужчин в возрасте около 30 лет¹².

Относительное омоложение состава лиц, совершающих преступления рассматриваемого вида, на наш взгляд, связано в настоящее время с большой текучестью кадров, что позволяет занимать даже руководящие должности лицам с небольшим опытом работы и молодым по возрасту.

Что касается образовательного уровня сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, то следует согласиться с мнением, что уровень образования в данном случае нельзя в полной мере рассматривать как фактор, снижающий вероятность совершения данных преступлений¹³. Как уже отмечалось, образовательный уровень сотрудников органов внутренних дел отчасти обусловлен формальными требованиями, предъявляемыми к нему нормативными правовыми актами, которые регламентируют прохождение службы.

По нашему мнению, фактором, действительно влияющим на совершение злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий, является недостаточный уровень правовой культуры субъектов этих преступлений. Проведённый нами опрос следователей СК РФ подтверждает данный вывод. Так, на вопрос: «Влияет ли уровень правовой культуры сотрудников органов внутренних дел на совершение ими злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий?» — 78,1 % респондентов

¹⁰ Криминология: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2022.

¹¹ В МВД России сообщили, что на службе в ведомстве растет число женщин. URL: <https://ria.ru/20160902/1475976531.html> (дата обращения: 15.07.2022).

¹² Фесунов В.А. Указ. соч. С. 10.

¹³ Магомедов К.Р. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди работников органов внутренних дел и проблемы их профилактики (региональное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2016. С. 79.

ответили утвердительно. При этом реальный уровень правовой культуры был оценён респондентами следующим образом: высоким его называли 23,4 % опрошенных, средним — 33,5 %, как низкий данный уровень был оценён 41,1 % опрошенных.

Нравственно-психологические характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершающих злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий, представлены в значительной степени мотивацией на совершение данных преступлений.

Изучение судебной практики, а также результаты интервьюирования следователей, раскладывающих уголовные дела о рассматриваемых преступлениях, свидетельствуют о том, что большая часть (около 60 %) данных преступлений совершается из корыстных побуждений. Оставшаяся часть преступлений совершается из иной личной заинтересованности. Довольно часто данные преступления совершаются для достижения высоких показателей в службе, карьерного роста.

Таким образом, следует отметить, что современные характеристики личности сотрудников органов внутренних дел, совершивших злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, имеют существенное значение при индивидуальной профилактике данных преступлений. Нами отмечены лишь некоторые личностные характеристики преступников, совершивших рассматриваемые преступления. Различные современные личностные характеристики преступников из числа сотрудников органов внутренних дел требуют более углублённого изучения в целях разработки рекомендаций по предупреждению совершения ими злоупотреблений должностными полномочиями и превышений должностных полномочий.

Список литературы

1. Варыгин А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на неё: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. 45 с.
2. Воронин Ю.А. Личность преступника: концептуальные аспекты // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 26—31.
3. Криминология: учебник для вузов / В.И. Авдийский [и др.]; под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букалеровой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 301 с.

4. Криминология: учебник для вузов / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 1132 с.

5. Криминология (общая часть): учебник для бакалавриата и специалитета / под общ. ред. А.В. Кудрявцева и А.Е. Михайлова. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. 220 с.

6. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: в 2 т. Т. 1. Общая часть: в 3 кн. Кн. 2: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 302 с.

7. Магомедов К.Р. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий среди работников органов внутренних дел и проблемы их профилактики (региональное исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2016. 228 с.

8. Организация противодействия коррупции: учебное пособие / Н.Э. Мартыненко [и др.]; под. общ. науч. рук. В.Ф. Цепелева. М.: Академия управления МВД России, 2020. 100 с.

9. Фесунов В.А. Криминологическое изучение личности сотрудника правоохранительных органов, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.

10. Эминов В.Е., Максимов С.В., Мацкевич И.М. Коррупционная преступность и борьба с ней. М.: ИГ Юрист, 2001. 128 с.

References

1. Varygin, A.N. (2003) *Prestupnost' sotrudnikov organov vnutrennih del i problemy vozdejstvija na nejo* [Crime of employees of internal affairs bodies and problems of influencing it]. Abstract of Doctor's degree dissertation. Saratov, 2003. 45 p. (In Russ.).
2. Voronin, Yu.A. (2019) *Lichnost' prestupnika: konceptual'nye aspekty* [Personality of criminal: conceptual aspects]. *Victimology*, no. 1, pp. 26–31. (In Russ.).
3. Avdiysky, V.I. & Bukalerova, L.A. (eds.) (2022) *Kriminologija* [Criminology]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Urait, 301 p. (In Russ.).
4. Kapinus, O.S. (ed.) (2022) *Kriminologija* [Criminology]. Textbook. 2nd ed. Moscow, Urait, 1132 p. (In Russ.).
5. Kudrjavcev, A.V. & Mihajlov, A.E. (eds.) (2020) *Kriminologija (obshchaja chast')* [Criminology (general part)]. Textbook. Vladimir, Vladimir branch of RANEPA, 220 p. (In Russ.).
6. Luneev, V.V. (2022) *Kurs mirovoj i rossijskoj kriminologii* [Course of world and Russian criminology]. In 2 vol. Vol. 1. *Obshchaja chast'* [General part]. In 3 parts. P. 2. Textbook. Moscow, Urait, 302 p. (In Russ.).

7. Magomedov, K.R. (2016) Zloupotreblenie dolzhnostnymi polnomochijami i prevyshenie dolzhnostnyh polnomochij sredi rabotnikov organov vnutrennih del i problemy ih profilaktiki (regional'noe issledovanie) [Abuse of official powers and excess of official powers among employees of internal affairs bodies and problems of their prevention (regional study)]. Ph. D. thesis. Mahachkala, 228 p. (In Russ.).
8. Cerelev, V.F. (ed.) (2020) Organizacija protivodejstvija korrupcii [Organization of anti-corruption]. Textbook. Moscow, Management Aca-
- demy of the Ministry of the Interior of Russia, 100 p. (In Russ.).
9. Fesunov, V.A. (2003) Kriminologicheskoe izuchenie lichnosti sotrudnika pravoохранител'nyh organov, sovershivshego prestuplenie [Crimino-logical study of the personality of a law enforcement officer who committed a crime]. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow, 23 p. (In Russ.).
10. Eminov, V.E., Maksimov, S.V. & Matskevich, I.M. (2001) Korruptsionnaja prestupnost' i bor'ba s nej [Corrupt crime and the fight against it]. Moscow, Jurist, 128 p. (In Russ.).

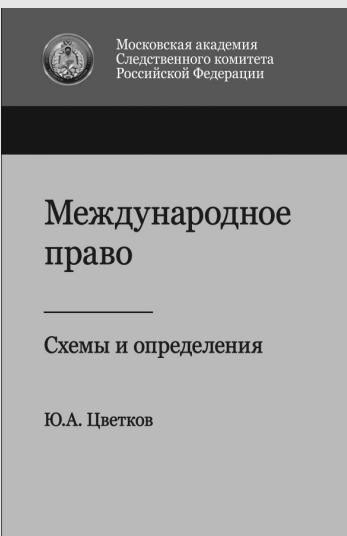
Информация об авторе

И.А. Иванин — аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, старший следователь следственного отдела по г. Домодедово Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области.

Information about the author

I.A. Ivanin – Postgraduate student of the Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University, Senior Investigator of the Investigative Department for Domodedovo of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Moscow Region.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков, Юрий Анатольевич. Международное право. Схемы и определения: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция», «Правовое обеспечение национальной безопасности», «Правоохранительная деятельность»/ Ю.А. Цветков. М.: ЮНИТИ-ДАНА. — 167 с.

ISBN 978-5-238-03325-9

В учебном пособии в схематическом виде представлены все основные разделы учебной дисциплины «Международное (публичное) право», даны определения основных институтов и понятий.

Для студентов юридических вузов.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 155—163.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 155–163.

УДК 343.34(73)
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.017

NIION: 2015-0065-03/22-070
MOSURED: 77/27-010-2022-03-269

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Уголовная ответственность за массовые беспорядки по законодательству отдельных штатов США

Мурад Маджумаев

Российский университет дружбы народов, Москва,
Россия, murad.mad@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3332-2850>

Аннотация. На фоне политической, социальной, экономической, информационной и моральной неустойчивости общества, а также роста нетерпимости к расовой, национальной, религиозной и гендерной идентичности людей в мире наблюдается тенденция к участившимся случаям массовых беспорядков. Массовые беспорядки, сопровождаемые действительной угрозой общественной безопасности и общественному порядку, предопределяют необходимость своевременных теоретических и научно-прикладных исследований в целях предупреждения рассматриваемого общественно опасного деяния. В настоящее время сохраняется востребованность уголовно-правовых разработок, направленных на повышение эффективности квалификации упомянутого состава преступления.

Целью настоящей статьи является комплексное изучение зарубежного опыта (отдельных штатов США) в области квалификации массовых беспорядков и формулирование аргументированных предложений по совершенствованию отечественного подхода при квалификации данного преступления. Проанализированы материально-правовые нормы штатов в части определения массовых беспорядков, материального элемента, необходимого количества участников, уголовно-правовых последствий, ментального элемента, а также предусмотренных наказаний.

Результаты и выводы, изложенные в статье, получены на основе философско-мировоззренческих, общенаучных и частнонаучных методов и подходов исследования: диалектического, формально-логического (анализ и синтез, индукция и дедукция), синхронного сравнительно-правового метода и др.

В статье обосновывается и формулируется определение массовых беспорядков, обозначаются объективная и субъективная стороны данного состава преступления. Сделан ряд выводов, определяющих целесообразность дальнейшего исследования качественных признаков толпы в контексте массовых беспорядков как наиболее опасной формы преступной кооперации для успешного ее предупреждения.

Ключевые слова: массовые беспорядки, преступная кооперация, общественные волнения, публичный террор, определение массовых беспорядков, материальный элемент преступления, толпа, криминальные последствия, ментальный элемент преступления, наказание

Научный руководитель: А.Р. Клебанов, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Маджумаев М. Уголовная ответственность за массовые беспорядки по законодательству отдельных штатов США // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 155—163. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.017.

The criminal liability for civil disorders under the state laws of the U.S.

Murad Madzhumayev

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow,
Russia, murad.mad@outlook.com, <https://orcid.org/0000-0003-3332-2850>

Abstract. Amidst the political, social, economic, informational and moral unsustainability of society, as well as increasing intolerance to the racial, national, religious and gender identity of people worldwide, there is a tendency of frequent incidents of civil disorders. The riots, accompanied by a valid menace to public safety and public order, predetermine the necessity of prompt theoretical and practical research in order to prevent this socially dangerous offence. There is still a demand for criminal-legal elaborations focused on enhancing the effectiveness of qualification of the mentioned *corpus delicti*.

© Маджумаев М., 2022

The purpose of this article is a comprehensive study of foreign experience (certain states of the U.S.) regarding the qualification of civil disorders and the development of substantiated proposals for improving the domestic approach to the qualification of this crime. It analyzes the substantive legal norms of the states in terms of the definition of civil disorders, the *actus reus*, the required number of participants, the criminal consequences, the *mens rea*, and the prescribed penalties.

The results and conclusions stated in the article are reached on the basis of philosophical and ideological, general scientific and special scientific methods and approaches of research: dialectical, formal-logical (analysis and synthesis, induction and deduction), synchronous comparative legal method and others.

The article substantiates and formulates the definition of civil disorders, outlines the *actus reus* and *mens rea* of this offence. Certain conclusions are made which determine the expediency of further research of qualitative characteristics of a crowd in the context of civil disorders as the most dangerous form of criminal cooperation for its successful prevention.

Keywords: civil disorders (riots), criminal cooperation, public disturbance, public terror, definition of civil disorders, *actus reus*, mob, criminal consequences, *mens rea*, punishment

Research supervisor: L.R. Klebanov, Professor of the Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University, Doctor of Law, Professor.

For citation: Madzhumayev, M. (2022) The criminal liability for civil disorders under the state laws of the U.S. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 155–163. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.017.

Введение

Противоправные деяния, совершаемые агрессивной группой лиц (толпой) в ходе массовых беспорядков, характеризуются самой высокой степенью общественной опасности, поскольку разрушительная сила таких преступлений поистине колоссальна.

Ретроспективный анализ мер уголовно-правового предупреждения массовых беспорядков проведен в научных трудах А.М. Багмета, С.А. Елисеева, В.Г. Павлова и других авторов. Общие вопросы уголовно-правовой квалификации массовых беспорядков затрагивались в исследованиях ряда отечественных ученых, таких как А.М. Багмет, А.А. Балашов, С.В. Борисов, В.Б. Боровиков, В.В. Боровикова, К.Г. Вдовиченко, С.В. Векленко, И.В. Веренич, А.П. Дмитренко, С.А. Елисеев, Н.Г. Кадников, И.Ю. Коновалова, В.А. Крупин, М.К. Кумышева, Т.М. Лопатина, В.А. Осипов, В.Г. Павлов, Е.А. Русскевич, Е.С. Скребец, А.И. Якунин и др.

Сравнительно-правовой анализ положений международных правовых документов, законодательных актов ряда зарубежных стран и национального законодательства по вопросам регулирования массовых беспорядков провели С.В. Векленко, С.А. Данилов, Т.В. Кикоть-Глуходрова, М.С. Мачехин и А.И. Якунин.

Вопросы криминологической характеристики массовых беспорядков получили развитие в исследованиях Брэндона Айвза, Джейкоба С. Льюиса¹, Криса Грира, Юджина Маклафли-

на², Элисон Кавана, Алекса Денниса³, Тима Ньюберна⁴, Дэниела Полсби, Дэвида Хэддока⁵ и Александры Скаакко⁶.

Исследователи Марго Е. Камински⁷ и Клэй Кальверт⁸ внесли существенный вклад в изучение института подстрекательства к массовым беспорядкам, разграничив права граждан на свободу слова, ассоциации и объединения от превышения их пределов.

Предупреждение и пресечение массовых беспорядков требуют комплексного подхода и, в частности, эффективного уголовно-правового инструментария, а потому целесообразно изучить соответствующий зарубежный опыт.

² Greer C., McLaughlin E. We predict a riot? Public order policing, new media environments and the rise of the citizen journalist // British Journal of Criminology. 2010. Vol. 50, no. 6. P. 1041–1059.

³ Cavanagh A., Dennis A. Framing the riots // Capital & Class. 2012. Vol. 36, no. 3. P. 375–381.

⁴ Newburn T. The causes and consequences of urban riot and unrest // Annual Review of Criminology. 2021. Vol. 4, no. 1. P. 53–73; Newburn T. Reflections on why riots don't happen // Theoretical Criminology. 2016. Vol. 20, no. 2. P. 125–144.

⁵ Haddock D.D., Polksby D.D. Understanding riots // Cato Journal. 1994. Vol. 14, no. 1. P. 147–157.

⁶ Scacco A. Who riots? Explaining individual participation in ethnic violence. Ph. D. thesis. Columbia University, 2010.

⁷ Kaminski M.E. Incitement to riot in the age of flash mobs // University of Cincinnati Law Review. 2013. Vol. 81, no. 1. P. 1–85.

⁸ Calvert C. First Amendment envelope pushers: revisiting the incitement-to-violence test with Messrs. Brandenburg, Trump, & Spencer // Connecticut Law Review. 2019. Vol. 51, no. 1. P. 117–154.

¹ Ives B., Lewis J.S. From rallies to riots: why some protests become violent // Journal of Conflict Resolution. 2019. Vol. 64, no. 5. P. 958–986.

В этой связи обратимся к законодательству США и практике его применения, вернее, к опыту отдельных штатов. Как известно, уголовная ответственность за массовые беспорядки в США предусмотрена как на федеральном уровне (соответствующие нормы Свода законов США), так и на уровне штатов.

Анализ уголовно-правовых статутов разных штатов позволил выявить их специфические черты, сходства и различия. Анализ проводился на основе следующих критерииев: 1) определение массовых беспорядков; 2) описание *actus reus* (материального элемента преступления); 3) необходимое количество участников толпы; 4) преступные последствия; 5) описание *mens rea* (ментального элемента преступления); 6) предусмотренное наказание.

Изложенные в настоящей статье результаты и выводы получены на основе применения отвечающих современным требованиям юридической науки философско-мировоззренческих, общенациональных и частнонаучных методов и подходов исследования.

С точки зрения диалектического подхода признаки массовых беспорядков рассматриваются во взаимосвязи и взаимообусловленности с составными элементами преступления. Методами формальной логики (анализ и синтез, индукция и дедукция) данные явления изучены в контексте их строения и формы. Названные методы, деление на части и обобщение из частей, а также вывод от общего к частному и наоборот позволили автору сформулировать рациональное, обоснованное определение массовых беспорядков. Синхронным сравнительно-правовым методом осуществлено сопоставление положений законодательных актов отдельных штатов о массовых беспорядках.

1. Определение массовых беспорядков

Совершенно очевидно, что правовая дефиниция массовых беспорядков играет исключительно важную роль: от правильной формулировки зависит эффективность применяемых мер уголовно-правового характера по предупреждению этого преступления.

Уголовные законы штатов Арканзас⁹ и Айова¹⁰ определяют массовые беспорядки (*civil disorder*) по признакам общественного волнения (*public disturbance*) или нарушения общественного порядка, 1) сопровождающихся ак-

тами насилия; 2) в составе группы из трех и более лиц; 3) представляющих непосредственную угрозу жизни и здоровью людей или 4) причиняющих имущественный ущерб. Практически аналогичное определение беспорядков содержится в уголовном кодексе штата Колорадо, лишь с тем дополнением, что они могут существенно препятствовать функционированию государственных структур¹¹. А в штате Теннесси законодатель специально выделил общественные места как место совершения таких беспорядков¹².

Многие уголовно-правовые акты штатов ограничиваются оперированием понятием «общественные волнения» — *public disturbance* (в том же Теннесси), и лишь в штате Северная Каролина массовые беспорядки определяются как раздражающие, вызывающие беспокойство или тревогу: 1) деяния или обстоятельства, превышающие допустимые грани социальной толерантности, приемлемости; 2) затрагивающие интересы граждан и 3) совершаемые в определенное время и в местах, предназначенных для свободного доступа граждан¹³. В теории уголовного права общественные волнения, сопровождающиеся насилиственными действиями, характеризуются как нарушение общественного порядка¹⁴ либо элементарно нарушение нормального положения дел (*tranquil state of affairs*) в обществе¹⁵.

К упомянутым общественным местам можно среди прочего отнести автомагистрали, транспортные объекты, учебные заведения¹⁶, испра-

⁹ Colorado Revised Statutes § 18-9-101 (2021).

¹² Tennessee Code § 39-17-301 (4) (2021).

¹³ North Carolina General Statutes § 14-288.1-1, § 14-288.2 (2022).

¹⁴ James M., Pearson G. Public order and the rebalancing of football fans' rights: legal problems with pre-emptive policing strategies and banning orders // Public Law. 2015. Vol. 3. P. 458–475; Zoller E. The United States Supreme Court and the freedom of expression // Indiana Law Journal. 2009. Vol. 84, no. 3. P. 896; Price D.G. Causing a disturbance // Criminal Law Quarterly. 1978. Vol. 20. P. 68; Henry J.V. Breach of the peace and disorderly conduct laws: void for vagueness? // Howard Law Journal. 1966. Vol. 12. P. 318–331.

¹⁵ Robinson N. Rethinking the crime of rioting // Minnesota Law Review, Forthcoming. 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4058530> (accessed August 19, 2022); Sugrue Th.J. Sweet land of liberty: the forgotten struggle for civil rights in the North. New York: Random House, 2008.

¹⁶ McKenna J.M., Pollock J.M. Law enforcement officers in schools: an analysis of ethical issues // Criminal Justice Ethics. 2014. Vol. 33, no. 3. P. 163–184.

⁹ Arkansas Code § 5-71-101 (1987).

¹⁰ Iowa Code § 723.1 (2022).

вительные учреждения, коммерческие или культурно-развлекательные учреждения, а также жилые кварталы.

В уголовных кодексах штата Калифорния¹⁷ и штата Айдахо¹⁸ беспорядки описываются как: 1) применение физической силы или насилия, нарушающее общественный порядок, 2) или угроза такового, подкрепленная реальной возможностью его осуществления; при этом 3) совершенное совместно двумя или более лицами.

В отличие от указанных законодательных конструкций, в штатах Южная Дакота¹⁹, Орегон²⁰ и Вирджиния²¹ массовыми беспорядками могут быть признаны только насильственные действия, и в этих штатах одни лишь угрозы, не получившие реального воплощения, не могут быть квалифицированы как массовые беспорядки.

2. Описание *actus reus* (материального элемента преступления)

Действующие уголовные кодексы лишь небольшого числа штатов содержат определения непосредственно массовых беспорядков, поэтому точная формулировка материального элемента этих преступлений чрезвычайно важна.

Материальный элемент массовых беспорядков в уголовных кодексах штатов Алабама²² и Нью-Йорк²³ включает бурные и насильственные действия (*tumultuous and violent conduct*), порождающие риск публичного террора (*public terror*) или тревоги либо приводящие к таким. Определение понятия «публичный террор» вызывает ряд трудностей: ни в нормативно-правовых актах, ни в опубликованной современной судебной практике этих штатов не встречается его определение. В качестве решения можно привести прецедент общего права по делу *Queen v. Soley* (1707 г.), согласно которому *in terrorem populi* при беспорядках объясняется скоплением определенного количества вооруженных лиц, в том числе если последние не предпринимают активных действий²⁴. По сути,

¹⁷ California Penal Code § 404 (a) (2021).

¹⁸ Idaho Code § 18-6401 (2021).

¹⁹ South Dakota Codified Laws § 22-10-1 (2022).

²⁰ Oregon Revised Statutes § 166.015 (2021).

²¹ Code of Virginia § 18.2-405 (1950).

²² Code of Alabama § 13A-11-3 (1975).

²³ Consolidated Laws of New York. Penal § 240.05, § 240.06 (2021).

²⁴ Frassetto M.A. To the terror of the people: public disorder crimes and the original public understanding of the Second Amendment // Southern Illinois University Law Journal. 2018. Vol. 43. P. 77–79.

публичный террор ассоциируется с широко распространенным чувством страха из-за чрезвычайной угрозы коллективному благополучию определенной группы людей²⁵.

Наряду с фактическим применением физической силы или насилия, в штатах Аризона²⁶, Колорадо (п. 2 ч. 1 ст. 18-9-101) и федеральном округе Колумбия²⁷ в качестве объективной стороны правонарушения предусматриваются и угрозы применения такой силы или насилия. В любом случае такая угроза должна быть действительной и содержать возможность ее немедленного исполнения.

В качестве альтернативы применению силы и насилию в штатах Калифорния (ст. 404, 404.6), Флорида²⁸, Айдахо (ст. 18-6401), Айова (ст. 723.1), Арканзас (ст. 5-71-201), Джорджия²⁹ указываются случаи причинения телесных повреждений различной степени тяжести, поджогов или уничтожения имущества во время таких беспорядков. В уголовном законодательстве штата Миннесота³⁰ предусматривается нарушение общественного порядка с применением насилия или оружия.

В свою очередь, законы штатов Делавэр³¹ и Гавайи³² раскрывают материальный элемент беспорядков через другой состав преступления — хулиганство. Следующие обстоятельства могут составить *actus reus* беспорядков:

1) участие в драке, актах насилия, бурных или устрашающих действиях;

2) произведение неоправданного уровня шума, оскорбительно грубые заявления, жесты или демонстрации, либо высказывания оскорбительного характера в адрес присутствующих лиц;

3) незаконное препятствование законному собранию или объединению людей;

4) препятствование движению транспортных средств или пешеходов;

5) скопление группы лиц в общественном месте и неповинование законным требованиям органов правопорядка о рассредоточении;

6) создание потенциально опасных ситуаций, не преследующее законной цели.

²⁵ Coyne Ch.J., Hall A.R. The drone paradox: fighting terrorism with mechanized terror // The Independent Review. 2018. Vol. 23, no. 1. P. 58.

²⁶ Arizona Revised Statutes § 13-2903 (a) (2022).

²⁷ District of Columbia Code § 22-1322 (2021).

²⁸ Florida Statutes § 870.01 (2022).

²⁹ Georgia Code § 16-11-30 (2016).

³⁰ Minnesota Statutes § 609.71 (2022).

³¹ Delaware Code Title 11 § 1302 (2022).

³² Hawaii Revised Statutes § 711-1103, § 711-1101 (2021).

Во многих штатах подстрекательство к беспорядкам (склонение, призывы, команды, инструкции или указания) квалифицируется в качестве самостоятельного преступления. Среди них такие штаты, как Северная Дакота³³, Северная Каролина (ст. 14-288.2), Теннесси (ст. 39-17-304), Южная Дакота (ст. 22-10-17), Колорадо (ст. 18-9-102) и др.

Кроме того, в некоторых штатах отдельно существует запрет на снабжение оружием, взрывчатыми веществами, зажигательными или другими разрушительными устройствами, а также на обучение по их использованию. К ним относятся, в частности, Юта³⁴, Огайо³⁵, Нью-Гэмпшир³⁶, Миннесота (ст. 609.71), Арканзас (ст. 5-71-204) и др.

3. Необходимое количество участников толпы

Главной особенностью беспорядков, безусловно, выступает фактор массовости, наличие толпы: именно это свойство мультилицирует их общественную опасность. Данному преступлению присуще совместное участие существенного количества людей в совершении общественно опасного деяния. Наряду с (со)исполнителями (участниками) уголовную ответственность несут организаторы, подстрекатели и пособники. По сути дела, массовые беспорядки представляют собой одну из наиболее опасных уголовно наказуемых форм преступной кооперации.

Лица, участвующие в массовых беспорядках, могут быть объединены предварительным сговором (*conspiracy to riot*) либо предварительно не договариваться (случайные участники толпы). В первом случае налицо самостоятельный состав преступления. Так, подобные нормы предусмотрены в штатах Колорадо (ст. 18-9-102, 18-9-104), Теннесси (ст. 39-17-314), Северная Дакота (ст. 12.1-25-01), Орегон (ст. 166.660, 161.450), Вирджиния (ст. 18.2-408) и др.

В некоторых штатах для совершения действий, составляющих материальный элемент массовых беспорядков, требуется одновременное участие как минимум двух лиц — Юта (ст. 76-9-101), Невада³⁷, Делавэр (ст. 1302). В то же время в Вирджинии (ст. 18.2-405), Северной Каролине (ст. 14-288.2), Теннесси (ст. 39-17-301), Южной Дакоте (ст. 22-10-1) для

предъявления обвинения в беспорядках необходимое наличие как минимум трех участников.

В отдельных штатах беспорядки требуют участия минимум пяти человек — Орегон (ст. 166.015), Северная Дакота (ст. 12.1-25-01), Нью-Йорк (ст. 240.05), Канзас³⁸, Огайо (ст. 2917.03) и др. В штате Мэн³⁹ и на Гавайях (ст. 711-1103) при квалификации беспорядков уже требуется группа из шести человек, а в штатах Коннектикут⁴⁰ и Миссури⁴¹ — из семи участников.

Причины, по которым диспозиции норм о массовых беспорядках предписывают именно такое количество лиц, не ясны. Совершенно справедливо отмечается, что ни 2, ни 3, ни 5, ни даже 7 человек недостаточно для расценивания их как «массы» людей, толпы в контексте беспорядков⁴². Ведь общественная опасность как таковая проявляется в результате действий существенного числа участников. И потому указанное в нормах количество лиц вполне может быть привлечено к ответственности в рамках института соучастия в преступлении без ссылки на массовые беспорядки. С другой стороны, скопление большой толпы не является мгновенным, скорее, этот процесс объединяет в себе множество небольших групп лиц, которое в дальнейшем гомогенизируется или поляризуется в результате взаимодействия с внутренними или внешними факторами⁴³.

4. Преступные последствия

В законодательствах штатов предусматриваются преступные последствия, необходимые для образования состава массовых беспорядков. Так, в федеральном округе Колумбия (ст. 22-1322) и штатах Арканзас (ст. 5-71-201), Колорадо (ст. 18-9-101) и Флорида (ст. 22-1322), помимо потенциальной угрозы жизни, здоровью или ущерба материальному имуществу, достаточными признаются следующие обстоятельства, представляющие существенную угрозу: 1) создание общественной тревоги (*public alarm*); 2) препят-

³³ Kansas Statutes § 21-6201 (2022).

³⁴ Maine Revised Statutes Title 17-A § 503 (2022).

³⁵ Connecticut General Statutes § 53a-175 (2022).

³⁶ Missouri Revised Statutes § 574.050 (2020).

³⁷ Kaminski M.E. Incitement to riot in the age of flash mobs // University of Cincinnati Law Review. 2013. Vol. 81, no. 1. P. 18.

³⁸ Arrow H., McGrath J.E., Berdahl J.L. Small groups as complex systems: formation, coordination, development, and adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000; Forsyth D.R. Group dynamics. 6th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2014.

³³ North Dakota Century Code § 12.1-25-01 (2022).

³⁴ Utah Code § 76-9-101 (2021).

³⁵ Ohio Revised Code § 2917.02 (2021).

³⁶ New Hampshire Revised Statutes § 644:1 (2021).

³⁷ Nevada Revised Statutes § 203.070 (2021).

ствование выполнению государственных функций (*governmental function*).

Ответственность за нарушение общественного порядка в ходе массовых беспорядков в виде фактического нарушения спокойствия, применения силы и насилия или их угрозы предусмотрена в уголовных кодексах Аризоны (ст. 13-2903), Калифорнии (ст. 404), Айдахо (ст. 18-6401) и Канзаса (ст. 21-6201).

Во Флориде в статье 870.01 кодекса, предусматривающей ответственность за массовые беспорядки при отягчающих обстоятельствах, указаны следующие последствия: 1) причинение тяжких телесных повреждений третьим лицам, не участвующим в беспорядках; 2) причинение имущественного ущерба на сумму свыше 5000 долларов США; 3) применение насилия или угроза его применения, создание угрозы безопасности движения транспортных средств.

Также к категории норм, предусматривающих тяжкие последствия беспорядков (*riot in the first degree*), следует отнести акты штатов Нью-Йорк (ст. 240.06) и Мэн (ст. 503). Здесь речь идет о телесных повреждениях или значительном имущественном ущербе в результате насильственных действий, вызвавших общественную тревогу. Законодательство штата Нью-Гэмпшир (ст. 644:1 — *class B felony*) дополняет телесные повреждения или значительный материальный ущерб в результате беспорядков поджогами, применением оружия (смертельно-го оружия), а также бросанием предметов в сотрудников правоохранительных органов и служб экстренного реагирования.

5. Описание *mens rea* (ментального элемента преступления)

Объективные признаки состава массовых беспорядков характеризуются активными действиями (насильственные действия, угрозы их применения) и преступными последствиями (общественная тревога, причинение вреда здоровью граждан и имуществу). В материальных составах преступлений необходимо установить осознание лицом общественно опасного характера своего действия и наступление в результате этого преступных последствий. Вместе с тем в формулировку состава преступления не во всех штатах наступление преступных последствий включается в качестве обязательного признака состава.

Многие штаты, например Калифорния (ст. 404.6.), Делавэр (ст. 1302), Флорида (ст. 870.01),

Гавайи (ст. 711-1103), Мэн (ст. 503), Миннесота (ст. 609.71), Южная Дакота (ст. 22-10-1), предусматривают умышленное (*with intent, purposely, knowingly*) состояние сознания виновного лица.

В уголовном кодексе штата Аризона (ст. 13-2903) предусмотрена при совершении массовых беспорядков неосторожная форма вины в виде легкомыслия (*recklessness*). В силу этой нормы лицо несет уголовную ответственность за массовые беспорядки, если совместно с двумя или более лицами легкомысленно (*recklessly*) прибегает к применению силы или насилия либо к угрозе их применения, при условии, что такая угроза сопровождается прямой возможностью исполнения.

Отдельные штаты, в том числе Алабама (ст. 13A-11-3), Нью-Йорк (ст. 240.05, 240.06), Нью-Гэмпшир (ст. 644:1), Орегон (ст. 166.015), Юта (ст. 76-9-101) и т. д., допускают как умышленное, так и неосторожное состояние ума в качестве *mens rea*.

6. Предусмотренное наказание

Умышленное участие в массовых беспорядках или подстрекательство к ним в округе Колумбия влечет уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 180 дней и/или штрафа в размере 1000 долл. США. В случаях причинения в результате беспорядков ущерба жизни и здоровью или имуществу на сумму более 5000 долл. США наказание увеличивается до 10 лет лишения свободы и/или штрафа в размере 25 000 долл. США.

В штате Арканзас акты насилия в виде беспорядков и подстрекательства к ним наказуемы заключением в окружной тюрьме на срок от 30 дней до 1 года и/или наложением штрафа в размере 2500 долл. (*class A misdemeanor*). Те же деяния, совершенные при отягчающих обстоятельствах (с применением оружия), подлежат шестилетнему тюремному заключению и/или денежному штрафу в размере 10 000 долл. США (*class D felony*). Снабжение участников беспорядков оружием влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет и/или штрафа в размере 15 000 долл. США (*class B felony*).

Предусматривая умышленное или неосторожное причинение публичного террора или тревоги (либо их угрозу) насильственными действиями в ходе беспорядков, законодательство Алабамы квалифицирует такое действие как мисдимиор класса А, который наказывается тю-

ремным заключением на срок от 6 до 12 месяцев и/или штрафом в размере от 3000 до 6000 долл. США.

Беспорядки в Айове влекут за собой наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет и/или штрафа в размере от 750 до 7500 долл. США (*class D felony*).

Законодательство штата Аляска предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет и/или штраф в размере до 50 000 долл. США за применение насилия (агрессии) в общественных местах (во время беспорядков) и причинение или серьезную угрозу причинения ущерба здоровью и имуществу граждан⁴⁴.

Заключение

Несмотря на то, что ответственность за массовые беспорядки предусмотрена в Своде законов США (§ 231 *Civil disorders*, § 2101 *Riots*), а формулировка этого деяния содержится в Модельном уголовном кодексе США (Model penal code), уголовные законы штатов не отличаются в этом вопросе единством.

Определения массовых беспорядков нет в диспозитивной части ст. 212 УК РФ. В ней лишь прослеживается стремление придать этому явлению хоть какое-то содержание, перечислив совершаемые деяния (насилие, погромы, поджоги, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих или иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также вооруженное сопротивление представителю власти, а равно подготовка лица к организации таких массовых беспорядков или участие в них), которыми могут сопровождаться беспорядки. Подобная простая форма содержания диспозиции, возможно, связана с трудностями определения и громоздкостью. По нашему мнению, описательная диспозиция, включающая признаки массовых беспорядков, представляется более предпочтительной.

Совокупность основных признаков состава массовых беспорядков позволила автору сформулировать следующую дефиницию: массовые беспорядки — деяния насильственного характера, совершаемые в открытых для свободного доступа граждан местах, посягающие на общественный порядок и вызывающие беспокойство или тревогу, осуществляемые совместно большим количеством лиц, которые существенно

препятствуют выполнению государственных и общественных функций.

Как видим, *actus reus* данного преступления заключается в активных насильственных действиях (причинение смерти или вреда здоровью различной степени тяжести, повреждение или уничтожение имущества, повреждение объектов городской инфраструктуры, повреждение физической сохранности памятников истории и культуры). Вместе с тем возможны и самостоятельные составы преступления в виде подстрекательства, сговора на совершение массовых беспорядков, снабжения участников оружием, а также демонстрации навыков его применения или обучения им.

Нет также и единства относительно необходимого количества участников массовых беспорядков, составляющих собственно толпу, «массу» людей. Несмотря на то, что в диспозициях норм предусмотрены определенные минимальные количественные показатели, тем не менее ни 2, ни 3, ни 5, ни даже 7 человек не в состоянии расцениваться в смысле массовых беспорядков как «масса» людей, толпа, которая в действительности способна генерировать напряженную обстановку в обществе.

В статье 212 УК РФ не formalизованы минимальные или максимальные значения численности толпы при совершении массовых беспорядков. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ В.Г. Ярославцева в постановлении Конституционного Суда РФ от 18.05.2012 № 12-П отмечается: «Понятие „массовость“ участников публичных мероприятий презумирует невозможность точного (арифметического) подсчета возможного количества участников этих акций»⁴⁵. Постановлением Правительства РФ от 25.03.2015 № 272 установлены следующие три категории мест массового пребывания людей: 1) категория 1 — возможно одновременное нахождение более 1000 человек; 2) категория 2 — одновременное нахождение от 200 до 1000 человек; 3) категория 3 — одновременное нахож-

⁴⁴ Alaska Statutes § 11.61.100 (§ 12.55.035, § 12.55.125) (2021).

⁴⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.05.2012 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156678&rdk=&backlink=1> (дата обращения: 21.05.2022).

дение от 50 до 200 человек⁴⁶. Изучение качественных характеристик толпы представляется актуальным, поскольку «массовость» имеет оценочное значение, которое следует рассматривать отдельно в каждом конкретном случае.

Общественно опасные последствия массовых беспорядков могут варьироваться от создания публичного волнения до наступления фактических результатов в виде причинения смерти, вреда здоровью, имуществу, подрыва деятельности государственных и муниципальных служб (в области здравоохранения, пожарной безопасности, безопасности дорожного движения и т. д.).

В качестве *mens rea* массовых беспорядков следует рассматривать только прямой умысел (*purposely, intent*), поскольку лицо в состоянии осознавать характер совершаемого им действия и желает его совершить. В отношении последствий может быть рассмотрен и косвенный умысел (*knowingly*).

Список литературы

1. Arrow H., McGrath J.E., Berdahl J.L. Small groups as complex systems: formation, coordination, development, and adaptation. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2000. 344 p.
2. Calvert C. First Amendment envelope pushers: revisiting the incitement-to-violence test with Messrs. Brandenburg, Trump, & Spencer // Connecticut Law Review. 2019. Vol. 51, no. 1. P. 117–154.
3. Cavanagh A., Dennis A. Framing the riots // Capital & Class. 2012. Vol. 36, no. 3. P. 375–381. doi: 10.1177/0309816812453599.
4. Coyne Ch.J., Hall A.R. The drone paradox: fighting terrorism with mechanized terror // The Independent Review. 2018. Vol. 23, no. 1. P. 51–67.
5. Forsyth D.R. Group dynamics. 6th ed. Belmont, CA: Wadsworth Cengage Learning, 2014. 752 p.
6. Frassetto M.A. To the terror of the people: public disorder crimes and the original public understanding of the Second Amendment // Southern Illinois University Law Journal. 2018. Vol. 43. P. 61–90.
7. Greer C., McLaughlin E. We predict a riot? Public order policing, new media environments and the rise of the citizen journalist // British Journal of Criminology. 2010. Vol. 50, no. 6. P. 1041–1059. doi: 10.1093/bjc/azq039.
8. Haddock D.D., Polsby D.D. Understanding riots // Cato Journal. 1994. Vol. 14, no. 1. P. 147–157.
9. Henry J.V. Breach of the peace and disorderly conduct laws: void for vagueness? // Howard Law Journal. 1966. Vol. 12. P. 318–331.
10. Ives B., Lewis J.S. From rallies to riots: why some protests become violent // Journal of Conflict Resolution. 2019. Vol. 64, no. 5. P. 958–986. doi: 10.1177/0022002719887491.
11. James M., Pearson G. Public order and the rebalancing of football fans' rights: legal problems with pre-emptive policing strategies and banning orders // Public Law. 2015. Vol. 3. P. 458–475.
12. Kaminski M.E. Incitement to riot in the age of flash mobs // University of Cincinnati Law Review. 2013. Vol. 81, no. 1. P. 1–85.
13. McKenna J.M., Pollock J.M. Law enforcement officers in schools: an analysis of ethical issues // Criminal Justice Ethics. 2014. Vol. 33, no. 3. P. 163–184. doi: 10.1080/0731129X.2014.982974.
14. Newburn T. Reflections on why riots don't happen // Theoretical Criminology. 2016. Vol. 20, no. 2. P. 125–144. doi: 10.1177/1362480615598829.
15. Newburn T. The causes and consequences of urban riot and unrest // Annual Review of Criminology. 2021. Vol. 4, no. 1. P. 53–73. doi: 10.1146/annurev-criminol-061020-124931.
16. Price D.G. Causing a disturbance // Criminal Law Quarterly. 1978. Vol. 20. P. 68.
17. Robinson N. Rethinking the crime of rioting // Minnesota Law Review, Forthcoming. 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4058530> (accessed August 19, 2022).
18. Scacco A. Who riots? Explaining individual participation in ethnic violence. Ph. D. thesis. Columbia University, 2010.
19. Sugrue Th.J. Sweet land of liberty: the forgotten struggle for civil rights in the North. New York: Random House, 2008. 736 p.
20. Zoller E. The United States Supreme Court and the freedom of expression // Indiana Law Journal. 2009. Vol. 84, no. 3. P. 885–916.

⁴⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 25.03.2015 № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране полицией, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)». URL: <http://government.ru/docs/all/95372> (дата обращения: 21.05.2022).

References

1. Arrow, H., McGrath, J.E. & Berdahl, J.L. (2000) Small groups as complex systems: formation, coordination, development, and adaptation. Thousand Oaks, CA, Sage Publications, 344 p.
2. Calvert, C. (2019) First Amendment envelope pushers: revisiting the incitement-to-violence test with Messrs. Brandenburg, Trump, & Spencer. *Connecticut Law Review*, vol. 51, no. 1, pp. 117–154.
3. Cavanagh, A. & Dennis, A. (2012) Framing the riots. *Capital & Class*, vol. 36, no. 3, pp. 375–381. doi: 10.1177/0309816812453599.
4. Coyne, Ch.J. & Hall, A.R. (2018) The drone paradox: fighting terrorism with mechanized terror. *The Independent Review*, vol. 23, no. 1, pp. 51–67.
5. Forsyth, D.R. (2014) Group dynamics. 6th ed. Belmont, CA, Wadsworth Cengage Learning, 752 p.
6. Frassetto, M.A. (2018) To the terror of the people: public disorder crimes and the original public understanding of the Second Amendment. *Southern Illinois University Law Journal*, vol. 43, pp. 61–90.
7. Greer, C. & McLaughlin, E. (2010) We predict a riot? Public order policing, new media environments and the rise of the citizen journalist. *British Journal of Criminology*, vol. 50, no. 6, pp. 1041–1059. doi: 10.1093/bjc/azq039.
8. Haddock, D.D. & Polsby, D.D. (1994) Understanding riots. *Cato Journal*, vol. 14, no. 1, pp. 147–157.
9. Henry, J.V. (1966) Breach of the peace and disorderly conduct laws: void for vagueness? *Howard Law Journal*, vol. 12, pp. 318–331.
10. Ives, B. & Lewis, J.S. (2019) From rallies to riots: why some protests become violent. *Jour-*
- nal of Conflict Resolution*, vol. 64, no. 5, pp. 958–986. doi: 10.1177/0022002719887491.
11. James, M. & Pearson, G. (2015) Public order and the rebalancing of football fans' rights: legal problems with pre-emptive policing strategies and banning orders. *Public Law*, vol. 3, pp. 458–475.
12. Kaminski, M.E. (2013) Incitement to riot in the age of flash mobs. *University of Cincinnati Law Review*, vol. 81, no. 1, pp. 1–85.
13. McKenna, J.M. & Pollock, J.M. (2014) Law enforcement officers in schools: an analysis of ethical issues. *Criminal Justice Ethics*, vol. 33, no. 3, pp. 163–184. doi: 10.1080/0731129X.2014.982974.
14. Newburn, T. (2016) Reflections on why riots don't happen. *Theoretical Criminology*, vol. 20, no. 2, pp. 125–144. doi: 10.1177/1362480615598829.
15. Newburn, T. (2021) The causes and consequences of urban riot and unrest. *Annual Review of Criminology*, vol. 4, no. 1, pp. 53–73. doi: 10.1146/annurev-criminol-061020-124931.
16. Price, D.G. (1978) Causing a disturbance. *Criminal Law Quarterly*, vol. 20, p. 68.
17. Robinson, N. (2022) Rethinking the crime of rioting. *Minnesota Law Review*, Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=4058530> (accessed August 26, 2022).
18. Scacco, A. (2010) Who riots? Explaining individual participation in ethnic violence. Ph. D. thesis. Columbia University.
19. Sugrue, Th.J. (2008) Sweet land of liberty: the forgotten struggle for civil rights in the North. New York, Random House, 736 p.
20. Zoller, E. (2009) The United States Supreme Court and the freedom of expression. *Indiana Law Journal*, vol. 84, no. 3, pp. 885–916.

Информация об авторе

М. Маджумаев – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов.

Information about the author

M. Madzhumayev – Postgraduate student of the Department of Penal Law, Criminal Litigation and Forensic Science of the Law Institute of the RUDN University.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 164–170.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 164–170.

УДК 343.233
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.018

NIION: 2015-0065-03/22-071
MOSURED: 77/27-010-2022-03-270

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Понятие и уголовно-правовое значение корыстного мотива преступления

Марина Анатольевна Попова

Российский университет транспорта (МИИТ),
Москва, Россия, m.popova@itgrp.ru

Аннотация. Постановка проблемы. В доктрине уголовного права мотив преступления относится к числу факультативных, а не составообразующих признаков субъективной стороны состава преступления, несмотря на то, что любому преступному деянию присуща мотивация. В правоприменительной деятельности к числу распространенных мотивов относится корыстный, который в Уголовном кодексе РФ закрепляется в качестве конструктивного или квалифицирующего признака посредством таких законодательных конструкций, как «корыстные побуждения» или «корыстная заинтересованность». Многообразие формулировок, закрепляющих корыстную мотивацию в уголовном законодательстве, и порождаемые этим проблемы правоприменения предопределяют актуальность установления сущности и уголовно-правового значения корыстного мотива преступления.

Цель исследования: на основе анализа норм уголовного законодательства, актов судебных органов, фундаментальных положений уголовного права и криминологии определить понятие и уголовно-правовое значение корыстного мотива преступления.

Методы. Основу исследования составляет общенаучный диалектический метод познания. Кроме того, применялась совокупность многократно апробированных в уголовно-правовой и криминологической науке методов исследования, таких как анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия и моделирование, абстрагирование и конкретизация, системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой, исторический и социологический.

Результаты, краткие выводы. Крылатое выражение юристов Римской империи — *absoluta sententia expositore non indigent* (ясное значение не требует объяснений) — продолжает оставаться актуальным и в наши дни. Четкие моносемичные понятия и признаки обуславливают формирование прочной методологической основы не только для их адаптации в науке уголовного права, но и для использования в правоприменительной практике, в сфере противодействия корыстной преступности, не допускают ее латентизации. Каждая ошибка в употреблении терминов может привести к неправильной квалификации преступлений, попранию принципа справедливости, утрате доверия к правоохранительным органам и снижению уровня защищенности граждан от преступных посягательств. При определении уголовно-правового значения корыстных побуждений установлено, что они, как признак субъективной стороны состава преступления, признаются средством дифференциации уголовной ответственности.

Ключевые слова: мотив преступления, корыстный мотив, корыстные побуждения, значение мотива

Научный руководитель: О.Р. Афанасьева, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминология» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), доктор юридических наук, доцент.

Для цитирования: Попова М.А. Понятие и уголовно-правовое значение корыстного мотива преступления // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 164–170. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.018.

The concept and criminal legal meaning of self-serving motive of a crime

Marina A. Popova

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, m.popova@itgrp.ru

Abstract. Statement of the problem. In the criminal law doctrine, the motive of a crime is referred to the number of optional and not constitutive features of a subjective side of a crime, in spite of the fact that any criminal act is motivated. In law enforcement activities, among the common motives is self-serving, which in the Criminal Code of the Russian Federation is enshrined as a constructive or qualifying signs by such legislative constructions as "self-serving motives" or "self-serving interest". The diversity of formulations enshrining self-serving motivation in the criminal legislation, and

the problems of law enforcement generated by it predetermine the relevance of establishing the essence and criminal legal meaning of self-serving motive of a crime.

The aim of the research: on the basis of the analysis of norms of criminal legislation, acts of judicial bodies, fundamental provisions of criminal law and criminology to define the concept and criminal-legal meaning of mercenary motive of a crime.

Methods. The basis of the study is a general scientific dialectical method of knowledge. In addition, a set of repeatedly approved in criminal and criminological science methods of research, such as analysis and synthesis, deduction and induction, analogy and modeling, abstraction and concretization, system-structural, formal-logical, comparative-legal, historical and sociological.

Results, brief conclusions. The winged expression of the lawyers of the Roman Empire — *absoluta sententia expositore non indigent* (clear meaning requires no explanation) — continues to be relevant today. Clear monosemic concepts and signs cause the formation of a solid methodological basis not only for their adaptation in the science of criminal law, but also for their use in law enforcement practice, in the field of countering acquisitive crime, prevent its latentization. Every mistake in the use of terminology can lead to misclassification of crimes, violation of the principle of justice, loss of confidence in law enforcement agencies and reduce the level of protection of citizens against criminal attacks. At definition of the criminal law meaning of mercenary motives it is established, that they as the attribute of subjective side of corpus delicti are recognized as the means of differentiation of a criminal liability.

Keywords: crime motive, mercenary motive, mercenary motivation, value of motive

Research supervisor: O.R. Afanaseva, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Doctor of Law, Associate Professor.

For citation: Popova, M.A. (2022) The concept and criminal legal meaning of self-serving motive of a crime. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 164–170. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.018.

Введение

В уголовном праве, по общему правилу, мотив (лат. *mōrus* — движение; греч. *moveo* — то, что движет) рассматривают в виде факультативного признака субъективной стороны преступления, а также как критерий дифференциации уголовной ответственности, конструктивный и (или) квалифицирующий признак состава преступления. Безусловно, мотив учитывается при назначении наказания.

Вместе с тем понятие «мотив» относится к предмету изучения не только науки уголовного права, но и криминологии, психологии и др.

Например, в криминологии его учитывают в качестве обстоятельства, характеризующего личность преступника, что позволяет определить степень общественной опасности виновного, получить представление о его нравственно-психологических характеристиках. Солидарны с позицией исследователей, считающих, что мотив является «наиболее подробной и точной характеристикой личности преступника»¹.

В криминологических работах мотив исследуют как основополагающий структурный элемент механизма преступного поведения; признак, позволяющий определить причины пре-

ступного поведения, основные направления и меры профилактической деятельности и др.²

Одну из главных ролей мотив преступления играет в уголовном судопроизводстве, являясь одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию³.

В то же время, несмотря на значимость исследуемой категории, в российском законодательстве отсутствует легальное определение мотива преступления, в том числе и корыстного, что открывает простор для научной мысли.

Результаты проведенного исследования

Основой для любого вида деятельности, как научной, так и практической, является терминология — совокупность терминов, свойственных определенной области знания. Еще в Римской империи юристы обратили внимание на важность терминологии. До настоящего времени не утратило своей актуальности выражение той эпохи, ставшее крылатым, — *absoluta sententia expositore non indigent* (ясное значение

¹ Бражников Д.А., Шиян В.И. Выявление мотивов преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 89.

² Афанасьев П.Б., Шиян В.И. Механизм преступного поведения лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: понятие и структура // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2. С. 38—41.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.03.2022, с изм. от 19.04.2022) // Российская газета. 2001. № 249. См. п. 2. ч. 1 ст. 73.

ние не требует объяснений). Современные юристы в этом вопросе солидарны со своими древними коллегами. Разделяем точку зрения Ю.В. Степаненко о том, что «четкие моносемичные понятия способствуют формированию прочной методологической основы для их адаптации в позитивном праве и использования в правоприменительной практике. Многозначные, абстрактные понятия обусловливают интерпретационные риски, вероятность наступления негативных последствий в случае их расширительного или ограничительного толкования»⁴.

В нашем случае любая ошибка в понимании термина «мотив преступления» может привести, прежде всего, к неправильной квалификации, попранию принципа справедливости, утрате доверия к правоохранительным органам и снижению уровня защищенности граждан от преступных посягательств. Вот почему существует объективная необходимость в изучении понятия «мотив преступления».

Согласно филологическим канонам термин «мотив» определяется следующим образом: «1. Побудительная причина, повод к какому-нибудь действию. По личным мотивам. Важный мотив. 2. Довод в пользу чего-нибудь. Привести мотивы в пользу своего решения. Убедительный мотив»⁵.

Результаты исследования толковых, энциклопедических, философских, социологических, психологических и даже спортивных словарей привели нас к выводу о том, что при толковании понятия «мотив» основной акцент делается на побуждение. В частности, дополнительно к вышеизложенному под мотивом обычно понимают:

- 1) сферу побуждения субъекта к деятельности;
- 2) осознаваемую, а иногда и неосознаваемую причину (побуждение);
- 3) осознанное побуждение к деятельности субъекта, связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности;
- 4) материальный или идеальный «предмет», который побуждает и направляет на себя деятельность или поступок.

Классики уголовного права и криминологии (М.И. Еникеев, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов, А.И. Рарог и др.) под мотивом понимают имен-

⁴ Степаненко Ю.В. Интерпретационные риски в правовом обеспечении транспортной безопасности // Современный юрист. 2015. № 3. С. 9.

⁵ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М., 2015.

но побуждение. Таким образом, мотив целесообразно определять как побуждение, детерминирующее поведение человека, которое, в свою очередь, понимается в уголовном праве как внешнее проявление его психической деятельности, т. е. субъективной составляющей.

На сегодняшний день это самая распространенная концепция, но не единственная. В научных трудах мотив рассматривают как состояние или намерение, отождествляют с мотивацией, потребностью, целью, эмоциями или конкретной ситуацией.

Среди многочисленных мотивов преступления к числу распространенных относится корыстный⁶, который в Уголовном кодексе Российской Федерации представлен законодателем:

- в качестве признака основного состава преступления в 17 случаях (ч. 1 ст. 145.1, ч. 2 ст. 145.1, ст. 153, ст. 154, ст. 155, ст. 170, ст. 181, ст. 200.4, ст. 215.2, ч. 3 ст. 215.3, ч. 1 ст. 245, ч. 1 ст. 285, ч. 1 ст. 285.4, ч. 1 ст. 292, ч. 3 ст. 299, ч. 1 ст. 325, ч. 1 ст. 325.1 УК РФ);
- квалифицированного состава — в 8 случаях (п. «з» ч. 2 ст. 105, п. «з» ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 183, п. «з» ч. 2 ст. 206, п. «г» ч. 2 ст. 207.3, ч. 2 ст. 228.2, ч. 2 ст. 272, ч. 2 ст. 273 УК РФ).

Указание на корыстный мотив выражается в следующих законодательных конструкциях: «корыстные побуждения» (например, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) или «корыстная заинтересованность» (например, ч. 1 ст. 145.1 УК РФ), определение которых или разъяснение содержания которых возможно найти, например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»⁷, от 24.12.2019 № 58 «О судебной практи-

⁶ См.: Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб, 2004. С. 122; Бражников Д.А., Шиян В.И. Выявление мотивов преступного поведения. С. 89—94; Гончарова М.В., Подволоцкий И.Н. Мотивация преступного поведения корыстных преступников // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-2. С. 122—125; Турышев А.А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4 (79). С. 17—21 и др.

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

тике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»⁸, от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»⁹, от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹⁰ и др.

В ряде квалифицированных составов корыстный мотив реализуется через сочетание «по найму». В данном случае речь идет о преступлениях, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 111, п. «ж» ч. 2 ст. 117, п. «з» ч. 2 ст. 206 УК РФ.

Необходимо отметить, что, по справедливо-му замечанию В.Д. Филимонова, корыстный мотив может не только определять основной смысл деятельности виновного, что находит закрепление в указанных выше составах преступлений, и тогда мы говорим о корыстных побуждениях как о доминирующем мотиве, но и подкреплять смысл деятельности преступника (дополнительный корыстный мотив), оправдывать действия виновного в собственных глазах (защитный мотив) или нейтрализовать влияние противостоящих мотивов¹¹.

Данные виды корыстных мотивов (за исключением доминирующего), которые выделяет ученый, находятся за пределами юридической конструкции ряда составов преступлений, что позволяет говорить об их латентизации.

Не вдаваясь в дискуссию о понятии и признаках корыстного мотива преступления, отметим, что под корыстным мотивом целесообразно понимать осознаваемое, а иногда и не осознаваемое побуждение, направленное на получение материальной выгоды для виновного или других лиц либо избавление от материальных затрат, а равно по найму, обусловленному по-

лучением исполнителем преступления материального вознаграждения или освобождением от материальных затрат.

Соответственно, в числе основных признаков корыстного мотива следует назвать: 1) получение виновным или другими лицами материальной выгоды; 2) избавление от материальных затрат.

В уголовном праве характеристика корыстного мотива предполагает установление его уголовно-правового значения. Согласно многочисленным исследованиям, деяние совершается в соответствии с побуждениями личности, но поскольку корыстное побуждение не всегда оказывает влияние на решимость совершить преступление, на характер и степень общественной опасности преступления, то такой мотив может иметь различное уголовно-правовое значение.

Согласно теоретическим положениям учения о составе преступления, корыстный мотив совершения преступления признается факультативным признаком субъективной стороны состава преступления. «Практическая значимость рассмотрения факультативных признаков применительно к конкретному составу признаков состоит в том, что они, как правило, всегда по характеру и степени общественной опасности не выходят за рамки рассматриваемого основного состава, не требуют дополнительной квалификации, находятся внутри, в рамках данного состава преступления»¹².

Более того, как было отмечено выше, при определении уголовно-правового значения корыстных побуждений необходимо иметь в виду, что не всегда с позиции юридической техники конкретная диспозиция уголовно-правовой нормы содержит указание на мотив как на обязательный признак состава преступления, возможно, что корыстные побуждения, корыстная заинтересованность или мотив подразумеваются исключительно исходя из логического толкования¹³.

Между тем выше было отмечено, что корыстный мотив (корыстные побуждения, корыстная заинтересованность) в ряде составов преступлений выступает составообразующим, то есть конструктивным признаком состава преступления, иными словами — признается обязатель-

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

¹¹ Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 115—116.

¹² Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: монография / под ред. А.С. Михлина. М., 2005. С. 54.

¹³ Архипцев И.Н., Коцюмбас М.С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 41.

ным признаком конкретных составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, поскольку включен в конструкцию конкретного состава преступления. Согласно положениям учения о составе преступления, при установлении преступности и наказуемости общественно опасного деяния законодатель в уголовно-правовой норме закрепляет наиболее существенные признаки деяния, предопределяющие его общественную опасность. В подобных случаях установление уголовной ответственности за совершение конкретного преступления связывается с совершением преступления из корыстных побуждений.

Корыстный мотив может изменять квалификацию преступления в случае его закрепления в квалифицированных и особо квалифицированных составах, то есть когда корыстный мотив является признаком, образующим состав преступления с отягчающими обстоятельствами, и влечет ужесточение уголовной ответственности и наказания виновных лиц. В подобных случаях мотив не упоминается законодателем в основном составе преступления в качестве обязательного признака субъективной стороны состава преступления, но с его наличием изменяется квалификация преступления и, соответственно, предусматривается более строгое наказание и уголовно-правовые последствия.

Представляет интерес существующее в доктрине уголовного права положение, определяющее правило квалификации, согласно которому, если «побудительным мотивом явилось корыстное побуждение, такое общественно опасное деяние может быть совершено только с прямым умыслом. Для утоления корыстного побуждения лицо при совершении преступления может преследовать лишь корыстную цель, которая достигается через получение каких-либо материальных ценностей или через освобождение от определенных материальных обязанностей»¹⁴. Следовательно, в данном случае можно отметить особую роль корыстных побуждений, определяющих форму вины и вид умысла.

В уголовной доктрине мотив в тех случаях, когда он не закреплен в диспозиции уголовно-правовой нормы в качестве обязательного или квалифицирующего признака, принято рассматривать в качестве обстоятельства, смягчающе-

¹⁴ Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 3. С. 14.

го или отягчающего наказание. Необходимо отметить, что в статье 63 УК РФ корыстные побуждения в качестве обстоятельств, отягчающих наказание, не закреплены. Сомнительна их трактовка и в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Между тем думается, что корыстный мотив возможно рассматривать в качестве обстоятельства, отягчающего уголовную ответственность, когда мотивация определенным образом оказывает влияние на характеристику виновного лица, определяя его общественную опасность.

Корыстный мотив учитывается при назначении вида и размера наказания.

Заключение

Учитывая дискуссионность понятия и признаков мотива преступления, в том числе и корыстного, мы пришли к следующим основным выводам.

Мотив преступления — это внутренние побуждения, обусловленные определенными потребностями и интересами, вызывающие у лица решимость совершить преступление¹⁵.

Корыстный мотив — осознаваемое, а иногда и не осознаваемое побуждение, направленное на получение материальной выгоды для виновного или других лиц либо избавление от материальных затрат, а равно по найму, обусловленному получением исполнителем преступления материального вознаграждения или освобождением от материальных затрат.

Корыстные побуждения, как признак субъективной стороны состава преступления, являются средством дифференциации уголовной ответственности. Между тем налицаует множество сложностей в правоприменительной практике по поводу грамотного его использования¹⁶ в качестве составообразующего, квалифицирующего или факультативного признака в процессе квалификации преступлений.

¹⁵ См.: Уголовное право. Общая часть: учебник / В.И. Шиyan, А.В. Борисов, В.А. Новиков, О.Р. Афанасьева. М., 2020. С. 70.

¹⁶ См.: Буликеева Д.Ж. К вопросу о мотиве как средстве дифференциации уголовной ответственности (на примере квалифицирующего признака «из корыстных побуждений») // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 146; Борисов А.В. Проблемные вопросы квалификации корыстной и иной личной заинтересованности злоупотребления должностными полномочиями // Военное право. 2019. № 1 (53). С. 276—280.

Список литературы

1. Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Личность преступника. СПб: Юридический центр Пресс, 2004. 366 с.
2. Архипцев И.Н., Коцюмбас М.С. Уголовно-правовое значение цели и мотива в составе преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 39—43.
3. Афанасьев П.Б., Шиян В.И. Механизм преступного поведения лиц, совершающих умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: понятие и структура // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 2 (20). С. 38—41.
4. Борисов А.В. Проблемные вопросы квалификации корыстной и иной личной заинтересованности злоупотребления должностными полномочиями // Военное право. 2019. № 1 (53). С. 276—280.
5. Бражников Д.А., Шиян В.И. Выявление мотивов преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 89—94.
6. Буликеева Д.Ж. К вопросу о мотиве как средстве дифференциации уголовной ответственности (на примере квалифицирующего признака «из корыстных побуждений») // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 143—147.
7. Гарбатович Д.А., Классен А.Н. Квалификация преступлений по мотиву и цели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 3. С. 13—18. doi: 10.14529/law170302.
8. Гончарова М.В., Подвороцкий И.Н. Мотивация преступного поведения корыстных преступников // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 3-2 (57). С. 122—125. doi: 10.23670/IRJ.2017.57.110.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
10. Степаненко Ю.В. Интерпретационные риски в правовом обеспечении транспортной безопасности // Современный юрист. 2015. № 3. С. 8—20.
11. Турышев А.А. Корыстный мотив преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4 (79). С. 17—21. doi: 10.24411/1999-625X-2020-11003.
12. Уголовное право. Общая часть: учебник / В.И. Шиян, А.В. Борисов, В.А. Новиков, О.Р. Афанасьева. М.: Юридический институт МИИТ, 2020. 175 с.
13. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. Томск: Издательство Томского университета, 1981. 213 с.
14. Якубович О.Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: монография / под ред. А.С. Михлина. М.: ВНИИ МВД России, 2005. 190 с.

References

1. Antonjan, Ju.M., Kudrjavcev, V.N. & Jemnov, V.E. (2004) Lichnost' prestupnika [Personality of criminal]. Saint Petersburg, Juridicheskij centr Press, 366 p. (In Russ.).
2. Arkhiptsev, I.N. & Kotsumbas, M.S. (2022) Ugolovno-pravovoe znachenie celi i motiva v sostave prestuplenija [The criminal-legal significance of the goal and motive in the composition of the crime]. *Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina*, no. 2, pp. 39—43. (In Russ.).
3. Afanasyev, P.B. & Shiyan, V.I. (2019) Mechanizm prestupnogo povedenija lic, sovershajushhhih umyshlennoe prichinenie tjazhkogo vreda zdorov'ju: ponjatie i struktura [The mechanism of criminal behavior of persons committing intentional infliction of grievous bodily harm: the concept and structure]. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 2, pp. 38—41. (In Russ.).
4. Borisov, A.V. (2019) Problemnye voprosy kvalifikacii korystnoj i inoj lichnoj zainteresovannosti zloupotreblenija dolzhnostnymi polnomochijami [Problematic issues of qualification of mercenary and other personal interest of abuse of official powers]. *Voennoe pravo*, no. 1, pp. 276—280. (In Russ.).
5. Brazhnikov, D.A. & Shiyan, V.I. (2016) Vyjavlenie motivov prestupnogo povedenija [Identification of the motives of criminal behavior]. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, no. 3, pp. 89—94. (In Russ.).
6. Bulikeeva, D.Zh. (2015) K voprosu o motive kak sredstve differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti (na primere kvalificirujushhego priznaka "iz korystnyh pobuzhdenij") [To a question of motives as a means of differentiation of criminal liability (for example qualifying signs "from selfish motives")]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 17, pp. 143—147. (In Russ.).
7. Garbatovich, D.A. & Klassen, A.N. (2017) Kvalifikacija prestuplenij po motivu i celi [Qualification of crimes on motives and purposes]. *Bulletin of the South Ural State University. Series Law*, vol. 17, no. 3, pp. 13—18. (In Russ.). doi: 10.14529/law170302.

8. Goncharova, M.V. & Podvolotsky, I.N. (2017) Motivacija prestupnogo povedenija korystnyh prestupnikov [Motivation of criminal behaviour of acquisitive criminals]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, no. 3, p. 2, pp. 122–125. (In Russ.). doi: 10.23670/IRJ.2017.57.110.
9. Ozhegov, S.I. (2015) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow, Mir i obrazovanie, 1375 p. (In Russ.).
10. Stepanenko, Ju.V. (2015) Interpretacionnye riski v pravovom obespechenii transportnoj bezopasnosti [Interpretation risks legal providing of transport security]. *Sovremennyj jurist*, no. 3, pp. 8–20. (In Russ.).
11. Turyshev, A.A. (2020) Korystnyj motiv prestuplenija [Avaricious motive of crime]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii*,
- vol. 26, no. 4, pp. 17–21. (In Russ.). doi: 10.24411/1999-625X-2020-11003.
12. Shijan, V.I., Borisov, A.V., Novikov, V.A. & Afanas'eva, O.R. (2020) *Ugolovnoe pravo. Obshchaja chast'* [Criminal law. The general part]. Textbook. Moscow, Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), 175 p. (In Russ.).
13. Filimonov, V.D. (1981) *Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava* [Criminological foundations of criminal law]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 213 p. (In Russ.).
14. Jakubovich, O.R. (2005) *Sposob sovershenija prestuplenija i ego ugolovno-pravovoe znachenie* [The method of committing a crime and its criminal legal significance]. Monograph. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 190 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.А. Попова — аспирант Юридического института Российской университета транспорта (МИИТ).

Information about the author

M.A. Popova – Postgraduate student of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Нотариат. 6-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Гриф УМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки / Под ред. Г.Б. Мирзоева, Н.Д. Эриашвили, Н.М. Илюшиной.

ISBN: 978-5-238-02629-9

Представлена история становления и организация нотариатов в Российской Федерации; дана характеристика норм права, регулирующих общественные отношения, возникающие при удостоверении нотариусами бесспорных прав и фактов; рассмотрены вопросы свидетельствования документов, выписок из них, оформления наследственных прав, придания документам исполнительной силы и выполнения других предусмотренных законом действий в целях обеспечения защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

Учтены последние изменения в законодательстве о нотариате и проанализированы новые нормативные акты, относящиеся к нотариальной деятельности.

Для студентов и аспирантов юридических вузов, а также руководителей хозяйствующих субъектов.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 171–180.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 171–180.

УДК 343.982.43
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.019

NIION: 2015-0065-03/22-072
MOSURED: 77/27-010-2022-03-271

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Некоторые вопросы тактики использования специальных знаний специалиста-почерковеда при получении образцов для сравнительного исследования

Светлана Александровна Саакова

Российский государственный университет правосудия,
Москва, Россия, gorelovasvetlanaa@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности консультационной деятельности специалиста-почерковеда при назначении экспертизы. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что еще на стадии принятия решения о назначении почерковедческой экспертизы участие специалиста имеет основополагающее значение для надлежащего сбора сравнительного материала. Обосновывается тезис обязательного привлечения специалиста-почерковеда при получении специально-экспериментальных образцов. Отдельно рассматривается вопрос взаимодействия следователя (суда) со специалистом-почерковедом при оценке достаточности и сопоставимости сравнительного материала при назначении почерковедческой экспертизы.

Критическому осмыслению подвергается вопрос, связанный с достоверностью происхождения свободных образцов почерка для сравнительного исследования. На основе анализа следственной, судебной и экспертной практики автором предлагаются рекомендации для субъектов назначения экспертизы в части оценки достоверности свободных образцов, особое внимание уделяется консультационной деятельности специалиста-почерковеда в аспекте оказания помощи правопримениителю в оценке достоверности свободных образцов почерка для сравнительного исследования.

На основе обобщения, систематизации, анализа теоретического материала и эмпирических данных обосновывается целесообразность консультации со специалистом и после назначения почерковедческой экспертизы в случаях, когда появляется потребность в предоставлении дополнительных материалов для ее производства.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, специалист-почерковед, образцы для сравнительного исследования, консультационная деятельность, тактика назначения почерковедческой экспертизы

Научный руководитель: М.В. Бобовкин, профессор кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Саакова С.А. Некоторые вопросы тактики использования специальных знаний специалиста-почерковеда при получении образцов для сравнительного исследования // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 171–180. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.019.

Some questions of tactics of using the special knowledge of a handwriting specialist when obtaining samples for comparative research

Svetlana A. Saakova

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, gorelovasvetlanaa@mail.ru

Abstract. The article discusses the features of the consulting activities of a handwriting specialist when appointing an expert examination. Based on the conducted research, the author concludes that even at the stage of making a decision on the appointment of a handwriting examination, the participation of a specialist is of fundamental importance for the proper collection of comparative material. The thesis of mandatory involvement of a handwriting specialist in obtaining experimental samples is substantiated. Separately, the article deals with the issue of the interaction of the investigator (court) with a handwriting specialist in assessing the sufficiency and comparability of comparative material in the appointment of a handwriting examination.

The author examines critically the issue related to the reliability of the origin of free handwriting samples for comparative research. Based on the analysis of investigative, judicial and expert practice, the author offers recommenda-

© Саакова С.А., 2022

tions for the subjects of the appointment of an examination in terms of assessing the reliability of free samples and pays special attention to the consulting activities of a handwriting specialist in the aspect of assisting a law enforcement officer in assessing the reliability of free handwriting samples for a comparative research.

On the basis of generalization, systematization, analysis of theoretical material and empirical data, the article substantiates the expediency of consulting with a specialist even after the appointment of a handwriting examination when there is a need to provide additional materials for its production.

Keywords: handwriting expertise, handwriting specialist, samples for comparative research, consulting activities, tactics of appointment of handwriting expertise

Research supervisor: M.V. Bobovkin, Professor of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.

For citation: Saakova, S.A. (2022) Some questions of tactics of using the special knowledge of a handwriting specialist when obtaining samples for comparative research. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 171 – 180. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.019.

Уровень развития научно-методических основ судебной почерковедческой экспертизы на сегодняшний день позволяет решать широкий круг вопросов, которые возникают у следствия при раскрытии и расследовании различных категорий преступлений. По сравнению с серединой прошлого века возможности исследования разнообразных почерковых объектов существенно расширились, что коррелирует с разработкой на основе современных достижений науки и техники новых методических подходов к исследованию почеркового материала, которые внедряются и апробируются в экспертной практике.

Несмотря на то, что научно-технический прогресс способствовал широкому внедрению и использованию знакосинтезирующих устройств для составления различного рода документов, что фактически исключило из делового оборота случаи составления документов рукописным способом, одним из самых востребованных родов судебных экспертиз остается почерковедческая экспертиза.

Как отмечают М.В. Бобовкин и В.А. Ручкин, «данные статистики (ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ Минюста России и др.) показывают, что в стране уже на протяжении трех десятилетий наблюдается устойчивый рост производства судебно-почерковедческих экспертиз и исследований»¹. Таким образом, судебная почерковедческая экспертиза сохраняет перманентную актуальность, преимущественно в области исследования кратких почерковых объектов, например подписей, являющихся индивидуальным удостоверительным знаком каждого отдельно взятого человека.

¹ Бобовкин М.В., Ручкин В.А. Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 18.

При назначении любого рода (вида) судебной экспертизы для последующего решения идентификационных задач существенное значение приобретает качественный сбор со стороны правопримениеля сравнительного материала, отвечающего требованиям достоверности, достаточности и сопоставимости. Не является исключением и судебная почерковедческая экспертиза, которая имеет свою специфику и особенности.

Одной из тактических особенностей в ходе сбора образцов для сравнительного исследования в целях назначения почерковедческой экспертизы выступает взаимодействие следователя (суда) со специалистом. Основополагающее значение помочь специалиста приобретает еще на стадии планирования получения экспериментальных образцов почерка проверяемого лица (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого) в соответствии со ст. 202 УПК РФ. Такое положение дел объясняется тем, что субъекты применения недостаточно осведомлены об особенностях процедуры получения сравнительных образцов почерка, что зачастую приводит к упущению существенных обстоятельств, игнорирование которых препятствует качественному сбору сравнительного материала. Подтверждение сказанному находим в высказываниях Н.Ф. Бодрова, который отмечает, что «анализ судебной практики последних лет все чаще демонстрирует неумение или нежелание суда и лиц, участвующих в деле, должным образом собирать сравнительные материалы, необходимые для производства судебной почерковедческой экспертизы»².

² Бодров Н.Ф. Проблемы обеспечения полноты и достоверности образцов для судебной почерковедческой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 46.

Учитывая то обстоятельство, что представление достоверных, достаточных и сопоставимых сравнительных образцов является прерогативой следователя (дознавателя) и суда, ответственность за их ненадлежащее представление «целиком ложится на инициатора производства экспертизы»³.

Очевидно, что специалист становится главной фигурой, которая может оказать содействие на стадии планирования получения образцов для сравнительного исследования. В рамках консультационной деятельности специалист-почерковед может указать, например, на количество образцов, необходимых для сравнительного исследования, вид (тип), условия их выполнения и т. д.

На основе анализа судебно-следственной практики В.С. Горшкова отмечает, что в большинстве случаев предварительная консультация дознавателя, следователя (суда) с целью определения качества и количества образцов для сравнительного исследования не проводится⁴, хотя определить минимальный объем образцов при наличии даже неспецифичного объекта исследования может быть непросто. Трудность при определении достаточности сравнительного материала для исследования заключается в том, что правопримениителю необходимо учитывать сразу несколько факторов: вид, особенности самого почеркового объекта, условия его выполнения и ряд других.

Если исходить из правила «чем меньше объем исследуемой рукописи, тем больше должно быть сравнительных материалов»⁵, то оно

³ Шкоропат Е.А., Головко С.А. Особенности предоставления материалов эксперту при назначении судебно-почерковедческой экспертизы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3. С. 79.

⁴ Горшкова В.С. Актуальные проблемы получения и оформления образцов для сравнительного исследования для проведения почерковедческих экспертиз // Закон и право. 2019. № 10. С. 164–165.

⁵ Серегин В.В., Шванкова М.В. Лекция 4. Общая методика идентификационной почерковедческой экспертизы // Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В.В. Серегина. Изд. 5-е. СПб: МВД России: НПСЭП, 2015. С. 89.

Также см., напр.: Идентификационное исследование подписи / И.И. Рубцова, С.В. Волкова, А.П. Коршиков, П.В. Бондаренко, Л.А. Сысоева // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. редакция В.В. Мартынова. М., 2010. С. 300–309; Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть / РФЦСЭ при Министерстве России. М., 2006; Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть / РФЦСЭ

скорее применимо к рукописному тексту и краткой записи. Общей формулировкой относительно представления образцов подписи выступает следующая: «Достаточным по количеству является такое число образцов, которое позволяет определить устойчивость и вариационность признаков подписи конкретного лица»⁶. Но для правопримениителя эта рекомендация является сложной. Аналогичная ситуация возникает и при анализе следующего утверждения: «По количеству образцы почерка представляются эксперту в том объеме, который позволил бы всесторонне проанализировать признаки, содержащиеся в сравниваемых рукописях»⁷. Исходя из анализа представленных методических рекомендаций, приходим к выводу, что лицу, не обладающему специальными знаниями в области почерковедения, трудно оценить достаточность сравнительного материала для последующего производства почерковедческого исследования.

Немаловажной является и оценка качества представляемых образцов. Качество сравнительного материала определяется сопоставимостью его с исследуемым объектом по времени написания и виду документа, языку, содержанию, материалу письма, способу выполнения и, если возможно, по условиям выполнения.

Для полного и всестороннего исследования целесообразно представлять все имеющиеся в распоряжении дознавателя, следователя (суда) виды (типы) сравнительных образцов (свободные, условно-свободные, экспериментальные). Связано это с тем, что природа происхождения свободных образцов исключает сам факт их намеренного искажения, так как они выполнены до момента совершения преступлений (до гражданско-правового деликта) и не имеют связи с ним. Но именно в отношении свободных образцов чаще всего встает вопрос о несомненности их происхождения, в силу того, что у дознавателя, следователя (суда) нет уверенности, что они были выполнены лицом, в отношении ко-

при Министерстве России. М., 2007; Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / РФЦСЭ при Министерстве России. М., 2011.

⁶ Лекция 6. Методика идентификации исполнителя подписи / Т.И. Исматова, В.В. Серегин, Т.Г. Шаова, М.В. Бобовкин // Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В.В. Серегина. С. 159.

⁷ Серегин В.В., Шванкова М.В. Лекция 4. Общая методика идентификационной почерковедческой экспертизы. С. 89.

торого будет назначена экспертиза, а не иным лицом от его имени.

В этой связи в ходе процедуры сбора свободных образцов почерка правопримениителю необходимо проявлять особое внимание к возможной природе их происхождения в целях избегания случаев представления для производства экспертизы свободных образцов почерка не проверяемого, а иного лица, в том числе подражателя (злоумышленника) исследуемой подписи.

Проиллюстрируем это примером из практики.

Так, по делу о взыскании кредитной задолженности по иску ОАО «Мастер-Банк» к Иванову И.И. судом была назначена почерковедческая экспертиза в целях установления фактических обстоятельств дела: Ивановым И.И. или иным лицом выполнены подписи от имени Иванова И.И. в копиях кредитных договоров и расходном кассовом ордере.

Для производства экспертизы в качестве исследуемых объектов были представлены копии двух кредитных договоров, датированных 19.11.2013; копия заявления на открытие счета, датированная 19.11.2013; расходный кассовый ордер, датированный 19.11.2013; копия поручения, датированная 19.11.2013.

В качестве свободных образцов были представлены: копия заявления на предоставление кредита от 14.11.2013; приложение № 1 к анкете заемщика от 14.11.2013; график погашения полной суммы, подлежащей выплате заемщиком / держателем карты от 19.11.2013; карточки с образцами подписей и оттисков печатей от 14.11.2013⁸.

Указанные в примере свободные образцы почерка были получены по запросу суда от ОАО «Мастер-Банк», выступающего одной из сторон в процессе. Причем судом было проигнорировано то обстоятельство, что предоставляемые образцы датированы в некоторых случаях теми же числами, что и исследуемые, в некоторых вариантах неделей ранее.

По результатам производства экспертизы эксперты пришли к промежуточному выводу, что данная группа свободных образцов имеет различия по общим признакам, в результате чего, согласно положениям судебно-почерковедческих методик, образцы были поделены на две группы.

⁸ Из материалов архива АНО «СОДЭКС МГЮА им. О.Е. Кутафина» за 2019 г. (имена и фамилии участников дела были намеренно изменены).

При этом проверяющее лицо еще до момента назначения экспертизы оспаривало достоверность происхождения свободных образцов и ходатайствовало об их исключении из представляемого на экспертизу сравнительного материала. Однако суд не удовлетворил данное ходатайство.

По результатам исследования эксперты пришли к выводу, что подписи от имени Иванова И.И. в документах выполнены тем же лицом, которое выполнило подписи в образцах первой группы (свободных), но, вероятно, не Ивановым И.И.

В указанном примере следует отметить несколько упущений со стороны суда при назначении экспертизы. Во-первых, ходатайство экспертов о необходимости представления оригинала исследуемых подписей, а не их изображений в копиях документов, осталось без удовлетворения, что привело к невозможности дачи категорического вывода. Во-вторых, суд должным образом не проверил достоверность происхождения свободных образцов, в результате чего вывод экспертов оказался сложным. Несмотря на то, что в приведенном примере заключение эксперта соответствует научной обоснованности, всесторонности, объективности исследования, достоверность представленных образцов для сравнительного исследования встает под сомнение, в результате чего, из-за некачественного сбора сравнительного материала со стороны суда, может возникнуть потребность в назначении еще одной экспертизы, что увеличивает процессуальные сроки рассмотрения дела по существу.

Примечательно, что в вопросе оценки экспериментальных образцов почерка наблюдается обратная связь. В отношении экспериментальных образцов вопроса об их достоверности у правоприменителя не возникает, но они чаще других подвержены намеренному искажению со стороны проверяющего лица (подозреваемого/обвиняемого/подсудимого). Тем не менее многие авторы отмечают, что дознавателю, следователю (суду) при получении экспериментальных образцов, чтобы не допустить впоследствии возможности их исключения из материалов дела со ссылкой на то, что в ходе данного процессуального действия видеофиксация не проводилась и на лицо при получении сравнительных образцов оказывалось психологическое воздействие со стороны следователя, нужно брать заверенные экспериментальные образцы и подписи

ку о добровольности их получения⁹. При оценке условно-свободных образцов также могут возникнуть трудности, так как они уже имеют отношение к уголовному делу и, например, подозреваемое лицо может заведомо знать о возможности дальнейшего их использования в результате инициирования в отношении него судебной почерковедческой экспертизы.

Кроме того, правоприменителем часто упускаются условия выполнения исследуемого объекта и представленных образцов для сравнительного исследования, что также имеет принципиально важное значение и может повлиять на результат производства экспертизы.

Следует отметить, что процесс выполнения рукописи — непосредственного объекта исследования — чаще всего сопровождается воздействием сразу нескольких различных внешних или внутренних сбивающих факторов, что, в свою очередь, требует от правоприменителя должного внимания к их оценке. В этой связи специалист может подсказать, какие образцы могут потребоваться для экспертизы, исходя из особенностей исследуемого объекта и условий его выполнения. Например, в исследуемой подписи проявляются диагностические признаки, свидетельствующие о необычных условиях ее выполнения. Естественно, определить, при каких именно условиях выполнена подпись, далеко не во всех случаях удается и в ходе производства экспертизы, не говоря уже об осмотре имеющегося объекта без проведения исследования. Тем не менее специалист может указать на диагностические признаки, которые проявились в исследуемом объекте, и порекомендовать отобрать разноплановые образцы, выполненные при учете этих условий (стоя, сидя, при расположении листа бумаги на коленях, без опоры пишущей руки и т. д.). В данном случае уместно говорить о так называемых специально-экспериментальных образцах, которые, как справедливо отмечают Е.В. Токарева и Е.А. Шкоропат, являются разновидностью экспериментальных образцов, когда они выполнены в каких-либо специально смоделированных услови-

⁹ См., напр.: Горшкова В.С. Актуальные проблемы получения и оформления образцов для сравнительного исследования для проведения почерковедческих экспертиз // Закон и право. 2019. № 10. С. 163—166; Токарева Е.В., Шкоропат Е.А. Процессуальные и методические аспекты оценки образцов при назначении и проведении судебно-почерковедческих экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 158—162.

ях, максимально сопоставимых с условиями выполнения исследуемого объекта¹⁰.

Более того, при решении задачи по установлению исполнителя неподлинной подписи (т. е. отличающейся от транскрипции, буквенного состава, безбуквенных элементов подлинной подписи подозреваемого) экспериментальные образцы должны быть разновариантными — отбираться в разных условиях, с различной транскрипцией и, возможно, от имени разных лиц, в том числе вымышленных, что позволит добиться хотя бы относительной сопоставимости сравниваемых объектов¹¹.

Приведем пример из практики.

Так, по уголовному делу, возбужденному следователем первого следственного отдела по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации по г. Иваново по признакам преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 1 ст. 303 УК РФ, в отношении сотрудника полиции Иванова И.И., возникла необходимость в назначении почерковедческой экспертизы в целях установления фактических обстоятельств дела: выполнены ли подписи от имени потерпевшей Сидоровой А.А. в протоколе № <...> об административном правонарушении от <...>; в протоколе осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов от <...>; в объяснении лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшего, свидетеля от <...>; в трудовом договоре с Сидоровой А.А. от <...> — Сидоровой А.А., Ивановым И.И. или иным лицом?

Аналогичный вопрос был поставлен и в отношении рукописных цифровых записей, имевшихся в вышеуказанных документах¹².

По результатам производства экспертизы эксперты пришли к выводу, что ответить на

¹⁰ Токарева Е.В., Шкоропат Е.А. Процессуальные и методические аспекты оценки образцов при назначении и проведении судебно-почерковедческих экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 159.

¹¹ Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. Вып. 3. Методика исследования подписей: метод, пособие для экспертов. М., 1997. С. 166.

¹² Материалы из архива первого следственного отдела по расследованию особо важных дел Следственного комитета Российской Федерации по г. Иваново (имена и фамилии фигурантов уголовного дела, а также номер уголовного дела были намеренно изменены).

поставленные вопросы «не представилось возможным». Причиной таких выводов послужило то обстоятельство, что следователем не были представлены указанные нами выше специально-экспериментальные образцы, которые должны были быть получены у Иванова И.И., путем выполнения Ивановым И.И. подписей от имени Сидоровой А.А. Наряду с этим следователем также не были представлены экспериментальные образцы цифрового почерка Иванова И.И. и Сидоровой А.А.

Ходатайство экспертов о необходимости предоставления вышеуказанных специально-экспериментальных образцов было оставлено следователем без удовлетворения.

Таким образом, некачественный сбор сравнительного материала со стороны следователя послужил причиной выводов эксперта о невозможности ответить на поставленные перед ним вопросы.

Так как следователь не владеет специальными знаниями в области методик производства почерковедческой экспертизы, им были допущены различные ошибки в специфике сбора сравнительного материала, проигнорирована значимость получения специально-экспериментальных образцов подписей для производства экспертизы, что послужило причиной выводов эксперта в форме «не представилось возможным».

Такое положение дел никак нельзя признать нормальным, так как появилась необходимость нового сбора качественного сравнительного почеркового материала, с учетом особенностей, указанных нами выше, для назначения очередной экспертизы, в результате чего сроки предварительного расследования были увеличены.

Данных ошибок удалось бы избежать в случае консультации следователя со специалистом-почерковедом еще на стадии сбора экспериментальных образцов подписей, так как специалист учел бы вышеуказанные особенности и указал бы следователю на целесообразность отбора специально-экспериментальных образцов подписей и цифровых записей, что позволило бы в дальнейшем осуществить качественное производство экспертизы.

Таким образом, в случаях, когда появляется необходимость отбора специально-экспериментальных образцов для сравнительного исследования, участие специалиста-почерковеда хотя де-юре и не является обязательным, де-факто без его привлечения собрать качественный почерковый материал не представляется возможным, в связи с чем, по нашему мнению, участие специалиста-почерковеда при получении

специально-экспериментальных образцов обязательно.

Следует отдельно прокомментировать вопрос о возможности предоставления на исследование копий документов. В тех случаях, когда представление оригинала документа невозможно по различным причинам, исследование проводится по копиям.

Следует отметить, что «копия является ограниченным почерковым объектом, поскольку не позволяет исследовать ряд признаков»¹³. В некоторых случаях при представлении на экспертизу такого объекта невозможно установить условия выполнения рукописи, даже если достоверно известно, что копия выполнена с оригинала документа. Связано это с тем, что исследовать некоторые общие признаки, например нажимные характеристики¹⁴, не представляется возможным. В результате проведенного исследования копий документов сформулированные выводы чаще носят лишь вероятный характер.

Несмотря на то, что представление копий документов в качестве объектов судебной почерковедческой экспертизы может привести к злоупотреблениям со стороны лиц, участвующих в деле, и к фальсификации доказательств, тем не менее в некоторых ситуациях исследование копий не теряет своей значимости, поскольку по тем или иным причинам оригинал документа может быть утрачен, ввиду чего вопрос об исполнителе спорной рукописи может быть решен только по электрографическим изображениям копии рукописи.

При этом необходимо учитывать, что методические рекомендации по производству судебной почерковедческой экспертизы по копиям рукописных документов в различных ведомствах, осуществляющих производство судебных экспертиз, нередко противоречат друг другу. Так, например, согласно положениям методик производства почерковедческой экспертизы в органах МВД России¹⁵, копии рукописных по-

¹³ Подкатилина М.Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 117.

¹⁴ Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157–165.

¹⁵ Современные подходы к исследованию копий документов: информационное письмо ЭКЦ МВД России // Энциклопедия судебной экспертизы. URL: http://www.proexpertizu.ru/evaluation_guidelines/pocherk/671 (дата обращения: 14.06.2022).

черковых объектов являются непригодными к исследованию, в результате чего в случае предоставления копии рукописного документа для производства почерковедческой экспертизы в экспертно-криминалистические подразделения (центры) МВД России вывод эксперта будет дан в форме «не представилось возможным».

Кардинально противоположный подход к исследованию копий рукописных документов сложился у государственных судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции России¹⁶. Согласно их методикам, копии рукописных документов являются пригодными к исследованию, и, более того, в зависимости от конкретной ситуации по результатам исследования эксперт может прийти в том числе к положительному/отрицательному категорическому выводу.

Исходя из сказанного, приходим к выводу, что консультация специалиста-почерковеда еще на стадии назначения экспертизы приобретает существенное значение, так как знание методик производства почерковедческой экспертизы рукописных копий документов различных ведомств позволит избежать ошибок на стадии выбора следователем (судом) судебно-экспертного учреждения, в которое целесообразно назначить экспертизу, в противном случае велик риск назначения повторной экспертизы, что будет оказывать негативное влияние на ход предварительного расследования (судебного разбирательства), так как процессуальные сроки будут увеличены.

Таким образом, в результате своевременного привлечения специалиста на стадии планирования получения образцов для сравнительного исследования удалось бы избежать многих методических ошибок. Тем не менее не все ошибки можно заранее предвидеть и устраниТЬ. В необходимых случаях дознаватель, следователь (суд) производит получение сравнительных образцов при участии специалиста (ч. 3 ст. 202 УПК РФ). Так, например, специалист может определить намеренное изменение (искажение) признаков почерка лицом, в отношении которого инициируется данное процессуальное действие.

В большинстве случаев отбор экспериментальных образцов сопровождается намеренным искажением письменно-двигательного функци-

онально-динамического комплекса навыков (далее — ПД ФДК) подозреваемым/обвиняемым/подсудимым, в отношении которого впоследствии будет назначена судебная почерковедческая экспертиза. Тем не менее выполнение образцов в определенно заданных условиях, например в быстром темпе, в конечном счете приводит к тому, что лицо ошибается, т. е. не может контролировать выполнение каждого почеркового объекта, в силу того, что ПД ФДК человека имеют сложноорганизованную психофизиологическую основу. С одной стороны, процесс реализации ПД ФДК по мере автоматизации закономерно утрачивает свойство полной осознанности, с другой — присущая почерку динамическая устойчивость «означает способность к сохранению совокупности действий, образующих специфическую структуру письменно-двигательного ФДК: их стандартность (стереотипность), стабильность во времени и по отношению к разнообразным внешним и внутренним сбивающим факторам»¹⁷.

Приведем пример из практики.

Так, по гражданскому делу № <...> по иску ЗАО АКБ «Европейский индустримальный банк» в лице конкурсного управляющего АКБ «ЕИБ» ЗАО — Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» к Иванову А.А. о взыскании задолженности по кредитному договору <...> руб., госпошлины в размере <...> руб. возникла потребность в назначении судебной почерковедческой экспертизы.

В качестве образцов для сравнительного исследования были представлены три типа образцов: свободные, условно-свободные и экспериментальные.

В ходе исследования эксперты пришли к промежуточному выводу, что всю совокупность представленных на исследование образцов нельзя рассматривать как единый почерковый объект, в результате чего, согласно положениям методик судебно-почерковедческих экспертиз, образцы были поделены на две группы, так как преимущественно условно-свободные и экспериментальные образцы были выполнены с нарушением координации движений — со снижениями 1-й и 2-й группы, проявившимися в мелкой угловатости дуговых элементов, наличии фиксированных точек начала движений и др.

¹⁶ См., напр.: Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157—165.

¹⁷ Лекция 1. Основы теории судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы / В.В. Серегин, М.В. Бобовкин, Т.Г. Шаова, Т.И. Исматова // Почерковедение и почерковедческая экспертиза: курс лекций / под ред. В.В. Серегина. С. 17.

Однако некоторые из подписей в экспериментальных образцах были выполнены без нарушения координации движений 1-й и 2-й группы, в результате их сравнения с образцами первой группы были установлены совпадения их по общим и частным признакам почерка, что позволяет производить сравнение с ними как с единым почерковым материалом.

Таким образом, эксперты пришли к промежуточному выводу, что подписи Иванова А.А. в образцах второй группы (экспериментальных и условно-свободных) были выполнены с намеренным искажением собственного подписного почерка Иванова А.А.

По результатам исследования экспертам удалось прийти к категорическому выводу, что подписи от имени Иванова А.А. в документах выполнены Ивановым А.А., а не иным лицом¹⁸.

Как видно из вышеприведённого примера, взаимодействие суда со специалистом в форме консультации на стадии отбора образцов для сравнительного исследования (экспериментальных) способствовало получению (в некоторых случаях) собственно подписного почерка проверяемого лица без искажений, что оказало влияние на ход исследования и результаты экспертизы.

В таком случае участие специалиста в рассматриваемом процессуальном действии может иметь существенное значение при получении качественных образцов, так как специалист, зная особенности реализации ПД ФДК, может сформулировать конкретные рекомендации понейтрализации действий лица, связанных с намеренным искажением своего почерка. Это обстоятельство позволит уже в ходе исследования выделить из числа экспериментальных группу образцов, которые не были подвергнуты намеренному изменению (искажению).

В случае, когда осуществить отбор сравнительных образцов не представляется возможным по различным причинам — отсутствие подозреваемого лица, смерть лица, возраст лица и т. д., роль специалиста-почерковеда должна сводиться к оценке уже имеющихся в распоряжении следователя (дознавателя) или суда образцов с целью определения возможности решения вопроса(-ов), выносимого(-ых) на разрешение судебной почерковедческой экспертизы.

Важно отметить, что само по себе производство почерковедческой экспертизы, когда количество образцов для сравнительного исследова-

¹⁸ Из материалов архива АНО «СОДЭКС МГЮА им. О.Е. Кутафина» за 2019 г. (имена и фамилии участников дела были намеренно изменены).

ния ограничено, даже в тех случаях, если получить экспериментальные образцы представляется затруднительным (подозреваемый/обвиняемый/подсудимый отказываются от дачи образцов), в ряде случаев возможно. Однако необходимо учитывать, что ограниченное количество сравнительного материала может повлиять на степень категоричности выводов эксперта. При этом, как отмечалось нами выше, в ситуации, когда нужно решить задачу по установлению исполнителя неподлинной подписи, в том числе от имени вымышленных лиц, отсутствие специально-экспериментальных образцов приводит к невозможности решения данной задачи.

Отметим, что после назначения судебной почерковедческой экспертизы также может возникнуть потребность в привлечении специалиста для предоставления образцов, необходимых для сравнительного исследования. Речь идет об эффективном взаимодействии следователя (дознавателя) или суда со специалистом в целях устранения возникших препятствий для производства судебной почерковедческой экспертизы (например, предоставление качественных дополнительных образцов по запросу эксперта, проводящего исследование).

В заключение отметим, что тенденции дальнейшего развития консультационной деятельности специалиста-почерковеда, связанной с повышением эффективности и качества представленного сравнительного материала, в первую очередь должны касаться возможности взаимодействия следователя (дознавателя) и суда со специалистом-почерковедом с целью решения рассмотренных нами вопросов. При возникновении даже малейших сомнений относительно качества и количества имеющихся сравнительных образцов, по нашему мнению, право-применителю следует обращаться за консультацией к специалисту.

Список литературы

- Бобовкин М.В., Ручкин В.А. Современное состояние и тенденции развития судебно-почерковедческой экспертизы в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 17—19.
- Бодров Н.Ф. Проблемы обеспечения полноты и достоверности образцов для судебной почерковедческой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 46—50.
- Горшкова В.С. Актуальные проблемы получения и оформления образцов для сравни-

тельного исследования для проведения почерковедческих экспертиз // Закон и право. 2019. № 10. С. 163—166. doi: 10.24411/2073-3313-2019-10484.

4. Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям (информационное письмо) // Теория и практика судебной экспертизы. 2006. № 1 (1). С. 157—165.

5. Идентификационное исследование подписи / И.И. Рубцова, С.В. Волкова, А.П. Коршиков, П.В. Бондаренко, Л.А. Сысоева // Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. редакция В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 300—309.

6. Подкатилина М.Л. Проблемы назначения и производства судебных почерковедческих экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12. С. 116—121.

7. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов. Вып. 3. Методика исследования подписей: метод, пособие для экспертов. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 1997. 238 с.

8. Судебно-почерковедческая экспертиза. Общая часть / РФЦСЭ при Министерстве России. М.: Наука, 2006. 544 с.

9. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть / РФЦСЭ при Министерстве России. М.: Наука, 2007. 341 с.

10. Судебно-почерковедческая экспертиза. Особенная часть. Исследование малообъемных почерковых объектов / РФЦСЭ при Министерстве России. М.: ЭКОМ, 2011. 538 с.

11. Токарева Е.В., Шкоропат Е.А. Процессуальные и методические аспекты оценки образцов при назначении и проведении судебно-почерковедческих экспертиз // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 158—162. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10282.

12. Шкоропат Е.А., Головко С.А. Особенности предоставления материалов эксперту при назначении судебно-почерковедческой экспертизы // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 3. С. 79—81.

References

1. Bobovkin, M.V. & Ruchkin, V.A. (2016) Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitiya sudebno-pocherkovedcheskoj jekspertizy v Rossiskoj Federacii [Current state and development trends forensic handwriting examination in Russian Federation]. *Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti*, no. 4, pp. 17—19. (In Russ.).
2. Bodrov, N.F. (2015) Problemy obespechenija polnoty i dostovernosti obrazcov dlja sudebnoj pocherkovedcheskoj jekspertizy [Problems of assuring the completeness and credibility of samples for forensic handwriting examination]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 10, pp. 46—50. (In Russ.).
3. Gorshkova, V.S. (2019) Aktual'nye problemy poluchenija i oformlenija obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija dlja provedenija pocherkovedcheskih jekspertiz [Actual problems of obtaining and processing samples for comparative research for handwriting examinations]. *Law & Legislation*, no. 10, pp. 163—166. (In Russ.). doi: 10.24411/2073-3313-2019-10484.
4. Efremova, M.V., Orlova, V.F. & Starosel'skaja, A.D. (2006) Proizvodstvo sudebno-pocherkovedcheskoj jekspertiz po jelektrofotograficheskim kopijam (informacionnoe pis'mo) [Production of forensic handwriting expertise on electrophotographic copies (information letter)]. *Theory and Practice of Forensic Science*, no. 1, pp. 157—165. (In Russ.).
5. Rubcova, I.I., Volkova, S.V., Korshikov, A.P., Bondarenko, P.V. & Sysoeva, L.A. (2010) Identifikacionnoe issledovanie podpisi [Identification study of the signature]. In: Dil'din, Ju.M. & Martynov, V.V. (eds.) *Tipovye jekspertnye metodi issledovanija veshhestvennyh dokazatel'stv. P. 1*. Moscow, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, pp. 300—309. (In Russ.).
6. Podkatilina, M.L. (2015) Problemy naznachenija i proizvodstva sudebnyh pocherkovedcheskih jekspertiz [The problems of appointment and production the judicial handwriting expertise]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, no. 12, pp. 116—121. (In Russ.).
7. Sudebno-pocherkovedcheskaja jekspertiza maloob"emnyh pocherkovyh ob"ektov [Forensic handwriting examination of small-volume handwriting objects]. Iss. 3. Metodika issledovanija podpisej: metod, posobie dlja jekspertov [Signature methodology: method, manual for experts]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Examinations of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 1997, 238 p. (In Russ.).
8. Sudebno-pocherkovedcheskaja jekspertiza. Obshchaja chast' [Forensic handwriting examination. The general part]. Moscow, Nauka, 2006, 544 p. (In Russ.).
9. Sudebno-pocherkovedcheskaja jekspertiza. Osobennaja chast' [Forensic handwriting examination. The special part]. Moscow, Nauka, 2007, 341 p. (In Russ.).

10. Sudebno-pocherkovedcheskaja jekspertiza. Osobennaja chast'. Issledovanie maloob'emnyh pocherkovyh ob'ektor [Forensic handwriting examination. The special part. Study of small-volume handwriting objects]. Moscow, ECOM, 2011, 538 p. (In Russ.).

11. Tokareva, E.V. & Shkoropat, E.A. (2020) Processual'nye i metodicheskie aspekty ocenki obrazcov pri naznachenii i provedenii sudebno-pocherkovedcheskih jekspertiz [Procedural and methodological aspects of evaluating samples in

the appointment and conduct of forensic handwriting examinations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5, pp. 158–162. (In Russ.). doi: 10.24411/2073-0454-2020-10282.

12. Shkoropat, E.A. & Golovko, S.A. (2017) Osobennosti predostavlenija materialov jekspertu pri naznachenii sudebno-pocherkovedcheskoj jekspertizy [Features of providing materials to the expert with the appointment of forensic and survival expertise]. *Criminal procedure: problems of theory and practice*, no. 3, pp. 79–81. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Саакова – аспирант кафедры судебных экспертиз и криминалистики Российской государственного университета правосудия.

Information about the author

S.A. Saakova – Postgraduate student of the Department of Forensic Examinations and Criminalistics of the Russian State University of Justice.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮНИТИ-ДАНА» ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Цветков В.Л. и др. Психология служебной деятельности.

Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности». — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. — 351 с.

ISBN 978-5-238-03162-0

Учебник разработан в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по специальности 3705.02 «Психология служебной деятельности». Рассмотрены основы психологической работы в органах внутренних дел. Основное внимание уделяется таким вопросам, как психологическая подготовка сотрудников ОВД, технологии психологической помощи и психологической реабилитации сотрудников ОВД, организация психологической работы в ОВД.

Для курсантов, студентов вузов, психологов, а также всех интересующихся проблемами практической психологии.

Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 181–186.
Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022, no. 3, pp. 181–186.

УДК 343.7
doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.020

NIION: 2015-0065-03/22-073
MOSURED: 77/27-010-2022-03-272

Научная специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Основные средства дифференциации ответственности за экономические преступления

Анастасия Константиновна Якубенко

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются наиболее распространенные средства дифференциации ответственности за экономические преступления, используемые в нормах Общей и Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Актуальность настоящей работы характеризуется неопределенностью законодательного решения по поводу общественной опасности экономических преступлений и ее законодательного закрепления. Общий тренд современной уголовной политики направлен на гуманизацию уголовного законодательства, что должно привести к смягчению уголовной ответственности. Реализация данной политики наиболее ярко отразилась на практике уголовно-правового противодействия экономической преступности. Но на протяжении многих лет эффект ее качественного предупреждения не наблюдается.

Рассматриваемые проблемы заключаются в установлении круга средств дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления, их практического использования и влияния на динамику изменения показателей экономической преступности.

Основной задачей государства в борьбе с экономической преступностью является обеспечение возмещения имущественного вреда, который был причинен в результате совершения преступления. Такой вектор уголовной политики обеспечивает «мягкость» негативного воздействия на преступника и российский бизнес в целом, но при этом далеко не исключает совершения повторных преступлений в сфере экономики.

Ключевые слова: экономическая преступность, экономические преступления, дифференциация уголовной ответственности, общественная опасность, смягчающие и отягчающие обстоятельства, квалифицированные и привилегированные составы преступлений

Научный руководитель: И.М. Середа, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор.

Для цитирования: Якубенко А.К. Основные средства дифференциации ответственности за экономические преступления // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 181–186. doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.020.

The main means of differentiating responsibility for economic crimes

Anastasia K. Yakubenko

Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses the most common means of differentiating responsibility for economic crimes used in the norms of the General and Special Parts of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of this work is characterized by the uncertainty of the legislative decision on the public danger of economic crimes and its legislative consolidation. The general trend of modern criminal policy is aimed at the humanization of criminal legislation, which should lead to the mitigation of criminal liability. The implementation of this policy most clearly reflected in the practice of criminal law counteraction to economic crime. However, over the years, there is no effect of its prevention.

The problems under consideration lie in the establishment of a range of means of differentiating criminal liability for economic crimes, their practical use and influence on the dynamics of changes in economic crime indicators.

The main task of the state in the fight against economic crime is to ensure compensation for property damage that was caused as a result of a crime. Such a vector of criminal policy ensures the “softness” of the negative impact on the

offender and Russian business as a whole, but at the same time does not exclude the commission of repeated crimes in the economic sphere.

Keywords: economic crime, economic crimes, differentiation of criminal liability, public danger, mitigating and aggravating circumstances, qualified and privileged elements of crimes

Research supervisor: I.M. Sereda, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Doctor of Law, Professor.

For citation: Yakubenko, A.K. (2022) The main means of differentiating responsibility for economic crimes. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, no. 3, pp. 181—186. (In Russ.). doi: 10.54217/2588-0136.2022.33.3.020.

1. Введение. Дифференциация уголовной ответственности является предметом исследований многих авторов по причине высокой значимости для обеспечения справедливости применения уголовного закона. Особое значение результаты дифференциации имеют в отношении деяний, не имеющих традиционного признания общественной опасности. Это в полной мере относится к преступлениям, которые не предполагают причинения физического вреда потерпевшему и непосредственного изъятия материальных ценностей, влекущего причинение реального имущественного ущерба. Одним из видов подобных общественно опасных посягательств являются преступления в сфере экономической деятельности. В условиях осуществления политики гуманизации уголовного законодательства ответственность за их совершение устанавливается и применяется довольно непоследовательно, хотя повышенная опасность экономической преступности была обоснована и доказана еще в XIX столетии. Поэтому качество и полнота применяемых законодателем средств дифференциации ответственности за совершение преступлений в сфере экономической деятельности имеют важное значение не только для надлежащей квалификации, но и для обеспечения справедливого применения мер государственного принуждения в превентивных целях.

В настоящее время дифференциация уголовной ответственности является предметом значительного числа источников уголовно-правовой науки. В этой части особенно выделяются работы Т.А. Лесниевски-Костаревой, Л.Л. Кругликова, Е.В. Роговой и др., поскольку данные авторы внесли значительный вклад в исследования общей теории дифференциации уголовной ответственности. Применительно к средствам дифференциации за экономические преступления можно выделить работы Н.А. Лопашенко, В.Ф. Лапшина, М.Г. Жилкина и др.

В ходе исследования использовались в комплексе как общенаучные, так и частные методы исследования, которые применяются в юрис-

пруденции. Диалектический, индуктивный и deductivnyy методы применялись в процессе всего исследования. Метод системного анализа обеспечил оценку всех средств дифференциации уголовной ответственности, которые носят универсальный характер и обеспечивают формирование структуры действующего уголовного закона. Метод классификации использовался при анализе однородных групп средств дифференциации уголовной ответственности Общей или только для Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Метод контент-анализа применялся при исследовании содержания отдельных уголовно-правовых норм для уяснения сущности отдельных средств дифференциации уголовной ответственности, с помощью которых законодатель обеспечивает фиксацию повышения или понижения общественной опасности конкретного преступного деяния.

Целью настоящего исследования является установление и оценка эффективности круга средств, обеспечивающих дифференциацию уголовной ответственности за экономические преступления в действующем УК РФ. Для достижения этой цели последовательно решены следующие задачи: 1) анализ средств дифференциации ответственности за экономические преступления, используемые в Общей части УК РФ; 2) исследование сущности экономического преступления и определение его места в Особенной части УК РФ; 3) анализ средств дифференциации ответственности за экономические преступления, используемые в Особенной части УК РФ; 4) формулирование итоговых выводов исследования.

2. Основная часть. Дифференциация уголовной ответственности, по мнению всех исследователей, осуществлявших разработку тех или иных ее аспектов, является одним из направлений реализации уголовной политики, а также основой для формирования уголовного законодательства. Современная уголовно-правовая наука предлагает рассмотрение дифференци-

ции ответственности и в целом, т. е распространяя ее на всю отрасль уголовного права¹, и в части уяснения особенностей отдельных групп преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами разделов и глав Особенной части УК РФ². Также дифференциацию уголовной ответственности предлагается понимать в качестве одной из многих уголовно-правовых теорий, которая включается в общий объем уголовно-правовой науки³. Подобные мнения о дифференциации уголовной ответственности, так отличающиеся друг от друга, одновременно служат доказательством значимости дифференциации ответственности как для уголовного законодательства, так и деятельности по его применению. Нет исследователя, который так или иначе не касался бы вопросов правильности оценки общественной опасности деяния или точности установления/реализации меры ответственности за его совершение.

Относительно средств/критериев дифференциации ответственности большинство специалистов высказываются неоднозначно. Здесь можно встретить различные суждения относительно разного понимания средств дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, возможности дифференцировать ответственность с использованием институтов Общей части УК РФ и др.⁴ Мы не будем вступать в полемику по данному поводу, так как предлагаемые решения строятся на доктринальных суждениях, каждое из которых не является опровергимым с позиций действующего уголовного законодательства, а потому имеет все основания для присутствия в уголовно-правовой науке.

Применительно к экономическим преступлениям дифференциация уголовной ответственности осуществляется средствами, имеющими место в нормах как Общей, так и Особенной

части УК РФ⁵. Институты Общей части УК РФ участвуют в равной степени в дифференциации уголовной ответственности применительно ко всем видам преступлений, а потому особенности дифференциации в этом случае установить достаточно сложно. Но экономические преступления являются исключением, поскольку ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» предусматривает по меньшей мере два условия освобождения от ответственности за совершение некоторых преступлений против собственности: ч. 5—7 ст. 159, ч. 1 ст. 159.1, ч. 1 ст. 165 УК РФ и др., а также преступлений в сфере экономической деятельности: ст. 198—199.1, 199.3, 199.4, ст. 170.2, ч. 1 ст. 171 УК РФ и др.

Первое дифференцирующее уголовную ответственность условие касается налоговых преступлений (ст. 198—199.1, 199.3, 199.4 УК РФ) и заключается в полном возмещении ущерба, который был причинен бюджетной системе РФ в результате совершения преступления. Сущность данного условия конкретизируется в соответствующих пунктах примечаний к указанным статьям и касается обозначения границ «ущерба, причиненного бюджетной системе». Понимание ущерба имеет уголовно-правовую специфику в сравнении с общим понятием, содержащимся в гражданском законодательстве. Для гарантированного освобождения от ответственности за налоговое преступление лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, должно возместить не только сумму образовавшейся налоговой задолженности, но еще дополнительно сумму пеней и начисленных штрафов за неуплату в законодательно установленные сроки. Из этого следует, что уголовно-правовое определение ущерба от налогового преступления включает в себя а) сумму ущерба, причиненного бюджетной системе РФ; б) суммы штрафных санкций (пени, штраф), которые применяются в рамках налоговой (или административной) ответственности.

Но в ряде случаев суды при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности за совершение налогового преступления учитывают только факт возмещения ущерба бюджетной системе либо не конкретизируют в решении суммы денежных средств, которые возмещены обвиняемым. Например, Трусовский районный суд г. Астрахани, руководствуясь

¹ Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 5.

² Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 33.

³ Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 18.

⁴ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 173; Шприц А.Е. К вопросу о критериях дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 132—137.

⁵ Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 85—86.

ст. 76.1 УК РФ и 28.1 УПК РФ, прекращая уголовное преследование в отношении Б. по ч. 1 ст. 198 УК РФ, указал, что «вред, причиненный бюджетной системе РФ в размере неуплаченного налога, возмещен... в полном объеме в размере...»⁶. Данные об уплате пеней и штрафов подсудимым Б. в тексте судебного решения отсутствуют, но содержится указание на документ от МИФНС, подтверждающий возмещение сумм только неуплаченного налога.

Второе условие для освобождения от ответственности за экономические и иные преступления, перечисленные в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, — возмещение в двукратном размере сумм ущерба/дохода/убытков/деяния, которые причинены / которых удалось избежать вследствие совершения указанного преступления. Это условие тоже выступает средством дифференциации уголовной ответственности по некоторым видам уголовно наказуемых деяний (преимущественно экономических), так как по общему правилу возмещение вреда или иное устранение негативных последствий совершения преступления является только обстоятельством, смягчающим наказание (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и не имеет обязательного значения для суда при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности (ст. 75, 76 УК РФ).

Данные средства дифференциации ответственности за экономические преступления, получившие закрепление в нормах Общей части УК РФ, свидетельствуют о наличии стремления законодателя к расширению уголовноправовых льгот лицам, виновным в совершении экономических преступлений, по сравнению с теми, кто привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях.

Традиционными средствами дифференциации уголовной ответственности, содержащимися в Особенной части УК РФ («специальная дифференциация»)⁷, являются разделы и главы, в которых объединяются нормы о преступлениях, посягающих на схожие родовые и групповые объекты⁸. Их расположение относитель-

но друг друга свидетельствует об увеличении/уменьшении характера и типовой степени общественной опасности, являющейся общим основанием для дифференциации уголовной ответственности⁹.

Применительно к экономическим преступлениям можно наблюдать некоторую незавершенность процесса оформления системы объекта, который нарушается преступным деянием. Раздел VIII УК РФ имеет нетипичное название, которое указывает не на обеспечиваемый объект охраны, «против» которого совершаются соответствующие преступления, а на «сферу», которая объединяет общественно опасные деяния, запрещаемые нормами гл. 21—23 УК РФ. Поэтому определить точные пределы объекта экономического преступления только на основании формулировки в названии VIII раздела УК РФ невозможно. Это обстоятельство порождает споры среди ученых о действительном количестве видов экономических преступлений, дифференциация ответственности за которые основана на распределении общего количества уголовно наказуемых деяний по нормам глав и разделов Особенной части УК РФ¹⁰.

Одним из наиболее распространенных средств дифференциации ответственности Особенной части УК РФ являются квалифицирующие и привилегирующие обстоятельства. Включение данных обстоятельств в структуру уголовно-правовой нормы позволяет формировать квалифицированные и привилегированные составы преступлений, фиксирующие изменение общественной опасности преступления, обладающего общим набором признаков основного состава¹¹. Со временем введение в действие УК РФ каких-либо изменений в общем подходе конструирования составов экономических преступлений не наблюдается. Законодатель изначально отказался от использования привилегирующих обстоятельств в диспозициях рассматриваемых норм. Поэтому в этой части дифференциация ответственности за экономические преступления

⁶ Постановление от 20.05.2020 по уголовному делу № 1-124/2020 / Трусовский районный суд г. Астрахани // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 25.04.2022).

⁷ Сергеева Е.Ю. Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 28.

⁸ Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Часть общая. Преступление. М., 1970. С. 124—125.

⁹ Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Указ. соч. С. 5—6.

¹⁰ См.: Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. С. 68—74; Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 57.

¹¹ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 278—279.

осуществляется только с использованием квалифицирующих обстоятельств. Их виды также за последние 20-25 лет действия УК РФ принципиально не изменились и не дополнялись: крупный и особо крупный размер/ущерб; группа лиц по предварительному сговору и организованная группа. Данные квалифицирующие признаки носят универсальный характер по отношению к большей части составов экономических преступлений.

Еще одним дифференцирующим уголовную ответственность средством, используемым в нормах Особенной части УК РФ, является санкция, а точнее — содержащиеся в ней виды наказаний, а также установленные верхние пределы сроков лишения свободы, которые непосредственно влияют на определение категории соответствующего вида экономического преступления. Изучение содержание раздела VIII УК РФ позволяет сделать вывод, что большинство экономических преступлений относятся к категориям небольшой или средней тяжести. Из этого следует, что практическим органам законодатель предоставил самые широкие возможности для применения уголовно-правовых льгот при осуществлении/прекращении уголовного преследования лиц, совершивших экономические преступления.

3. Заключение

В ходе проведенного исследования были сделаны следующие выводы относительно особенностей современной дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления.

1) Специфическим средством дифференциации уголовной ответственности, содержащимся в Общей части УК РФ, является отдельный вид освобождения от уголовной ответственности, предусмотренный в ст. 76.1 УК РФ. Основным условием для применения данной нормы является полное/двукратное возмещение ущерба, причиненного экономическим преступлением. Это исключительное средство дифференциации распространяется преимущественно на налоговые и некоторые иные виды экономических преступлений.

2) Либерализация уголовной ответственности наблюдается при анализе средств дифференциации ответственности, содержащихся в Особенной части УК РФ. Законодатель использует незначительное количество средств — видов квалифицирующих обстоятельств. Это приводит к тому, что подавляющее большинство экономических преступлений относится к категориям небольшой или средней тяжести. В свою

очередь, это обеспечивает большие возможности для отказа от уголовной ответственности или ее значительного смягчения в отношении лиц, совершивших экономические преступления.

3) Смягчение уголовной ответственности за экономические преступления не гарантирует эффективности уголовно-правового воздействия и значительного улучшения показателей эффективного противодействия экономической преступности.

Современная политика гуманизации уголовного законодательства наиболее ярко проявляется в установлении и дифференциации ответственности за экономические преступления. Изучение основных средств дифференциации ответственности, используемых в Общей и Особенной частях УК РФ, показывает, что основной задачей государства в борьбе с экономической преступностью является обеспечение возмещения имущественного вреда, который был причинен в результате совершения преступления. Такой вектор уголовной политики обеспечивает «мягкость» негативного воздействия на преступника и российский бизнес в целом, но при этом далеко не исключает совершения повторных преступлений в сфере экономики.

Список литературы

1. Вилитенко Т.О. Дифференциация уголовной ответственности за хищение чужого имущества // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26-3. С. 33—35. doi: 10.18411/lj-31-05-2017-46.
2. Жилкин М.Г. Дифференциация уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 402 с.
3. Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 2014. 462 с.
4. Кругликов Л.Л., Лапшин В.Ф. Особенности правового содержания оснований дифференциации уголовной ответственности // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 1 (21). С. 4—8.
5. Лапшин В.Ф. Теоретические основы установления и дифференциации ответственности за финансовые преступления: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2016. 446 с.
6. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 1998. 296 с.
7. Лопашенко Н.А. Снижение репрессивности уголовного закона: предлагаемые меры и

их оценка // Уголовное право. 2017. № 4. С. 84—93.

8. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. Т. 2. Часть общая. Преступление. М.: Наука, 1970. 516 с.

9. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 596 с.

10. Сергеева Е.Ю. Общественная опасность как основной признак преступления и инструмент дифференциации уголовной ответственности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 1. С. 19—30.

11. Шприц А.Е. К вопросу о критериях дифференциации уголовной ответственности // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 132—139.

References

1. Vilitenko, T.O. (2017) Differenciacija ugovolnoj otvetstvennosti za hishhenie chuzhogo imushhestva [Differentiation of criminal liability for theft of other people's property]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovanija*, no. 26-3, pp. 33—35. (In Russ.). doi: 10.18411/lj-31-05-2017-46.

2. Zhilkin, M.G. (2019) Differenciacija ugovolnoj otvetstvennosti za prestuplenija v sfere predprinimatel'skoj dejatel'nosti: problemy teorii i praktiki [Differentiation of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of theory and practice]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 402 p. (In Russ.).

3. Ivanchin, A.V. (2014) Konceptual'nye osnovy konstruirovaniya sostava prestuplenija [Conceptual foundations of the construction of the corpus delicti]. Doctor's degree dissertation. Jaroslavl', 462 p. (In Russ.).

4. Kruglikov, L.L. & Lapshin, V.F. (2013) Osobennosti pravovogo soderzhanija osnovanij differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti [Features

of the legal grounds for detention differentiation of criminal responsibility]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, no. 1 (21), pp. 4—8. (In Russ.).

5. Lapshin, V.F. (2016) Teoreticheskie osnovy ustyanovlenija i differenciacii otvetstvennosti za finansovye prestuplenija [Theoretical foundations of the establishment and differentiation of responsibility for financial crimes]. Doctor's degree dissertation. Rjazan', 446 p. (In Russ.).

6. Lesnievski-Kostareva, T.A. (1998) Differenciacija ugovolnoj otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naja praktika [Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice]. Moscow, Norma, 296 p. (In Russ.).

7. Lopashenko, N.A. (2017) Snizhenie represivnosti ugovolnogo zakona: predlagаемye mery i ih ocenka [Decrease in repressiveness of the criminal law: proposed measures and their assessment]. *Ugovolnoe pravo*, no. 4, pp. 84—93. (In Russ.).

8. Piontkovskij, A.A. (1970) Kurs sovetskogo ugovolnogo prava [The course of Soviet criminal law]. In 6 volumes. Vol. 2. Chast' obshchaja. Prestuplenie [The general part. Crime]. Moscow, Nauka, 516 p. (In Russ.).

9. Rogova, E.V. (2014) Uchenie o differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti [The doctrine of differentiation of criminal responsibility]. Doctor's degree dissertation. Moscow, 596 p. (In Russ.).

10. Sergeeva, E.Ju. (2021) Obshhestvennaja opasnost' kak osnovnoj priznak prestuplenija i instrument differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti [Public danger as the main feature of a crime and a tool for differentiating criminal liability]. *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, vol. 11, no. 1, pp. 19—30. (In Russ.).

11. Shpirts, A.E. (2021) K voprosu o kriterijah differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti [To the question about the criteria of differentiation of criminal liability]. *Aktual'nye problemy ugovolnogo prava na sovremennom jetepe (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tehniki)*, no. 10, pp. 132—139. (In Russ.).

Информация об авторе

А.К. Якубенко — аспирант кафедры уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Information about the author

A.K. Yakubenko – Postgraduate student of the Department of Criminal Law and Criminology of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia).